

Ф. БУОНАРРОТИ

ЗАГОВОР
ВО ИМЯ РАВЕНСТВА

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ
НАУЧНОГО
СОЦИАЛИЗМА

Под общей редакцией

академика

В. П. ВОЛГИНА

MCMLXIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

Ф. БУОНАРРОТИ
ЗАГОВОР
ВО ИМЯ РАВЕНСТВА

Т о м И I

Вступительная статья

В. П. ВОЛГИНА

Перевод с французского
Э. А. ЖЕЛУБОВСКОЙ

Комментарии
В. М. ДАЛИНА

MCMLXIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

М о с к в а

*CONSPIRATION POUR L'ÉGALITÉ
DITE DE BABEUF,
SUIVIE DU PROCÈS AUQUEL ELLE
DONNA LIEU, ET DES PIÈCES
JUSTIFICATIVES ETC., ETC.
PAR PH. BUONARROTI.
1828*

Ф. Буонарроти

ЗАГОВОР

ВО ИМЯ РАВЕНСТВА,

ИМЕНУЕМЫЙ

ЗАГОВОРОМ БАБЕФА

ПРОЦЕСС И ДОКУМЕНТЫ

ПРОЦЕСС

Тюремное заключение

Тюремное заключение участников заговора и весть о заговоре вызвали различные чувства: скорбь и оцепенение у угнетенных, трепет ужаса и свирепое ликование среди высших классов, завопивших о смертной казни для *бабувистов*. Многочисленные документы, захваченные у Бабефа⁹⁸, указали аристократии способ уничтожения партии, наводившей на нее страх.

Темницы Аббатства мгновенно заполнились подсудимыми, которых приволокли туда при проявлении живейшего участия к ним со стороны народа и солдат. В течение нескольких дней прилегающие к этой тюрьме улицы были запружены народом; но вскоре подсудимых разъединили, и те из них, которые казались наиболее скомпрометированными, были запряваны в башни Тампля. Все они ожидали в любой момент гибели от руки военной комиссии; Друэ уберег их от этого.

*Друэ отводит меч,
готовый поразить подсудимых*

Согласно конституции III года депутат мог быть предан суду только по обвинению Законодательного собрания и судим только верховным судом, присяжные заседатели которого назначались провинциальными избирательными собраниями. Требовалось несколько месяцев для создания этого чрезвычайного трибунала, который не мог заседать в той же коммуне, где заседало правительство.

Подсудимый Друэ был депутатом, и суд над остальными пришлось по необходимости отложить до выяснения того, не вовлечет ли в свое дело Друэ в качестве обвиняемого лиц, сообщником которых, как это представлялось, он являлся.

Два дня спустя после своего ареста Бабеф направил Исполнительной директории следующее послание:

Г. Бабеф — Исполнительной директории

Париж, 23 флореаля IV года республики.

Неужели, граждане члены Директории, вы сочтете ниже своего достоинства говорить со мной как с *равным*? Вы увидели теперь, средоточием какого широкого доверия я являюсь! Вы увидели, что моя партия может вполне померяться силами с вашей. Вы увидели, какие у нее огромные разветвления!

Я более чем уверен, что это зрелище *привело вас в трепет.*

В ваших ли интересах, в интересах ли отечества предавать огласке раскрытый вами заговор? Не думаю. Поясню, почему мое мнение стоит вне всяких подозрений.

Что произошло бы, если бы это дело получило огласку? Я играл бы в нем самую славную роль; со всем величием души, со всей известной вам энергией я показал бы святость заговора, *своего участия в котором я никогда не отрицал.* Не став на недостойный путь отрицаний, которым пользуются подсудимые в целях самооправдания, я нашел бы в себе мужество изложить великие принципы и выступить перед судом с защитой вечных прав народа со всем преимуществом, которое дает глубокая убежденность в том, насколько прекрасен этот сюжет. Заявляю: я нашел бы в себе смелость показать, что этот процесс — не осуществление правосудия, а процесс сильного против слабого, угнетателей против угнетаемых и их благородных защитников. Меня могли бы приговорить к ссылке, к смерти; но приговор надо мной был бы тотчас признан приговором все сильного преступления над бессильной добродетелью; мой эшафот почетно стал бы рядом с эшафотом Барнвельта и Сиднея⁹⁹. Неужели вы хотите на следующий же день после моей казни воздвигнуть мне алтарь рядом с алтарями *Робеспьера и Гужона*, которых сейчас благоговейно чтут как великих мучеников. Это от-

нюдь не тот путь, который упрочивает правительства и правителей.

Вы видите, граждане члены Директории, что, налагая на меня руку, вы ничего не выигрываете; один я далеко не представляю собой всего заговора; я лишь одно из звеньев длинной цепи, из которой он складывается. Так же как меня, вам следует опасаться и всех остальных его участников. Между тем у вас имеется доказательство того, как они во мне заинтересованы; карая меня, вы нанесли бы удар всем им и вызвали бы их гнев.

Заявляю, вы вызвали бы гнев всей демократии Французской республики; а вам должно быть также известно, что это не такой пустяк, как вы могли вначале вообразить. Признайте же, что демократия прочно существует не в одном только Париже; посмотрите, нет ни одного пункта в провинции, где бы она не была сильна. Вы судили бы о ней гораздо правильнее, если бы ваши клеветы захватили огромную переписку, которая дала бы вам возможность составить список лиц, лишь некоторые отрывки которого вы обнаружили. Можно сколько угодно желать погасить священный огонь; он пылает и будет пылать; чем более он кажется иной раз угасшим, тем более сильным и способным вызвать взрыв грозит стать его пламя при новой внезапной вспышке.

Решитесь ли вы полностью избавиться от многочисленных санкюлотов, которые отнюдь не хотят еще признать себя побежденными?

Следовало бы сначала допустить возможность этого; но куда бы это вас привело? Ваше положение отнюдь не похоже на то, которое позволило после смерти Кромвеля сослать несколько тысяч английских республиканцев. Карл II был королем, а вы, что бы там ни говорили, не пользуетесь еще такой властью; *вы нуждаетесь в партии, которая оказала бы вам поддержку; стоит вам убрать партию патриотов, и вы очутитесь лицом к лицу с роялизмом.* Как по вашему, каких хлопот наделал бы он вам, если бы вы оказались одни против него?

Но, скажете вы, патриоты так же опасны для нас, как и роялисты, а, возможно, еще опаснее. Вы ошибаетесь; вникните в существо того, что предпринято патриотами, и вы увидите, что они не желали вашей смерти; это клевета, что они об этом заявляли публично. Что касается меня, то я могу вам заявить, что смерти вашей они не хотели. Они хотели пойти иными путями, нежели Робеспьер: они вовсе не хотели крови; у них было лишь желание заставить вас самих признать, что вы использовали власть для угнетения, что вы устранили из нее все народные формы и гарантии, и они хотели отобрать ее у вас. Они не дошли бы до этого, если бы вы сумели править в интересах народа, как вы, казалось, обещали это после вандемьера. Я сам в первых номерах моей газеты хотел открыть вам путь к этому: я указывал, каким образом, по моему мнению, вы могли

бы снискать благословение народа; я объяснял, каким образом мне представлялось возможным, чтобы вы изгнали из вашего конституционного образа правления все то, что в нем противоречит истинным республиканским принципам.

Что ж, еще не поздно: оборот, который приняло последнее событие, может оказаться полезным и спасительным для вас и для дела народа. Неужели вы пренебрежете моим мнением и моими выводами о том, что интересы отечества и ваши собственные заключаются в том, чтобы не давать огласки настоящему делу? Мне казалось, что вы и сами пришли уже к тому мнению, что в этом деле следует быть политичным: полагаю, что вы поступите правильно. Не думайте, что этот шаг предпринят мною в собственных интересах; необычайная откровенность, с которой я неперестанно объявляю себя виновным в том, в чем вы меня обвиняете, показывает вам, что я действую так отнюдь не вследствие слабости. Смерть или ссылка послужат мне дорогой к бессмертию, и я пойду по ней с героическим и благоговейным пылом; но гонение против меня, как и против всех демократов, не принесет вам успеха и не обеспечит спасения республики. Я пришел к мысли, что в конечном счете вы все же не всегда являлись врагами этой республики; вы, очевидно, были даже добросовестными республиканцами; почему бы вам не быть ими и сейчас? Почему не допустить, что вы, подобно другим людям, вре-

менно заблуждались, под вполне неизбежным влиянием ожесточения, к которому, в отличие от нас, вас привели обстоятельства? Почему бы, наконец, всем нам не отказаться от наших крайностей и не найти разумного выхода? Сердца патриотов, как и сердца народных масс, истерзаны; надо ли раздирать их еще более? Каков был бы конечный результат этого? Не заслужили ли патриоты, чтобы подумали, наконец, о том, как залечить их раны, вместо того чтобы их растравлять? Вам, когда вы того захотите, будет принадлежать инициатива добра, ибо в ваших руках пребывает вся сила государственного управления. Граждане члены Директории, управляйте в духе народа; вот все, о чем вас просят патриоты. Говоря так от их имени, я уверен, что они не остановят меня, уверен, что они не станут меня опровергать. Я вижу лишь одно приемлемое и разумное решение: объявите, что никакого серьезного заговора не существовало. Пятеро человек, проявив величие и благородство, могут сейчас спасти отечество. Я ручаюсь вам также за то, что патриоты станут грудью за вас, и у вас не будет больше нужды в целых армиях, чтобы обороняться. Патриоты не питают к вам ненависти; они ненавидели только ваши антинародные действия. Под мою личную ответственность я также дам вам тогда гарантию столь же широкую, сколь широка моя постоянная искренность. Вам известно, каким влиянием я пользуюсь среди этого класса людей, я хочу сказать — среди патрио-

тов: я употребляю это влияние, чтобы убедить их в том, что раз вы заодно с народом, то они должны быть заодно с вами.

Как было бы хорошо, если бы результатом этого скромного послания явилось умиротворение Франции. Предотвращая огласку дела, предметом которого является Франция, не предотвратите ли вы тем самым и нарушение спокойствия Европы?

Подписано: Г. Бабеф.

Ослепление правительства

Давно было ясно, и раскрытие заговора дало новые доказательства этого, что преследование демократических учений вызвало большие расхождения среди старых друзей революции и что под влиянием этого преследования все более и более угасало рвение народа ее защищать.

Такое положение вещей, увеличивавшее благоприятные условия для роялистской партии, находившей поддержку за границей, должно было, казалось, умерить надменность вожakov новой аристократии и побудить их внести в законодательство изменения, которые привязали бы к ним демократов, а через них народ, и тем самым уберегли бы республику от столь пагубной для нее борьбы, а их самих от поразивших их в конечном итоге несчастий. Именно это и предлагал Бабеф как в целях сохранения жизни своим друзьям,

так и для того, чтобы вернуть республиканскому духу покидавшую его силу. Но способна ли впавшая в ужас спесь прислушаться к советам благоразумия? Новое правительство оставалось слепо, и, не считая нужным разумно отступить на шаг, снискав тем самым любовь народа, которой оно никогда не пользовалось, оно безрассудно отдалось слепой ярости и, вопреки здравому смыслу и общественному мнению, довело ее до того, что стало приписывать роялистские намерения также гражданам, которым роялизм внушал омерзение, и преследовать в их лице единственных людей, от которых республика с полным основанием могла ожидать подлинной и необходимой ей преданности.

Революционеры, ставшие аристократами, помышляли лишь о том, чтобы сейчас же воспользоваться победой, которой они обязаны были гнусному предательству, и раздавить партию, осуждавшую их узурпацию. Друэ было предъявлено обвинение, и он должен был предстать перед верховным судом, местопребыванием которого был определен Вандом.

Нарушение конституции

«Никто,— гласила конституция III года,— не может быть никаким решением комиссии или иными определениями, кроме установленных предшествующим законом, лишен судей, назначаемых ему законом». Тем не менее за-

кон, изданный после раскрытия заговора, постановил, что обвиняемые по тому же делу, что и депутат, должны предстать вместе с ним перед верховным судом, который не являлся судом, назначаемым им законом.

Та же конституция также гласила: «Для всей республики существует кассационный суд, который выносит решение по окончательным приговорам всех судебных инстанций». Между тем, согласно предписанию вышеуказанного закона, решение верховного суда, который безусловно являлся судебным органом, не подлежало кассации.

Эти противоречившие букве конституции предписания соучастники по делу Друэ приписывали тому, что правительство боится публичного судебного разбирательства на глазах у парижского населения. Они рассматривали эти предписания как следствие враждебности, проявившейся во время обсуждения данного вопроса и побудившей одного расшиврепевшего законодателя воскликнуть: «Незачем так церемониться с мятежниками», — а другого, не менее пристрастного: «Для того чтобы действовать против мятежников с соблюдением всех формальностей, понадобится слишком много времени».

Обвинительное заключение

В Париже обвинение было предъявлено 59 гражданам, из них 17 заочно; многим из них обвинение предъявлялось с непроститель-

тельной легкостью. В то же время по всей республике выискивались малейшие предлоги, чтобы увеличить число обвиняемых, средством массового избияния которых, как воображали власть имущие, послужит верховный суд. Подсудимые, доставленные из Шербура, Арраса, Рошфора, Бурга и Сента, были столь явно непричастны к делу, что им не смогли предъявить ни малейшего обвинения.

Побеги

Между тем как в Париже готовилась трагедия, которая должна была разыгаться в Вандоме, парижские демократы пришли в движение, чтобы освободить своих товарищей. Друзь бежал из тюрьмы Аббатства при содействии привратника-республиканца; однако побег заключенных из Тампля, относительно которого имелась договоренность с приставленными к ним солдатами, провалился из-за отсутствия необходимой согласованности в действиях.

Паш¹⁰⁰ был единственным оставшимся на свободе человеком, который в опубликованном им сочинении открыто защищал взгляды и дело подсудимых. Слабую преграду потоку сыпавшихся на заключенных оскорблений противопоставили и некоторые участвовавшие в периодической печати писатели. Однако они сделали это неуклюже и нерешительно, то отрицая очевидные факты, то давая понять, что заговор был тайно спровоци-

рован правительством. Они ни разу не осмелились рассмотреть вопрос о законности усилий участников заговора и найти оправдание их действительным намерениям¹⁰¹.

Перевод заключенных в Вандом

В ночь с 9 на 10 фрюктидора IV года все содержащиеся в Париже подсудимые были переведены в Вандом. Начальник крепости приказал тщательно обыскать их у него на глазах и сам поместил их в спешно построенные клетки с решетками, чтобы выставить, как диких зверей, напоказ врагам равенства и людям обманутым, которых те восстанавливали против подсудимых. Они проследовали через Париж среди многочисленных войск, и всю дорогу их сопровождал большой отряд жандармерии и кавалерийские войска. Шедшие за ними пешком жены, дочери и сестры часто вынуждены были переносить непогоду и насмешки аристократов. Да и сами подсудимые так натерпелись от грубости командовавшего их эскортом офицера, что не могли нахвалиться радушным приемом, оказанным им муниципальными властями Шартра и Шатомена.

В Вандоме был специально создан суд и обширная тюрьма, в которую вечером 13 фрюктидора были заключены все бывшие налицо подсудимые; некоторое время спустя туда же попали Антонелль и Фион, арестованные после предъявления им обвинения,

а также подсудимые, прибывшие из Рошфора, Шербура и Арраса.

Войска всех родов оружия строго охраняли подступы к тюрьме и улицы города, подход к которым на десять лье в окружности был запрещен тут же изданным законом. Предстоявшие судебные заседания намеревались лишить всякой гласности.

Время, прошедшее между прибытием подсудимых и открытием заседаний суда, было употреблено судом на то, чтобы сформироваться, произвести допрос и расследовать причины неявки в суд, созвать присяжных и вынести суждения по поводу предъявленных подсудимыми требований и отклонений. Подсудимые воспользовались этим временем для опротестований, для отклонений, на которые они имели право, а также для согласования и подготовки своих защитительных речей.

Опротестования

Мало согласовывавшиеся с конституцией декреты, о которых шла речь выше, открыли подсудимым широкую возможность опротестования. Многие из них усмотрели в оспаривании компетенции верховного суда возможность возбудить между ним и Законодательным собранием спор, который мог привести к благоприятным для народного дела событиям. Напрасная надежда! Верховный суд объявил себя правомочным.

Отводы

Из общего количества присяжных, назначенных провинциальными избирательными собраниями, тридцать человек могли быть подвергнуты подсудимыми немотивированному отводу. Это была весьма важная процедура, от которой могла зависеть участь многих из них.

Основываясь на неполных и часто неточных сведениях, собранных в провинции, подсудимые на общем совещании пришли к соглашению относительно лиц, подлежащих отводу. Эти лица были распределены между тридцатью подсудимыми с тем, чтобы каждый из них мог отвести одного.

Однако ввиду того, что выборы IV года производились во многих местах в отсутствие подвергавшихся преследованиям или насильственно изгнанных из собраний республиканцев и на выборы влияли враги революции, оказалось невозможным оставить в списке присяжных одних только истинных друзей свободы; пришлось довольствоваться лишь менее плохими. Из лиц, заслуживавших полное доверие, одни были исключены судом как родственники эмигрантов; другие, поддавшись страху, прикинулись больными, и это было признано уважительной причиной. На судебном разбирательстве присутствовали только трое¹⁰².

Мужественные признания Бабефа

Первой мыслью Бабефа, как только его лишили свободы, было сознаться в заговоре и отстаивать его законность. Это видно из его ответов министру полиции, допрашивавшему его, имел ли он намерение свергнуть правительство и вступал ли он для достижения этого в союз с некоторыми лицами. Вот эти ответы: «Глубоко убежденный, что существующее правительство является угнетательским, я готов был сделать все, что в моих силах, для его свержения. Я вступил в союз со всеми демократами республики; долг не позволяет мне назвать хотя бы одного из них». Допрошенный тем же министром о том, какие средства он рассчитывал употребить, он ответил: «Все средства законны против тиранов». И вслед за тем: «Мне незачем сообщать подробности о средствах, которые были бы употреблены. Впрочем, они зависели не только от меня, мне принадлежал только один голос в совете борцов против тирании».

Несколько дней спустя, на допросе у председателя суда он следующим образом ответил на обвинение в том, что он является зачинщиком заговора: «Я утверждаю, что мне оказывают слишком много чести, увенчивая меня званием руководителя заговора; заявляю, что я занимал в нем лишь второстепенное место, в границах, которые я укажу: я одобрял этот заговор, так как считал его законным, так как считал и сейчас считаю, что нынешнее

правительство является в высшей степени преступным: оно узурпировало власть, нарушило все права народа, довело его до самой тяжкой нищеты, до самого жалкого порабощения; оно повинно, наконец, главным образом, в оскорблении нации. Я одобрял этот заговор потому, что верил и сейчас верю в святость принципа, согласно которому организация заговора против такого правительства есть настоятельный долг всех свободных людей. Поэтому-то я охотно согласился содействовать всеми доступными мне средствами вождям и руководителям образовавшегося против него заговора».

Определив, какую роль он играл в заговоре, он добавил: «Вот подробности, которые, несомненно, опровергнут нелепое предположение, будто я являюсь главой заговора; оно основывалось на том единственном обстоятельстве, что в момент ареста при мне оказалась часть бумаг участников заговора. Повторяю, я вовсе не хочу этим умалить свою виновность; я хочу лишь быть добросовестным и не выступать в более яркой роли, чем я того заслуживаю, в роли, которую я не играл. Однако после этого я согласен понести самое тяжкое наказание за преступление в том, что я находился в заговоре против угнетателей; ибо снова признаю: что касается намерений, то никто не мог конспирировать против угнетателей решительнее меня. Я убежден, что это преступление присуще всем французам, по крайней мере всем честным

французам, всем, кто является противником ужасной системы, обеспечивающей благополучие немногим, основанной на позоре и крайней нищете масс; я объявляю себя полностью причастным к преступлению и уличенным в нем и заявляю, что я служил преступлению, к которому причастны все участники заговора».

В продолжение долгого следствия, учиненного председателем суда присяжных, главные подсудимые содержались все время в одиночном заключении. Не имея возможности сговориться с Бабефом, считавшимся наиболее осведомленным в деле, остальные подсудимые, из опасения дать противоречивые показания или подвести друг друга, были вынуждены предоставить ему одному давать объяснения, а самим держаться в рамках строгой осмотрительности. Одни отрекались от собственного почерка, другие измышляли небылицы. Дарте беспрерывно опротестовывал законность судебной процедуры.

Если бы не слабость Пийе¹⁰³, арестованного вместе с Бабефом и Буонарроти, почерк Бабефа, как и почерк еще некоторых заключенных, остались бы неузнанными. Безумно боясь, как бы сделанные им многочисленные копии актов Повстанческого комитета, секретарем которого он являлся, не навлекли на него обвинения в активном соучастии в проекте, Пийе поспешил заявить о том, что было им сделано и свидетелем чего он являлся, а также назвать авторов переписанных им рукописей. Этот подсудимый, трусливое поведе-

ние которого имело роковые последствия, ловко разыграл в тюрьмах и на суде роль слабоумного. Представ перед верховным судом, он заявил, что злой дух толкнул его к Бабефу; он утверждал, что можно вступить в соглашение с дьяволом, чтобы заручиться его покровительством или чтобы нанести кому-нибудь вред, и попросил слова — как он заявил — для приведения подробностей. Среди действительно замешанных в деле подсудимых никто не дрогнул перед угрозавшей им смертельной и неминуемой опасностью. Все остались непоколебимы в своей преданности защищаемой ими доктрине, как и в решимости скрепить ее своей кровью. В своих показаниях они никого не выдали.

Стойкость подсудимых

К тому времени, когда они прибыли в Вандом, они уже сговорились о том, чтобы отказаться от всяких недомолвок, уверток, от всякого отрицания, сознаться в заговоре и при защите ограничиться указанием на его законность. Они считали своим долгом засвидетельствовать таким образом в последний раз правоту своего дела и показать отечеству незабываемый пример упорства и стойкости. Но другие подсудимые, менее скомпрометированные и более осторожные, были встревожены этим планом защиты и сочли своим долгом помешать его осуществлению. «Если вы сознаетесь в существовании заговора,— говори-

ли они своим товарищам,— то каким образом суд сможет объявить его неустановленным? Возможно ли, чтобы среди наших присяжных заседателей оказалось хотя бы четверо, которые найдут в себе мужество оправдать ваши намерения или ответить святой ложью на вопросы о фактах, которые им будут предлагаться? Это значило бы слишком многого ожидать от выборных лиц в пору коррупции и испорченности. Не приведете ли вы к гибели вместе с собой, в случае если заговор будет признан действительно существующим, также и нас, ваших друзей, и многочисленных республиканцев, которые уже являются жертвой клеветы и преследований? Не подвергайте добродетель наших судей слишком суровому испытанию и дайте им, по крайней мере, повод для вашего оправдания».

Видоизменение защиты

Оттого ли, что эти увещания внушили главным подсудимым опасение, как бы во время судебного разбирательства не вспыхнул пагубный разлад; оттого ли, что они отступили перед мыслью об ударе, который они нанесут отечеству, повредив своим друзьям; оттого ли, наконец, что сердца их поддались чувству самосохранения, но только первоначальный план был отвергнут. Условились, что существование заговора следует отрицать, что его цель будет защищаться предположительно и что надо стараться давать объясне-

ния в соответствии с содержанием захваченных документов и уже доказанными фактами

Однако свидетельские показания доносчика были подробны и точны, и хотя они были единственными, на которых базировалось обвинение, но их до такой степени подтверждали многочисленные уличавшие подсудимых документы, что казалось невозможным, если отбросить всякие политические соображения, чтобы добросовестный человек при самом поверхностном рассмотрении мог отрицать реальность заговора.

Поэтому подсудимые, которые были серьезно скомпрометированы, решили защищаться, настаивая на том, что сговор, существование которого считали якобы установленным, на деле не существовал и что если бы даже он и существовал, то в нем не было бы ничего преступного как в силу отсутствия средств для его осуществления, так и в силу того, что при самом неблагоприятном предположении цель, которая ему приписывалась, являлась законной и правомерной.

Антонелль

То, что готовилось к заседаниям суда, было до этого совершено Антонеллем на глазах у народа. Этот мужественный гражданин нашел в то время самое благородное применение своим дарованиям и состоянию. Несмотря на то, что в отношении его не возникало никакой юридической презумпции, он открыто присоединился к делу своих заключенных

в тюрьме друзей. Многочисленными печатными выступлениями ¹⁰⁴ он расположил общественное мнение к тому, чтобы благосклонно встретить их защиту, и из недр своей темницы выступал с беспощадными обвинениями против правительства, восхвалял конституцию 1793 г., оправдывал намерения участников заговора и нашел в себе мужество объявить себя почти их сообщником.

В это злополучное время почти все силы республиканцев были заключены в Вандомской тюрьме. Здесь подсудимые вдохновляли друг друга на служение народу примером непоколебимой твердости; они жили в самом демократическом братстве. Известные оттенки, которые можно было различить между равными и бывшими членами Конвента ¹⁰⁵, не помешали установлению полного согласия; оно росло с каждым днем благодаря сближению во взглядах и преданности, с которой каждый выполнял свой долг перед судом.

По вечерам далеко вокруг разносилось пение республиканских песен, в котором принимали участие все заключенные, и жители Вандома, привлекаемые интересом и любопытством на соседний холм, нередко присоединяли к пению свои голоса и аплодисменты.

У людей, дерзнувших на столь многое ради дела, которому они были так преданы, судьба республики была, безусловно, постоянным предметом разговоров и беспокойства. Одно ужасное несчастье дало новую пищу тому и другому. Едва подсудимые прибыли в Ван-

дом, как они узнали о роковом событии в Гренельском лагере, где лишились жизни многие безупречные демократы, попавшие в отвратительную ловушку вследствие желания разбить цепи узников и восстановить права народа. Эта гнусная резня способствовала тому, что силы аристократии выросли за счет силы, насильственно вырванной у демократической партии.

Вскоре после этого некоторые уличенные роялистские заговорщики, эмиссары осужденной законом династии, встретили скандально снисходительное отношение со стороны покровительствовавшего им большинства законодателей, как и со стороны судившей их военной комиссии.

Около того же времени суды, на которые было возложено заочно судить обвиняемых по делу 13 вандемьера, объявили недоказанным заговор, заливший в этот день кровью Париж.

Эта снисходительность суда возбудила недовольство правительства. «Я опасаюсь,— говорил один из его членов,— как бы она не оказалась спасительной для подсудимых в Вандоме». От них правительство особенно хотело отделаться.

Открытие судебного разбирательства

2 вантоза V года началось, наконец, судебное разбирательство. Налицо было 47 подсудимых: 18 человек судили заочно *. Бабеф,

* Налицо были подсудимые: Бабеф, Дарте, Жермен, Блондо, Кордэ, Фроссар, вдова Мунар, Буонар-

Дарте, Буонарроти, Жермен, Казен, Клод Фике, Буэн, Фион, Рикор, Друэ, Ленде, Амар, Антонелль, Россиньоль и еще десять человек действительно активно участвовали в заговоре; пятеро были причастны к нему косвенно¹⁰⁶; все же остальные были совершенно к нему непричастны и предстали перед верховным судом лишь благодаря неистовству партии, желавшей сделать этот суд истребительным для демократии.

Здание суда охранялось многочисленной военной силой. Около каждого подсудимого стояло по два жандарма. Зал заседаний был обширен; часть его, отведенная для публики, была постоянно полна народа, часто аплодировавшего подсудимым и ни разу обвинителям.

Было несколько защитников. Они затянули заседание многочисленными возбужденными ими инцидентами и иной раз расходились во взглядах с подсудимыми, намерения которых они ни разу не осмелились оправдать¹⁰⁷. Подлинными защитниками дела были Бабеф, Жермен, Антонелль и Буонарроти.

ротти, Софи Лапьер, Гулар, Мюнье, Массар, Рэбуа, Фион, Коше, Нейе, Буден, Жанна Бретон, Вадье, Лэньело, Тулот, Ламбер, Ламберте, Поттофе, Морель, Дюфур, Моруа, Клере, Амар, Филип, Казен, Николь Мартен, Таффуро, Друэн, Руа, Пийе, Бретон, Дидье, Антонелль, Антуан Фике, Рикор, Тьерри, Аделаида Ламбер, Вернь, Дюпле-отец, Дюпле-сын, Крепен. Судились заочно: Друэ, Ленде, Вакре, Клод Фике, Гилем, Кретьен, Монье, Рей, Менесье, Мунар, Бод, Буэн, Парен, Бодсон, Лепелетье, Россиньоль, Жорри, Кордебар.

Следовавшие за подсудимыми отважные женщины присутствовали все время на всех заседаниях суда.

Дарте

Из числа серьезно скомпрометированных подсудимых один Дарте, более последовательный, чем все другие, настойчиво выражал протест. Он ни разу не признал за верховным судом права его судить, постоянно отказывался отвечать и давать объяснения и позволил осудить себя без защиты. После того как он снова выразил суду свой протест, он произнес следующие слова: «Что касается меня, то если провидение приурочило к этому времени конец моего жизненного пути, я закончу его доблестно, без страха и сожаления. Увы! О чем мне сожалеть?.. Когда гибнет свобода, когда камень за камнем рушится здание республики; когда само ее название стало ненавистным; когда друзья, поклонники равенства, подвергаются преследованиям, лишаются пристанища, предаются ярости убийц и треволнениям самой ужасающей нужды; когда народ, жертва всевозможных ужасов голода и нищеты, лишен всех своих прав, унижен. презираем, изнемогает под железным ярмом; когда величественная революция, надежда и утешение угнетенных народов, стала лишь призраком; когда защитники отечества, согбенные под бременем гнуснейшего деспотизма, выносят тяжкие поношения, когда в награ-

ду за свои жертвы, за пролитую ими во имя защиты общего дела кровь их обзывают злодеями, убийцами, грабителями, а их лавры превращают в тернии; когда роялизм повсюду обнаглел, находит покровительство, почет и даже вознаграждается кровью и слезами несчастных; когда фанатизм с новым неистовством извлекает из ножен свои кинжалы; когда преследование и смерть витают над головами всех добродетельных людей, всех друзей разума, принимавших какое-либо участие в великих и благородных усилиях на пользу нашего возрождения; когда в довершение ужаса злодеи, прикрываясь именем всего, что есть наиболее священного, наиболее почитаемого на земле, именем святой дружбы, уважаемой добродетели, безукоризненной честности, благородного правосудия, кроткой гуманности, именем самого бога, несут за собой страдание, отчаяние и смерть; когда официально почитаются, превозносятся и называются священным именем добродетели глубокая безнравственность, ужасающее предательство, гнусная клевета, бесчестное клятвопреступление, разбой и убийство; когда порваны все социальные узы; когда Франция покрыта траурным крепом; когда она скоро будет представлять испуганному взору путника одни лишь груды трупов и дымящиеся пустыни; когда нет более отечества,— тогда смерть является благом.

Я не завещаю моей семье и моим друзьям ни бесчестия, ни позора; они смогут с гор-

достью назвать мое имя в числе имен защитников величественного дела человечества и его мучеников. Я с уверенностью утверждаю, что весь свой революционный путь прошел незапятнанным; ни разу мысль о преступлении или подлости не осквернила моей души. Бросившись еще молодым в революцию, я вынес все тяготы, перенес все опасности, ни разу не пав духом, испытывая одну лишь радость надежды увидеть когда-нибудь прочно заложенное царство равенства и свободы. Поглощенный исключительно возвышенностью этого человеколюбивого дела, я пошел на полное самоотречение; личный интерес, семейные дела — все было забыто, пренебрегаемо; сердце мое билось всегда только для моих ближних и для торжества справедливости».

Контрреволюционное умонастроение государственных обвинителей

Государственные обвинители с самого начала старались возбудить ожесточенную ненависть не только к подсудимым, но и ко всему, что было сделано в пользу демократии в ходе революции. Устанавливая прежде всего факт существования воображаемого сообщества зловердных лиц, никому прежде неизвестных чудовищ, лицемерных, безбожных, честолюбивых, мстительных, взбесившихся, клеветников, человекоубийц, сынов анархии, рожденных в лоне еѣ, не ведающих ничего кроме нее, беспрестанно призывающих ее и толь-

ко ее одну приветствующих, они приписывали этому сообществу все движения и все революционные акты и не отступили перед тем, чтобы еще до разбора дела отнести к его членам обвиняемых, судить которых предстояло верховному суду.

В изображении обвинителей, влияние этой крамольной партии было так велико, что слушавшие их не могли разобраться в том, какие же события революции они удостаивали своим одобрением. Судя по их определению законного восстания, они в глубине души распространяли анафему, которой они предавали великие национальные движения, даже на движение 14 июля — единственное, которое они, казалось, одобряли.

При помощи многочисленных документов, захваченных у подсудимых, обвинителям нетрудно было доказать наличие сговора, который они называли преступным заговором; но что касается вопроса о намерении, существенного элемента преступления, то они старались уклониться от его обсуждения; в том немногом, что ими было сказано о нем, они исказили его ложными утверждениями, рискованными абсурдными выводами. Их неизменной целью было изобразить подсудимых презренными и гнусными созданиями и воспрепятствовать им убедить Францию в том, что их взгляды благотворны, что их оппозиция конституции III года законна, а их намерения справедливы и находятся в соответствии с общими интересами. Что же надо думать об

этих обвинителях, которые, получив задание возбудить преследование от имени республики против творцов неосуществленного плана, позволили себе оправдать заговор и вооруженный мятеж, приведшие к тому, что 13 вандемьера IV года была пролита кровь многих тысяч граждан и имевшие конечной целью восстановление королевской власти?

Помехи, чинимые защите

Заодно с обвинителями судьи тоже стремились ограничить судебное разбирательство узкими рамками факта и несколько раз пользовались своей властью, чтобы запретить подсудимым всякую, даже предполагаемую дискуссию о существовании заговора, всякое обсуждение их сочинений, представленных, между тем, обвинением как главные и почти единственные средства, которыми пользовались участники заговора.

Таким образом, суд, который, казалось, был обязан защищать права нации и обуздывать власть имущих, в действительности служил только орудием в руках лиц, которые, пренебрегая народным суверенитетом, захватили в свои руки путем насилия верховную власть.

Подсудимые выступают в защиту революции

Хотя подсудимые, серьезно замешанные в заговоре, отказывались признать его существование, они упорно продолжали защищать

его принципы. Революция была в их глазах святым делом; они добросовестно оставались верны народному суверенитету и утвердившей его конституции 1793 г.; гордые тем, что они сделали для их восстановления, они принимали как почесть свои кандалы и угрожавшую им опасность.

Сильное раздражение, необходимое следствие выявившейся противоположности между взглядами обвинителей и чувствами обвиняемых, неоднократно прорывалось в злобных декламациях прокуроров, в пристрастии, с каким судьи прерывали подсудимых, и в бурных протестах заключенных.

Могли ли подсудимые хладнокровно выслушивать клеветнические выпады по адресу основателей республики и отказывать в талантливости, мужестве и нравственных качествах наиболее стойким защитникам равенства?

Могли ли они молча выслушивать, как им приписывались низкие, корыстные чувства — им, большинство которых множество раз рисковало жизнью ради отечества и уходило с государственных должностей в почетной бедности? Им, по адресу которых в ходе столь длительного судебного процесса не раздалось ни одного упрека в каком-либо бесчестном поступке?

Подсудимые ни разу не изменили себе во время судебного разбирательства. При каждом удобном случае они во всеуслышание воздавали хвалу республике и равенству; много раз

они успешно опровергали политические софизмы обвинителей и почти на каждом заседании оглашали своды здания суда пением республиканских песен.

Предатель

Предатель, донесший и выдавший доверчивых людей, которым он льстил, которых зажимал и с которыми был ласков... Гризель! он фигурировал в списке свидетелей, в числе которых были и другие полицейские шпионы, все время отказывавшиеся сидеть с ним рядом, испытывая ужас перед его глубоким нравственным падением.

Подсудимые надеялись отвести этого свидетеля, ибо закон запрещал выслушивать доносчика при разборе таких преступлений, донос на которые по закону вознаграждается деньгами, или когда доносчик может каким-либо иным путем извлечь выгоду из своего доноса.

По мнению подсудимых и их защитников, слово может означало неограниченную возможность и подразумевало вознаграждение, которого доносчик мог с основанием ожидать от правительства.

Придуманная государственными обвинителями уловка, чтобы выйти из затруднительного положения, в которое их ставила настойчивая аргументация подсудимых, вызвала всеобщие насмешки; они осмелились утверждать, что квалификация доносчик неприменима к

Гризелю, так как — заявляли они — свое первое показание он сделал Директории, а не полицейскому чиновнику, и, следовательно, являлся просто разоблачителем.

Он выступает свидетелем

Эта уловка оказалась неудачной; тем не менее суд решил, что смысл слова *может* должен быть ограничен правами, приобретаемыми доносчиком в результате доноса, и постановил выслушать Гризеля, что вызвало у многих сильное негодование.

На процессе фигурировало около пятисот уличающих документов, и ряд заседаний был посвящен предъявлению этих документов опознававшим их подсудимым, а также установлению экспертами достоверности документов, которые приписывались тем из них, кто отказывался отвечать или был предан суду заочно.

Сумятица

Обвинители строили всевозможные догадки относительно того, на какие именно слова в документе, которому они придавали большую важность, Бабеф, подписывая свои показания у министра полиции, поставил большое чернильное пятно¹⁰⁸. Затяжной спор, происходивший по этому поводу, привел к бурным нападкам с той и с другой стороны и закончился страшной сумятицей. Заседание было

внезапно прервано среди криков обвинителей защитников и подсудимых. Удаляясь, подсудимые спели с жаром строфу из гимна «Марсельеза»: «Трепещите, тираны, и вы, предатели!». Суд составил протокол о случившемся; он был поставлен на повестку дня Законодательного собрания.

После того как подсудимые бросили укор в адрес председателя, обвинители стали жаловаться на то, что подсудимые хотят путем нагромождения инцидентов бесконечно prolongировать ведение процесса. «Столько голосов раздается против медлительности действий верховного суда!» — заявили они. «Друзья народа, — воскликнул Бабеф, — вы догадываетесь, что это за многочисленные голоса. Это голоса одной только ничтожной по сравнению с массой народа касты, неправильно называемой почтенной, которая нагло претендует на то, чтобы быть всем, жить, ничего не делая, выжимая пот у большинства, ставить эту, исключительно полезную массу народа ни во что, терзать ее, морить голодом в награду за постоянное пользование плодами ее рук, ее ума и мастерства. Такова, республиканцы, та горстка вампиров, от имени которой заявляют, что все голоса восстанут против медлительности лиц, задумавших умертвить нас. Таковы люди, которым стараются угодить. Добропорядочные люди, вы будете удовлетворены! Читайте протоколы первых заседаний верховного суда, и вы убедитесь, какая услуга вам здесь оказана. А вы, основная и важнейшая

часть народа, вы увидите, как обращаются с вами в лице тех, кто непрестанно заботился о ваших интересах. И вы также, друзья, защитники народа, товарищи по славе, вы все это слышали; это золотой телец требует вашего заклятия. Сквозь вой хищной орды вы различите голоса двадцати четырех миллионов угнетенных, чье правое дело вам надлежит защищать. Они стонут втихомолку под тяжестью цепей, лишенные всего, нагие, падающие от истощения, обращая свое преклонение и свои жалобы к теням овечьих славой мучеников, — наших предшественников в деле установления общественного блага. Вам завещали они эту высокую апостольскую миссию, точно так же как вы передадите ее другим праведникам, столь же ревностным и, быть может, более счастливым, чем вы и ваши предшественники. Добродетель не умирает; тираны обольщают себя своими свирепыми преследованиями; они уничтожают одно лишь тело; душа добродетельных людей меняет лишь оболочку; вслед за прекращением жизни одного существа она дает жизнь другим, которым она продолжает внушать благородные побуждения, никогда не оставляющие в покое господствующее преступление.

В соответствии с этими последними мыслями и ввиду все новых мер, которые, как я вижу, принимают ежедневно, чтобы ускорить мою голгофу, я готов предоставить моим угнетателям всю свободу действий, которой они так желают. Я отказываюсь от бесполез-

ных частностей моей защиты. Пусть они нанесут мне удар, не ожидая ничего в ответ; я мирно усну в лоне добродетели».

Свидетельские показания предателя

Гризель говорил в течение двух заседаний и подробно рассказал обо всем, что им было сделано, чтобы разузнать, соучаствовать, обмануть и предать подсудимых. Он говорил правду, не считая нескольких продиктованных тщеславием добавлений, из-за которых он иной раз сам себе противоречил. Но если в нем и нельзя было усмотреть лжеца, то это, однако, не уменьшало возмущения наглостью, с которой он выставлял напоказ свое вероломство и хитросплетения, при помощи которых ему удалось снискать благосклонность тех, кого он задумал погубить.

Побуждаемый естественным порывом негодования, Антонелль ярко обрисовал лицемерие предателя и заклеил его неизгладимой печатью позора.

Говоря о некоторых подсудимых, Гризель заявил: «Я вижу здесь только агентов — ни один из них не был действительным вождем заговора; за кулисами стояли люди, которые приводили их в движение и заставляли их действовать». В ответ на это у Жермена вырвались следующие слова: «О, если нас так мало, ступай на берег Оды и вырой труп моей жены из песка; ступай, оспаривай пищу у червей, менее тебя заслуживающих того, что-

бы его пожирать; ринься, как голодный тигр, на мою мать; к этому гнусному пиру добавь моих сестер и их детей; вырви моего сына из слабых рук его кормилицы и сожри его нежные члены своими хищными зубами. Шестидесят наших семейств предлагают тебе столь же отвратительную добычу; ступай, хватай ее, ступай! Ну что! Эта приманка тебя не соблазняет? Значит, ты, несомненно, еще притворяешься». Не менее замечательны слова, которыми Жермен закончил свою красноречивую защитительную речь: «Без всякого страха и слабости,— заявил он,— жду я вашего приговора; каков бы он ни был, мне нечего бояться, не от чего падать духом. В самом деле, если я умру, свобода не будет иметь более преданного мученика; если я останусь в живых, она не будет иметь более неустрашимого защитника».

*Бабеф оправдывает
прериальское восстание*

Гризель говорил о восстании 1 прериаля III года, приписывая его анархистам, причем делал вид, что под этим наименованием он, подобно обвинителям, подразумевает всех искренних друзей равенства. «Прериаль! — воскликнул Бабеф.— Ужасное время, роковые, но священные и благоговейно чтимые дни, никогда не возникающие в мыслях добродетельных французов без умиления и скорби, дни, вызывающие воспоминание о величайших преступлениях, как и о благородных усилиях

добродетели, о величайших несчастьях народа... Прериаль! Бедственные, но почетные дни, когда народ и верные ему представители исполнили свой долг, когда его вероломные уполномоченные, те, кто морит его голодом, его злодеи, узурпаторы его суверенитета и всех его прав довели до крайности беспримерные в истории зверства... Одни вы, о Гракхи, о бессмертные французы, остаетесь благородными. Одни вы имели смелость объявить себя опорой и защитой народа; на одну вашу беспредельную преданность могли опереться его более чем справедливые требования: хлеба и законов! Гужон, Дюруа, Ромм, Субрани, Дюкенуа, Бурбот...—славные жертвы! Вы, чьи прославленные навеки имена уже звучали в этом зале и еще не раз будут звучать! Чьи тени мы неустанно воспеваем ежедневно в наших песнях! Чья стойкость перед судьями-палачами, несмотря на цепи, послужит для нас примером и поможет нам выдержать самую долгую и суровую неволю! Вы, наконец, кого злодеи умертвили, но ни на один день не смогли очернить! Доблестные мученики! Бесстрашные защитники святого равенства! Свободу, суверенитет народа, все принципы, гарантирующие ему счастье, вы спасли от позора быть отнятыми без мужественного сопротивления... Нашим долгом было заменить вас после вашей гибели; став, подобно вам, жертвой, мы обязаны быть похожими на вас и предстать перед нашими гонителями непоколебимыми, как вы. Каждый истинный респуб-

ликанец должен чтить время, когда вы пали жертвою самых мерзких врагов республики...»

На этом суд заставил Бабефа замолчать.

Полицейские сыщики пришли дать показания против рабочих, уличенных в том, что после ареста Бабефа они объединились, чтобы освободить его и осуществить его планы. Эти бесстыжие люди, в числе которых можно было увидеть фальшивомонетчика, спешно освобожденного из тюрьмы, чтобы сделать из него шпиона, согласованностью своих действий только усиливали решимость тех, против кого они давали показания

Благородство двух свидетелей

Среди стольких порочных субъектов оказались два несчастных молодых человека, которые своими бедствиями, благородством и мужеством вызвали у зрителей слезы умиления. Жан-Батист Менье и Жан-Нозэль Барбье — оба солдаты — были приговорены к десяти годам тюремного заключения за действия, связанные с восстанием полицейского легиона. Судившая их военная комиссия вырвала у них признания против некоторых подсудимых; их доставили в Вандом для подтверждения этих признаний. Однако, не оправдав ожиданий обвинителей, Менье и Барбье во всеуслышание отказались от всего, что имели слабость признать, и предпочли навлечь на себя новое обвинение в лжесвидетельстве, чем произнести

хотя бы единое слово против людей, которых предали суду.

Мало того, они склонились перед подсудимыми и приветствовали их пением республиканских песен; они называли их друзьями народа и попросили разрешения разделить с ними славу. Столь великая доблесть была вознаграждена новым осуждением на каторгу... О, времена!..

Защита

Вследствие принятого сообща решения отрицать существование заговора Бабеф более чем кто-либо из подсудимых был стеснен в своей защите. Из пятисот, приблизительно, уличающих документов, которые почти все были захвачены у него и в которых совершенно явственно говорилось об организации, плане, действиях Повстанческого комитета и содержалась его переписка, более ста были написаны его рукой. Донос был целиком направлен против него; пять долгих заседаний занял его допрос.

Как можно было давать столь мало правдоподобные объяснения многочисленным фактам, вытекавшим из этих документов и подтвержденным доносчиком? Главные подсудимые попытались это сделать; иной раз им это частично удавалось, но в целом они добились лишь того успеха, что несколько приободрили тех из присяжных, которые уже разделяли их взгляды. При таком положении

их защита представляла собой мало связанное сплетение всевозможных ухищрений, которые были им не по душе и чему они подчинялись, уступая лишь своим товарищам по несчастью.

Подлинная защита этих подсудимых целиком выражалась в признании ими своих демократических доктрин, в торжественном восхвалении ими конституции 1793 г. и в настойчивости, с какой они оправдывали цель предполагаемого заговора.

Этот заговор весь исчерпывался актом о создании Повстанческой директории *, который обвинители называли *узурпацией суверенитета*; на этом документе и базировалось главным образом обвинение. Бабеф доказывал справедливость мотивов заговора, его намерений и средств.

«Перед нами,— заявил он,— отнюдь не процесс отдельных лиц, а процесс республики; вопреки инакомыслящим, к нему необходимо отнестись со всем благородством, величием и преданностью, которых требуют столь огромные интересы... Этот акт,— продолжал он,— принадлежит перу нескольких республиканцев; в это дело вовлечены все республиканцы, следовательно, оно принадлежит республике, революции, истории... Мой долг его защищать».

Сравнивая вслед за тем свое настоящее положение с положением демократов, оставшихся на свободе, он воскликнул: «Гений сво-

* См. Документы, № 4.

боды, какую хвалу должен я воздать тебе за то, что ты поставил меня в положение, при котором я пользуюсь большей свободой, чем все другие люди, именно в силу того, что я закован в цепи! Как прекрасно мое положение! Как прекрасно мое дело! Оно позволяет мне говорить исключительно языком правды... Хотя я и закован в цепи, язык мой поставлен в более привилегированное положение, чем язык каждого из бесчисленного множества угнетаемых и неимущих, местопребыванием которых не смогли сделать тюрьму. Они страдают, терпят притеснения, изнурены налогами, подавлены самой острой нуждой, их согнуло гнуснейшее унижение, и в довершение жестокости им не разрешают более жаловаться... Если родина обречена на смерть в лице тех ее сынов, которые замешаны в этом деле, пусть, по крайней мере, будет сказано во всеуслышание, что, погибая, они не совершили измены и что они мужественно исповедовали заветы своей матери... Я обращаюсь к добродетельным людям, они одни способны увидеть в нас людей справедливости; если бы не существовало более таких людей, готовых выслушать меня, о, тогда, несомненно, не оставалось бы ничего иного, как воздвигнуть эшафот».

Но когда Бабеф с любовью заговорил о конституции 1793 г., когда он стал напоминать о том, при помощи каких насилий ее отняли у народа, то государственные обвинители набросились на подсудимых, утверждая.

что они находятся в заговоре также против правительства. Бабефу пришлось тотчас умолкнуть.

Буонарроти также принялся доказывать справедливость этого документа. Он заявил, что орган, учрежденный конституцией, имел единственной целью распространение демократических доктрин. Он настаивал на том, что если бы даже этот орган и подготовлял законопроекты для их представления на рассмотрение народа, недовольство которого было общеизвестно и взрыв открытого возмущения которого можно было предвидеть, то этим был бы только совершен акт предосторожности, несколько не противоречащий законам. Исходя далее из предположения, что Тайная директория хотела побудить народ к рассмотрению вопроса о форме правления, он показал, что такое воздействие есть право каждого гражданина в любой стране, управляемой такой конституцией, как конституция III года, признающей, что суверенитет пребывает в совокупности всех граждан.

Позже Бабеф искусно вернулся к этому вопросу, и после нескольких предварительных осторожных замечаний ему удалось во всеуслышание заявить: «Пробудить подлинный народ, создать царство счастья, царство равенства и свободы, изобилие для всех, равенство и свободу для всех, счастье для всех — таковы чаяния этих так называемых отъявленных мятежников, которых изобразили в глазах всей Франции в таких ужасных красках».

Перейдя затем к вопросу о средствах, он показал, что они на деле сводились к тому, чтобы произвести революцию во взглядах, всеобщий сдвиг в умах; воздействие этого автору учредительного акта, по его мнению, преувеличивали. «Ибо,— как он весьма здраво добавил,— слишком ясно, что духовная революция, необходимый результат преобразования значительного большинства людей и отказа от всех обуревающих их страстей, является делом, отнюдь не легко выполнимым путем одной лишь проповеди добродетели. С тех пор как у различных народов существуют просветители, благородные люди, посвящающие себя проповеди истин высшего разума и указанию пути к подлинной справедливости, никогда почти не было видно, чтобы они имели успех; почти все они оказывались жертвами своей просветительской деятельности.

Мало того. Он доказывал, что, когда народ угнетен, восстание, хотя бы осуществленное частично, справедливо и необходимо; опираясь на свои рассуждения и на авторитет Мабли, он полностью опроверг нежизненную доктрину государственных обвинителей, заявивших: «Восстание справедливо лишь тогда, когда его осуществляет вся совокупность граждан». Лучше уж было сказать, что оно никогда не бывает справедливым.

Бабефу было дважды предложено назвать своих сообщников и он дважды с ужасом отверг эту провокацию.

С таким же негодованием он отверг систе-

му лжи, при помощи которой некоторые подсудимые и один защитник хотели вести защиту, а именно, приписывая тирании идею о заговоре и представляя ее агентов подстрекателями наиболее опасных для нее действий. Речь шла об Акте о восстании, по поводу которого Рикор воскликнул: «Это Гризель его составил». «Нет! — гордо возразил Бабеф, — не он его составил. Это не такой документ, который должен заставить покраснеть его автора. Гризель слишком большой злодей, чтобы составить такой Акт».

Все уличающие документы были представлены обвинителями в том порядке, в каком они составлялись в действительности, и естественно, что, собрав их вместе, они легко выводили из них подлинную историю заговора.

То, что обвинители объединяли, подсудимые, будучи связаны договоренностью о системе отрицания, старались разъединить, относя написанные ими документы к не связанным между собой причинам, к случайным обстоятельствам и к разному времени. Анализируя эти документы, они не упускали ни одного случая провозгласить свои демократические принципы, найти им оправдание и показать, что конституция, которой управлялась тогда Франция, не являлась той конституцией, которую принял французский народ.

Так, Буонарроти, разъясняя проект обращения к солдатам, автором которого он являлся *, рассказал, почему он активно слу-

* См. Документы, № 23 ¹⁰⁹.

жил французской революции. Несмотря на то, что суд прерывал его, он подробно изложил мотивы, по которым он защищал конституцию 1793 г., обвинял правительство в узурпации и тирании и восхвалял намерения и действия революционного правительства. «Из моего сердца,— воскликнул он,— не могла изгладиться данная мною клятва — защищать Кодекс, единодушно санкционированный огромным народом в дни его единения и славы, и, подобно рабам, сохраняющим верность своим господам, я сохранил верность благородному народу, великодушно принявшему меня в свое лоно и торжественно предписавшему мне в дни свободы свою волю».

*Попытка освободить подсудимых,
которым грозила опасность*

Глубоко взволнованные толпы граждан Вандома и окрестностей усердно посещали заседания суда. Часто повторявшиеся пылкие нападки на правительство, настоятельные доводы, которые не всегда успешно разбивались обвинителями, открытая защита наиболее популярных событий революции, горячая преданность правам и интересам народа, насильственно привлеченные свидетели, отказавшиеся давать показания против подсудимых и засвидетельствовавшие свое уважение к тем, против кого их заставляли выступить, эти преданные семьи, присутствовавшие при битве, исхода которой они с трепетом ожидали,—

все это внушило зрителям глубокое сострадание к подсудимым. Интерес к подсудимым еще более возрос благодаря ежедневным статьям местной газеты¹¹⁰, как и благодаря толкам населения, почти полностью поглощенного тем, что происходило на суде.

К этому доброжелательному расположению вскоре присоединилось желание предохранить наиболее замешанных в деле подсудимых от опасности, которая — как чувствовалось — угрожала им. С одной стороны, были тайно предприняты попытки вызвать в их пользу восстание среди части охранявших их солдат; эти попытки не имели успеха. С другой стороны, существовало намерение способствовать тайному побегу.

При помощи нескольких инструментов, украдкой внесенных в тюрьму, заключенные в короткий срок проделали широкое отверстие, через которое собирались скрыться от своих палачей те из них, у кого было основание опасаться. Однако неосторожное поведение одного из подсудимых возбудило подозрение и рассеяло все надежды на побег.

Враждебные речи государственных обвинителей

После судебного разбирательства государственные обвинители в пространных речах потребовали смертной казни приблизительно для тридцати человек. Захваченные документы были так многочисленны и так убедитель-

ны, что им очень легко было установить правдивость доноса и доказать существование заговора. Им, однако, не удалось также доказать, что заговор был преступен.

Подсудимые многократно утверждали, что если даже и допустить существование заговора, то в нем не было состава преступления, ибо конституция, против которой он, якобы, был направлен, не является подлинным законом, так как она упраздняет народный суверенитет и не утверждена народом. На этот главный и решающий пункт обвинители ничего не ответили и, ограничившись фактом, старались избежать всякой дискуссии по поводу правоты намерений. Оставляя в стороне самое серьезное возражение, они занялись опровержением тех возражений, которые казались им наиболее слабыми, и особенно старались утратить пугливых людей преувеличенным изображением способов осуществления заговора, клеветническим изложением намерений подсудимых и фантастической картиной последствий, ложно выведенных из их планов. Действительно, ничто не казалось более нелепым, чем это заключение, утверждавшее не допускающим возражения тоном, что практика народного суверенитета и равенства с необходимостью должна привести Францию к опустошению, сокращению народонаселения и к разорению, и в результате к постепенному возврату монархической власти.

Было бы так же бесполезно, как и скучно, подробно излагать вынужденные объяснения

подсудимых по поводу предъявленных им документов, отрицания, с помощью которых они отвергали показания доносчика, и незначительные противоречия, в которые тот впадал вследствие недостатка памяти или в силу желания казаться более предусмотрительным, более хитрым, чем он являлся в действительности.

В целом донос был верен, заговор в действительности существовал и главные подсудимые отрицали его существование лишь в силу святой лжи, от которой они не ожидали никакого успеха и за которую в душе краснели.

Ответы подсудимых

Но чего не следует обойти молчанием, так это той части их общей защиты, в которой высказывались суждения о принципах государственного права французов. Революция была здесь оправдана в своем величайшем стремлении к равенству и народному суверенитету. Мы дадим поэтому краткое резюме этой части защиты в целях ознакомления с чувствами, которым подсудимые остались верны до последней минуты.

Согласно системе обвинителей и суда, присяжные заседатели должны были ограничиться рассмотрением вопроса о том, действительно ли имелось налицо нарушение конституции III года, причем они стремились помешать подсудимым обсуждать вопрос о ее законности.

Однако наиболее замешанные в деле подсудимые с наименьшей настойчивостью старались развить и оправдать признаваемые ими с таким пылом принципы, так как считали их правильными и согласующимися со всеобщим благом; именно в этом видели они истинные средства к защите себя в глазах народа и народных заседателей.

*Призыв к патриотизму
присяжных заседателей*

Сначала они звали к добродетели присяжных заседателей с целью пробудить в их душах благородное чувство независимости. Они попытались убедить их, что высокая миссия обязывает их глядеть в корень вещей, подняться выше конституции III года, подвергнуть строгому рассмотрению вопрос о ее происхождении и сущности и руководствоваться в своих решениях подлинными правами народа, а не притязаниями существующей власти, которая в действительности не была создана народом.

«С этим процессом,— заявил один из подсудимых,— дело обстоит иначе, чем с обычными судебными процедурами. Могущество обвинителей, бессилие и безвестность обвиняемых должны привлечь пристальное внимание присяжных заседателей верховного суда к мотивам, совершенно несвойственным обычному судопроизводству. Граждане, угнетаемые не напрасно будут протестовать перед вами

против жестокости их угнетателей. Не напрасно святой энтузиазм свободы будет настойчиво требовать от вас уважения и справедливости к священным принципам, которым мы обязаны уничтожением привилегий, падением трона и успешным движением общественного разума к равенству прав... Народ возложил на вас обязанность признавать добро, а не приспособливать сухие юридические формулы к планам честолюбцев и глупцов... Представители народа! воплощайте же его самого! Чтобы выражать его волю, надо обладать его сердцем».

Прежде чем приступить к доказательству того, что подлинным законом французов была конституция 1793 г. и что конституция III года является лишь актом грабежа и насилия, подсудимые старались рассеять ужас, которым государственные обвинители пытались окружить демократический закон и людей, которые оставались ему верны, путем преувеличенного изображения суровости революционного правительства, с именем которого они этот закон притворно соединяли.

Защита революционного правительства

«Вы постоянно напоминаете о мероприятиях 1793 г.,— заявили подсудимые,— но вы обходите молчанием то, что предшествовало злополучной необходимости, заставившей к ним прибегнуть. Вы забываете напомнить Франции о бесчисленных предательствах, при-

ведших к гибели тысяч граждан; вы забываете сказать ей об ужасающем развитии войны в Вандее, о сдаче наших пограничных крепостей, об измене Дюмурье и о возмутительном покровительстве, которое он нашел даже в самом Национальном конвенте; вы забываете напомнить о неслыханных жестокостях кроваво-жадных вандейцев, раздиравших на части и заставлявших умирать в самых ужасных мучениях защитников отечества и всех тех, кто сохранял какую-либо привязанность к республике. Если вы призовете тени жертв прискорбной суровости, вызванной все возраставшими для отечества опасностями, мы выроем трупы французов, злодейски убитых контрреволюционерами в Монтобане¹¹¹, Нанси, на Марсовом поле, в Вандее, Лионе, Марселе, Тулоне; мы воскресим тени миллиона республиканцев, перебитых у границ сторонниками тирании, беспрестанно замышлявшими в ее интересах заговоры даже в самой Франции; мы положим на одну чашу весов кровь, пролитую из холодного расчета вашими друзьями, а на другую — кровь, к прискорбию, пролитую патриотами в пылу защиты отечества и в порыве любви к свободе...! Кого же, нас или свободу, взялись преследовать государственные обвинители?.. Их ожесточение будет нам бесполезно; в их пристрастных описаниях и в притворстве, с каким они искажают историю и взваливают на головы подсудимых действия, к которым те непричастны, члены верховного суда, без сомнения,

различат тайную ненависть, которую враги республики, более ловкие, чем, мы, питают к бесстрашным и слишком доверчивым ее друзьям».

Двумя главными пунктами обвинения, против которых подсудимым надо было защищаться, были сговор с целью низвержения конституции III года и замены ее конституцией 1793 г., как и сговор с целью покушения на собственность путем установления общности имуществ.

«Мы,— заявили они,— любим, конечно, конституцию 1793 г.; мы любим ее потому, что она гарантирует народу неотъемлемое право обсуждения законов; мы любим ее потому, что она была торжественно принята почти единогласно французским народом».

Восхваление конституции 1793 г.

«Конечно,— добавляли они,— мы чтим также эту конституцию как подлинный основной закон Франции, так как конституция III года фактически лишила народ права на суверенитет и так как неверно, будто народ принял и эту конституцию».

Доводы и соображения, при помощи которых подсудимые доказывали правдивость своих утверждений, были так убедительны, что после долгой аргументации с той и с другой стороны обвинитель Вьелар признал себя побежденным, заявив: «Впрочем, я уступаю».

*Подсудимые настаивают
на законности заговора*

«Вы утверждаете, — продолжали подсудимые, — что мы обратили внимание народа на это странное нарушение его прав? В этом отношении мы только воспользовались правом свободы слова, устного и печатного, которое конституция III года гарантирует всем французам.

Вы, кроме того, утверждаете, что мы объединились для того, чтобы мирно либо насильственно восстановить конституцию 1793 г., которую мы считаем священной, считаем, что она является охраной общественной свободы. Прежде всего существование этого сговора, которое мы отрицаем, не доказано; чтобы устранить всякое подозрение в наличии опасного и преступного заговора, достаточно одного отсутствия средств для его осуществления. Но если бы мы действительно и составили заговор с целью восстановления конституции 1793 г., мы следовали бы только побуждениям чистой совести; мы повиновались бы только истинному закону; мы сделали бы только то, что обязан сделать каждый истинный гражданин; мы выполнили бы только клятву «сохранить верность свободе, народному суверенитету и республике».

Меж тем как обвинители и суд настаивали на том, чтобы присяжные ограничились рассмотрением того, имелось ли намерение совершать покушение на конституцию III года,

подсудимые показывали, что если хотят любой ценой представить их заговорщиками, то их заговор не являлся преступлением, ибо власть, против которой он якобы был направлен, не являлась законной, так как не была одобрена народом.

Подсудимые как раз и призывали присяжных подвергнуть обсуждению это отсутствие законности.

Бабеф защищает общность имущества

Что касается намерения установить общность имущества, то подсудимым не было необходимости долго его оспаривать, так как письменные документы, содержавшие последовательные проекты законодательства, не были захвачены и ничего из этой области в присутствии доносчика не было предложено, а потому эта часть обвинения была слабой. Однако Бабеф, часто делавший эту общность темой своего «Трибуна народа», не упустил случая заговорить о ней; он изложил свои демократические взгляды на этот вопрос и доказывал их правоту путем рассуждений, как и описанием неизбежных бедствий, потрясающих общество, и ссылками на крупные авторитеты.

«Собственность,— заявил он,— является причиной всех бедствий на земле. Проповедью этой доктрины, давно провозглашенной мудрецами, я хотел снова привязать к республике население Парижа, уставшее от револю-

ций, павшее духом вследствие несчастий и почти роялизированное вследствие происков врагов свободы».

Заключительная часть речи Бабефа

Бабеф следующим образом закончил свою длинную защитительную речь:

«Если моей голове грозит топор, ликторы найдут меня совершенно готовым; смерть за дело добродетели почетна... Приговор судей решит следующую проблему: останется ли Франция республикой *, или же станет добычей злодеев, которые раздерут ее на части, и она вновь превратится в монархию... Граждане судьи, осудите ли вы людей, которые руководствовались лишь любовью к справедливости? Хотите ли вы ускорить контрреволюцию и гибель патриотов от меча торжествующих роялистов?.. Но если наша смерть решена, если прозвучал для меня роковой колокол, то я давно покорился своей участи. Постоянная жертва в этой долгой революции, я свыкся со страданиями. Тарпейская скала всегда стояла перед моими глазами, и Грахх Бабеф очень счастлив умереть за свою страну. Что ж, если внимательно все взвесить, то чего не хватает мне для моего утешения? Могу ли я рассчитывать закончить мой жизненный путь в более прекрасный момент славы?.. Я испытаю перед смертью ощущения, редко со-

* Четыре года спустя от республики не осталось и следа.

путствовавшие смерти людей, пожертвовавших собой ради человечества... Власть, оказавшаяся достаточно сильной, чтобы нас так долго угнетать, оказалась бессильной нас опозорить. Мы увидели, как повсюду кисть художника отражает истину, чтобы еще при нашей жизни запечатлеть факты, которые делают нам честь и послужат вечным позором для тех, кто нас преследует. История отметит наши имена почетом. Кто же те люди, вместе с которыми меня рассматривают как преступника? Это Друэ, это Лепелетье!.. О дорогие для республики имена!.. Так вот кто мои сообщники!.. А вы, друзья, ближе всех сидящие возле меня на этих скамьях, кто вы?.. Я узнаю вас: почти все вы основатели, стойкие защитники этой республики; если вас осудят, если осудят меня, — о, я это вижу, — мы явимся последними французами, последними деятельными республиканцами... Ужасный королевский террор пройдет повсюду со своим мечом!.. Не лучше ли унести с собой славу о том, что мы не пережили порабощения, что мы умерли за то, что хотели предохранить от него наших сограждан?.. О, дети мои (слезы заструились из его глаз), лишь одно горькое сожаление я должен выразить вам: как ни старался я оставить вам в наследие свободу, этот источник всех благ, я и после себя вижу рабство, я покидаю вас жертвами всевозможных бедствий. Мне нечего вам завещать!!! Я не хотел бы даже завещать вам свои гражданские доб-

родетели, свою глубокую ненависть к тирании, свою горячую преданность делу равенства и свободы, свою пламенную любовь к народу: я сделал бы вам слишком пагубный подарок. Что делали бы вы с ним под гнетом королевской власти, которая неминуемо утвердится? Я покидаю вас поработщенными, и это единственная мысль, которая будет терзать мою душу в последние мои мгновения. В данном случае мне следовало бы посоветовать вам, каким образом более терпеливо сносить ваши цепи, но я чувствую, что совершенно неспособен на это».

Вопросы об установлении фактов

К первоначальным вопросам, подлежавшим обсуждению присяжных и касавшимся только наличия заговора и причастности к нему каждого из подсудимых, суд по ходатайству председателя присовокупил новые вопросы, касавшиеся письменных и устных подстрекательств к восстановлению конституции 1793 г. Это добавление внесло в процедуру обвинения изменение, тем более противозаконное, что на рассмотрение присяжных были неожиданно переданы такие рукописи, о которых сторонам никогда не разрешалось давать объяснения*. Жалобы по этому поводу со

* Впоследствии было торжественно признано постановлением уголовного суда департамента Сены, что вопросы относительно подстрекательства, о которых идет речь, были поставлены верховным судом противозаконно.

стороны некоторых подсудимых, поддержанных в данном вопросе государственными обвинителями, не были приняты во внимание.

Вопрос относительно намерения

Подсудимые горячо, но так же безуспешно, восстали против формы, в какой был поставлен вопрос относительно намерения; в ней они видели доказательство злобного пристрастия. Закон предписывал судье под угрозой аннулирования его решений, чтобы он, объявив факт установленным и обвиняемого уличенным, во всех случаях добавлял: «Мне кажется, или мне не кажется, что такой-то поступок совершен злостно и преднамеренно»¹¹². Подсудимые как раз и настаивали на сохранении термина злостно, ибо они усматривали в этом призыв к суду присяжных рассмотреть законность тех мотивов, которыми они условно оправдывали заговор.

Обращаясь к присяжным, подсудимые следующим образом высказались по вопросу о намерении: «Загляните в ваши сердца, и вы услышите в них глухой, взывающий к вам голос: ведь эти люди мечтали только о счастье себе подобных, ведь эти люди мечтали только о счастье своих ближних... Не для всех революция являлась игрой личных интересов. Поймите же, граждане, что были люди, рассматривавшие ее как событие большой важности для всего человечества; убедитесь же в том, что она сделалась для них новой религией, ради которой они, совершенно забы-

вая себя, пожертвовали условностями, состоянием, покоем и жизнью... Поразить друга свободы значит протянуть руку королям... Вы судите свободу; она изобиловала мучениками и людьми, мстившими за них. Свобода погибает, когда благородные чувства подавляются, когда воодушевленным ею людям показывают окровавленные головы тех, кто во имя нее пожертвовал собою... Обвинители хотели, чтобы даже в случае, если наши доводы справедливы, присяжные не стали останавливаться на мотивах, которые могли побудить подсудимых, и рассматривали их намерения лишь как желание низвергнуть конституцию 1795 г. Если будет принято это странное притязание, то во Франции не существует более ни института присяжных, ни отечества. Прежде всего следовало бы обратить внимание присяжных не на низвержение действующей конституции, а на низвержение законной власти; ибо могут ли они объявить виновным того, кто, действуя против нынешнего правительства, твердо верил, что действует в пользу истинного закона? К чему свелось бы тогда внутреннее ощущение добра и зла, которое делает столь ценным для чистых сердец институт присяжных? К чему свелась бы забота закона о примирении путем вопросов относительно намерения, как и относительно смягчающих обстоятельств, столь частых противоречий между предписаниями естественного закона и предписаниями позитивных законов? К чему свелся бы высший

закон народного интереса, повелевающий его уполномоченным считать главным в сердце подсудимых любовь к отечеству и преданность ему?».

Несколько присяжных присоединились к требованию подсудимых, чтобы согласно предписываемой законом формуле были поставлены вопросы относительно намерения; но тщетно. Верховный суд, действуя по своей системе, свел эти вопросы к следующему: «Участвовал ли подсудимый в заговоре или подстрекал к нему, имел ли намерение участвовать в нем или подстрекать к нему?». Таким образом, был наложен запрет на всякое рассмотрение моральной стороны дела.

Решение суда присяжных

Всего было шестнадцать присяжных. Для оправдания достаточно было заявления четырех, но только трое были постоянно на стороне подсудимых. В их числе был Готье Биоза¹¹³, имя которого мы называем, так как нам известно, что его нет более в живых; он остался верен народу, но не в его было власти, чтобы никто не был осужден.

Между тем все вопросы, связанные с заговором, были решены отрицательно. Но, к несчастью, тринадцатью присяжными было признано, что имелись устные и письменные подстрекательства к восстановлению конституции 1793 г. и что Бабеф, Дарте, Буонарротти, Жермен, Казен, Моруа, Блондо, Менесье

и Буэн были к ним причастны, двое первых — без смягчающих вину обстоятельств, все прочие — со смягчающими обстоятельствами.

На рассвете 7 прериаля V года барабанный бой, артиллерийский грохот и необычайное движение войск дали знать жителям Вандома о печальной развязке драмы, зрителями которой они являлись.

Приговор

Все предвещало бывшим налицо семи выше-названным подсудимым их близкий конец. В последний раз появились они перед судом, заседавшим среди мрачного молчания. Многочисленная, встревоженная толпа заполняла зал, все проходы которого охранялись большой военной силой.

Вслед за роковым постановлением, зачитанным взволнованным голосом председателем суда присяжных, обвинители потребовали смертной казни для двух подсудимых и ссылки для всех других.

Тогда была сделана последняя попытка: один из подсудимых при поддержке защитника потребовал от суда оправдания для всех на том основании, что закон от 27 жерминаля IV года, запрещавший свободу печати, применения которого добивались государственные обвинители, не имел силы, так как одна из статей конституции гласила, что всякий подобный закон действителен не более одного года.

Суд не обратил на это никакого внимания. Бабефу и Дарте было заявлено: «Умрите»,

а семи остальным: «Влачите жизнь, полную несчастий, вдали от родины, в знойном и убийственном климате».

Бабеф и Дарте ранят себя. Смятение

Тут начинается большое смятение. Бабеф и Дарте ранят себя; со всех сторон раздаются крики: «Их убивают!». Буонарроти протестует и призывает к тому же народ. Среди зрителей начинается движение, которое тотчас пресекается сотней направленных на них штыков; жандармы хватают приговоренных к ссылке, грозят им саблями и уводят вместе с их умирающими товарищами от глаз публики.

Двое приговоренных к смерти не смогли лишить себя жизни из-за непрочности кинжалов, которые сломались. Они провели ночь в жестоких страданиях от ран, которые они нанесли себе. В ране Бабефа кинжал так и остался вонзенным у самого сердца.

Кровавая казнь

Мужество не изменило им, и, сильные духом, они шли на казнь, как на торжество. Перед принятием рокового удара Бабеф заговорил о своей любви к народу; ему он поручал свою семью.

Вандом весь оделся в траур, когда эти благородные защитники равенства были лишены жизни. Их изуродованные тела, которые варвары велели бросить на свалку, были благоговейно погребены окрестными крестьянами.

Вадье

Пятьдесят шесть подсудимых были оправданы; в их числе был бывший член Конвента Вадье, по отношению к которому верховный суд применил меру, явная несправедливость которой должна быть отмечена. Этот несчастный старик, благодаря честности, с которой он нес до злополучного термидора тяжелые обязанности председателя Комитета общественной безопасности, навлек на себя слепую ненависть врагов революции и справедливости. Едва избежал он их кровавого преследования, как был найден новый предлог опять подвергнуть его преследованию. Несмотря на то, что ему ничего не было известно о заговоре и он был вне всяких подозрений, его арестовали и со множеством опасностей насильно доставили из Тулузы в Париж; ему было предъявлено обвинение и затем его перевезли в Вандом. В продолжение заседаний суда он тщетно пытался оправдать свою общественную деятельность, он был лишен слова. Однако его вынуждены были оправдать. Но хотя его и оправдали, все же было постановлено держать его и в дальнейшем в тюрьме, поскольку — такой был приведен довод — имелся декрет Конвента о его ссылке. Можно ли было этому верить? Этот декрет был отменен, и его не существовало более. Таким образом, вследствие фактической ошибки, которую так легко было проверить, члены верховного суда республики, наделенные законом даром непо-

грешимости, произвольно, не допросив заинтересованную сторону, наложили крайне тяжкое наказание, которое долго оставалось в силе и длилось бы пожизненно, если бы преступление 18 брюмера не положило ему конец.

Благородство муниципального совета Сен-Ло

Вскоре после этого пятеро оказавшихся налицо ссыльных были брошены вместе с Вадье в крепость на лишенном растительности острове у входа на рейд Шербура. Этот долгий путь они проделали в кандалах, заключенные в клетки с решетками, то подвергаясь проклятьям и угрозам, то встречая самые трогательные проявления любви и уважения. В Фалезе, Кане и в Валони им грозили большие опасности. Но зато в Мелеро, Аржантане и в Сен-Ло их встретили дружелюбно и с почтом. В Сен-Ло мэр города во главе муниципального совета приветствовал их и, обняв, назвал их: *наши несчастные братья*. «Вы защищали,— заявил он,— права народа, и каждый добрый гражданин обязан вам любовью и признательностью». По постановлению генерального совета они были размещены в зале его заседаний, где им оказали материальную помощь и осыпали утешениями.

Доброта жителей Вандома

Долгое время после этого добрые жители Вандома с умилением показывали путникам последнюю обитель мучеников во имя равенства.

ДОКУМЕНТЫ

Первый документ

КОНСТИТУЦИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ, ПРИНЯТАЯ НАЦИОНАЛЬНЫМ КОНВЕНТОМ в 1793 г.

Декларация прав человека и гражданина

Французский народ, убежденный в том, что забвение естественных прав человека и пренебрежение ими являются единственными причинами бедствий на земле, решил изложить в торжественной декларации свои священные и неотъемлемые права для того, чтобы все граждане постоянно имели возможность сравнивать действия правительства с целью, к которой стремится всякое социальное установление, и никогда не позволяли тирании угнетать и унижать себя; чтобы перед взором народа всегда были основы его свободы, его блага; перед взором должностных лиц — правила исполнения ими своих обязанностей; перед взором законодателя — цель его миссии.

Статья 1

Целью общества является всеобщее благо. Правительство установлено для того, чтобы обеспечить человеку пользование его естественными и неотъемлемыми правами.

Статья 2

Таковыми правами являются: равенство, свобода, безопасность, право собственности.

Статья 3

Все люди равны от природы и перед законом.

Статья 4

Закон есть свободное и торжественное изъяснение общей воли. Он одинаков для всех; он равно карает и милует всех граждан; он может предписывать лишь то, что является справедливым и полезным для общества; он может запрещать только то, что наносит вред обществу.

Статья 5

Все граждане одинаково допускаются к занятию общественных должностей. Свободным народам неведомы никакие иные мотивы для предпочтения при избрании, кроме добродетелей и талантов.

Статья 6

Свобода есть право каждого человека делать все, что не наносит вреда правам других людей. Ее принципом является природа; пра-

вилом — справедливость; стражем — закон; ее моральное ограничение выражено в следующем правиле: «Не делай другому того, чего не желаешь себе».

Статья 7

Не могут быть запрещены: право выражать свои мысли и убеждения в печати или каким-либо иным путем, право мирных собраний, свободного отправления культа.

Необходимость заявлять об этих правах предполагает наличие деспотизма или свежего воспоминания о нем.

Статья 8

Безопасность состоит в покровительстве, оказываемом обществом каждому из его членов в целях охраны его личности, прав и собственности.

Статья 9

Закон должен охранять общественную и личную свободу от подавления власть имущими.

Статья 10

Никто не может быть обвинен, арестован и лишен свободы иначе, как в случаях, установленных законом, и по форме, им предписанной; каждый гражданин, привлеченный к суду или задержанный на законном основании, обязан немедленно повиноваться; сопротивляясь, он совершает преступление.

Статья 11

Всякий акт, направленный против кого-либо в случаях, не указанных законом и без соблюдения установленных им форм, является актом произвола и тирании. Гражданин, по отношению к которому насильственно совершается такой акт, вправе оказать ему сопротивление силой.

Статья 12

Лица, вызвавшие, подготовившие, подписавшие, исполнявшие или заставившие других исполнять акты произвола, являются виновными и подлежат наказанию.

Статья 13

Каждый человек считается невиновным до тех пор, пока виновность его не установлена; если признано нужным его арестовать, то всякие суровые меры, не являющиеся необходимыми для его содержания, строго караются законом.

Статья 14

Никто не может быть осужден и наказан до того, как его выслушали, равно как и до законного вызова его в суд и не иначе как в силу закона, опубликованного до совершения преступления. Закон, карающий преступления, совершенные до его опубликования, является актом тирании; присвоение закону обратной силы является преступлением.

Статья 15

Закон должен устанавливать только строго и явно необходимые наказания. Наказания должны соответствовать размерам преступления и служить на пользу обществу.

Статья 16

Право собственности есть принадлежащее всем гражданам право пользоваться и распоряжаться по своему усмотрению своим имуществом, доходами, плодами своего труда и своего мастерства.

Статья 17

Никому из граждан не может быть запрещен в качестве занятия ни один вид труда, земледелия или торговли.

Статья 18

Каждый человек вправе сдать внаем свои услуги и свое время, но он не может ни продать себя сам, ни быть проданным кем-либо другим. Его личность является неотчуждаемой собственностью. Закон не признает положения прислуги; между человеком, который трудится, и человеком, который его нанимает, может существовать только добровольное обязательство о заботах, с одной стороны, и о вознаграждении за них — с другой.

Статья 19

Никто не может быть лишен без его согласия хотя бы малейшей доли своей собст-

венности, за исключением случаев, когда это требует законно установленная общественная необходимость и при условии предварительного справедливого вознаграждения.

Статья 20

Ни один налог не может быть установлен иначе как в целях общественной пользы. Все граждане имеют право участвовать в установлении налогов, следить за их использованием и требовать представления отчета в этом.

Статья 21

Общественное вспомоществование является священным долгом. Общество обязано поддерживать существование неимущих граждан путем предоставления им работы, либо путем обеспечения средств существования тем из них, кто не в состоянии работать.

Статья 22

Образование является всеобщей потребностью. Общество должно всемерно способствовать прогрессу общественного разума и сделать образование доступным для всех граждан.

Статья 23

Общественная гарантия заключается в общем усилии обеспечить каждому осуществление и сохранение его прав; эта гарантия поκειται на народном суверенитете.

Статья 24

Не может существовать никакой общественной гарантии, если законом точно не определены рамки государственных должностей и не обеспечена ответственность всех должностных лиц.

Статья 25

Суверенитет пребывает в народе. Он является единым и нераздельным, незыблемым и неотчуждаемым.

Статья 26

Ни одна часть народа не может осуществлять власти, принадлежащей всему народу; однако каждая часть суверенного народа на своем собрании должна пользоваться правом совершенно свободно выражать свою волю.

Статья 27

Каждый индивид, узурпирующий народный суверенитет, должен быть немедленно предан смертной казни свободными людьми.

Статья 28

Народ всегда вправе пересмотреть, переработать свою конституцию и внести в нее изменения; одно поколение не может подчинить своим законам грядущие поколения.

Статья 29

Каждый гражданин имеет равное право на участие в составлении законов и в назначении своих уполномоченных и своих агентов.

Статья 30

Все государственные должности безусловно являются временными; их надлежит рассматривать не как отличия или вознаграждения, а как исполнение обязанностей.

Статья 31

Преступления уполномоченных народа и его агентов никогда не должны оставаться безнаказанными. Никто не вправе претендовать на бóльшую неприкосновенность, чем прочие граждане.

Статья 32

Право подачи петиций носителям государственной власти ни в коем случае не может быть запрещено, приостановлено или ограничено.

Статья 33

Сопротивление угнетению вытекает из прочих прав человека.

Статья 34

Когда подвергается угнетению один член общественного организма, то тем самым угнетается весь общественный организм.

Когда подвергается угнетению весь общественный организм, то тем самым угнетается каждый из его членов.

Статья 35

Когда правительство нарушает права народа, то восстание является священнейшим правом и необходимейшей обязанностью всего народа и каждой его части.

Подписи: Колло д'Эрбуа, председатель
Дюран-Майан
Дюко
Меоль
Ш. Делакруа
Госюэн
П. А. Лалуа, секретарь ¹¹⁴.

Продолжение первого документа
РЕСПУБЛИКАНСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ

О республике

Статья 1

Французская республика едина и неделима.

О распределении народа

Статья 2

Для осуществления своего суверенитета французский народ распределяется по первичным и кантональным собраниям.

Статья 3

В административной и судебной областях он распределяется по департаментам, дистриктам, муниципалитетам.

О правах гражданства

Статья 4

Всякий человек, достигший 21 года, родившийся и проживающий во Франции,

всякий иностранец, достигший 21 года и проживающий во Франции в течение года, живущий в ней своим трудом, либо владеющий собственностью, либо женатый на французке, либо усыновивший ребенка, либо содержащий на свои средства старика; наконец, всякий иностранец, который по признанию Законодательного собрания имеет заслуги перед человечеством,—

допускается к пользованию правами французского гражданина.

Статья 5

Лишаются прав гражданства лица:

перешедшие в иностранное подданство;

принявшие от антинародного правительства должность или пользующиеся его милостями;

приговоренные к позорящим или телесным наказаниям — до реабилитации.

Статья 6

Временно лишаются прав гражданства лица:

находящиеся под следствием;

заочно осужденные — до отмены приговора.

О народном суверенитете

Статья 7

Суверенный народ есть совокупность французских граждан.

Статья 8

Народ сам непосредственно избирает своих депутатов.

Статья 9

Он поручает выборщикам избрание членов администрации и членов третейских, уголовных и кассационных судов.

Статья 10

Он участвует в обсуждении законов.

О первичных собраниях

Статья 11

Первичные собрания составляют из граждан, проживающих в данном кантоне не менее шести месяцев.

Статья 12

Первичные собрания имеют в своем составе не менее 200 и не более 600 голосующих граждан.

Статья 13

Первичные собрания конституируются избранием председателя, секретарей и счетчиков.

Статья 14

Первичные собрания сами устанавливают свой распорядок.

Статья 15

Никто не вправе явиться на первичное собрание при оружии.

Статья 16

Выборы производятся путем закрытого или открытого голосования по желанию каждого голосующего.

Статья 17

Первичное собрание ни в коем случае не может предписывать одинаковый способ голосования.

Статья 18

Счетчики устанавливают результат голосования граждан, не умеющих писать, но предпочитающих тайное голосование.

Статья 19

Принятие законов производится путем голосования за или против.

Статья 20

Воля первичного собрания провозглашается следующим образом: граждане, собравшиеся на первичное собрание от ... в количестве ... голосующих, голосуют за или против большинством в ...

О национальном представительстве

Статья 21

Численность населения является единственной основой для национального представительства.

Статья 22

От каждого сорока тысяч лиц избирается один депутат.

Статья 23

Совокупность первичных собраний от населения в 39—41 тысячу человек избирает непосредственно одного депутата.

Статья 24

Избрание осуществляется абсолютным большинством голосов.

Статья 25

Каждое собрание производит подсчет голосов и посылает комиссара для участия в общем подсчете голосов в пункт, намеченный как центральный.

Статья 26

Если по первому подсчету никто не получил абсолютного большинства голосов, то производится повторное голосование в отношении двух граждан, собравших наибольшее число голосов.

Статья 27

В случае получения одинакового числа голосов преимущество как в отношении балло-

тировки, так и в отношении избрания отдается старшему по возрасту. В случае одинакового возраста вопрос решается жребием.

Статья 28

Каждый француз, пользующийся правами гражданства, может быть избран на всей территории республики.

Статья 29

Каждый депутат является представителем всей нации.

Статья 30

В случае отказа, отставки, отстранения или смерти депутата о его замещении должны позаботиться избравшие его первичные собрания.

Статья 31

Депутат, подавший в отставку, может покинуть свой пост только после занятия этого поста его преемником.

Статья 32

Французский народ собирается ежегодно 1 мая для производства выборов.

Статья 33

Он приступает к выборам при любом количестве граждан, пользующихся правом голоса.

Статья 34

Чрезвычайные первичные собрания созываются по требованию одной пятой части

граждан, пользующихся правом голоса на этих собраниях.

Статья 35

Созыв первичных собраний в этом случае производится муниципалитетом обычного места собраний.

Статья 36

Эти чрезвычайные собрания приступают к обсуждению только тогда, когда на них присутствует одним человеком больше половины граждан, пользующихся правом голосования.

О выборных собраниях

Статья 37

Граждане, созванные на первичные собрания, избирают одного выборщика от каждых 200 граждан, независимо от их присутствия или отсутствия; двух выборщиков от 301—400 граждан; трех — от 501—600 граждан.

Статья 38

Ведение выборных собраний и способ голосования те же, что на первичных собраниях.

О Законодательном собрании

Статья 39

Законодательное собрание является единым, неделимым и перманентным.

Статья 40

Период его заседаний длится один год.

Статья 41

Оно собирается 1 июля.

Статья 42

Национальное собрание не может быть конституировано, если в него не входит по меньшей мере одним депутатом больше половины его состава.

Статья 43

Депутаты никогда не могут подвергаться судебному преследованию, обвинению и суду за убеждения, высказанные ими в Законодательном собрании.

Статья 44

За уголовное действие депутаты могут быть задержаны на месте преступления; однако постановление об их аресте или приводе может быть вынесено только с разрешения Законодательного собрания.

*О порядке заседаний
Законодательного собрания*

Статья 45

Заседания Национального собрания являются публичными.

Статья 46

Протоколы его заседаний подлежат напечатанию.

Статья 47

Национальное собрание не может приступить к обсуждению, если оно не состоит по меньшей мере из 200 членов.

Статья 48

Оно не вправе отказать в слове своим членам в том порядке, в каком они его просили.

Статья 49

Оно выносит решения большинством голосов присутствующих.

Статья 50

По требованию 50 членов производится поименная перекличка.

Статья 51

Национальное собрание вправе критиковать на заседаниях поведение своих членов.

Статья 52

Оно осуществляет надзор за порядком на месте его заседаний и в установленной им близлежащей полосе.

О функциях Законодательного собрания

Статья 53

Законодательное собрание вносит законопроекты и издает декреты.

Статья 54

Под общим наименованием закона подразумеваются акты Законодательного собрания, касающиеся:

Гражданского и уголовного законодательства; общего управления обычными доходами и расходами республики; национальных имуществ; пробы, веса, чеканки и наименования денежных знаков; характера и суммы налогов и способов их взимания; объявления войны; общего перераспределения французской территории; народного просвещения; общественных почестей, воздаваемых памяти великих людей.

Статья 55

Особым наименованием декрета обозначаются акты Законодательного собрания, касающиеся:

Ежегодного установления размеров сухопутных и морских сил; разрешения или запрещения прохода иностранных войск через французскую территорию; допущения иностранных морских сил в порты республики; мер охраны всеобщей безопасности и спокойствия; ежегодного и текущего распределения вспомоществования и общественных работ; порядка изготовления всякого рода денежных знаков; непредусмотренных и чрезвычайных расходов; мер местного и частного характера, касающихся отдельной области управления, отдельной коммуны или отдельного рода общественных работ; обороны территории; ратифика-

ции договоров; назначения и смещения главнокомандующих войсками; осуществления ответственности членов совета и государственных служащих; обвинения лиц, уличенных в заговорах против общественной безопасности республики; всякого частичного изменения и распределении французской территории; национальных наград.

О выработке закона

Статья 56

Внесению законопроектов предшествует доклад.

Статья 57

Обсуждение законопроекта и временное принятие закона может последовать только через пятнадцать дней после доклада.

Статья 58

Проект печатается и рассылается во все коммуны республики под наименованием *законопроект*.

Статья 59

Если через сорок дней после рассылки законопроекта более (на один департамент) чем в половине департаментов десятая часть первичных собраний каждого из них не выразила против него протеста, то проект принимается и становится *законом*.

Статья 60

В случае протеста Законодательное собрание созывает первичные собрания.

*О заглавной части законов
и декретов*

Статья 61

Законы, декреты, приговоры и все государственные акты имеют заголовком:

Именем французского народа — год... Французской республики.

Об Исполнительном совете

Статья 62

Учреждается Исполнительный совет, состоящий из 24 членов.

Статья 63

Выборное собрание каждого департамента назначает одного кандидата. Законодательное собрание выбирает членов Совета из общего списка кандидатов.

Статья 64

Половина членов Исполнительного совета обновляется в период каждого созыва Законодательного собрания в последние месяцы законодательной сессии.

Статья 65

Совету поручается руководство и надзор за общим управлением. Он может действовать

только во исполнение законов и декретов Законодательного собрания.

Статья 66

Совет назначает, не из своей среды, руководящих должностных лиц общего управления республики.

Статья 67

Законодательное собрание определяет число своих агентов и их функции.

Статья 68

Эти агенты не образуют совета. Они действуют раздельно, без непосредственной связи между собой, и не пользуются никакой личной властью.

Статья 69

Совет назначает не из своей среды представителей республики в других странах.

Статья 70

Совет заключает договоры.

Статья 71

В случаях нарушения членами Совета своего долга, Законодательное собрание возбуждает против них обвинение.

Статья 72

Совет несет ответственность за неисполнение законов и декретов, а также за неразоблаченные им злоупотребления.

Статья 73

Совет смещает и заменяет агентов, которых он назначает.

Статья 74

В случаях надобности он обязан возбудить против них обвинение перед судебными властями.

***О взаимоотношениях Исполнительного совета
и Законодательного собрания***

Статья 75

Исполнительный совет пребывает при Законодательном собрании. Ему предоставляется право присутствия и особое место на заседаниях Законодательного собрания.

Статья 76

Он заслушивается каждый раз, когда ему надлежит отчитаться.

Статья 77

Законодательное собрание вызывает его на свои заседания в полном составе или частично каждый раз, когда оно считает это нужным.

***Об административных
и муниципальных органах власти***

Статья 78

В каждой коммуне республики учреждается муниципальное управление. В каждом дистрикте — промежуточная администрация:

в каждом департаменте — центральная администрация.

Статья 79

Муниципальные должностные лица избираются на коммунальных собраниях.

Статья 80

Члены администрации избираются выборными собраниями департаментов и дистриктов.

Статья 81

Половина членов муниципалитетов и администраций ежегодно обновляется.

Статья 82

Должностные лица администраций и муниципалитетов не могут подменять собой собрания представителей. Они ни в коем случае не могут вносить изменения в акты Законодательного собрания или приостанавливать их исполнение.

Статья 83

Законодательное собрание определяет функции должностных лиц муниципалитетов и администраций, порядок их соподчинения и наказания, которым они могут подвергаться.

Статья 84

Заседания муниципальных советов и администраций являются публичными.

О гражданском судопроизводстве

Статья 85

Гражданский и уголовный кодексы законов едины для всей республики.

Статья 86

Не должно быть никакого нарушения права граждан разрешать возникающие между ними споры при помощи третейских судей по их выбору.

Статья 87

Решение этих третейских судей является окончательным, если граждане не оговорили за собой права опротестования.

Статья 88

Учреждается должность мировых судей, избираемых гражданами округов, определяемых законом.

Статья 89

Они примиряют и судят без судебных издержек.

Статья 90

Их число и компетенция определяются Законодательным собранием.

Статья 91

Учреждается должность общественных третейских судей, избираемых выборными собраниями.

Статья 92

Их число и компетенция определяются Законодательным собранием.

Статья 93

Их ведению подлежат спорные вопросы, не решенные окончательно частными третейскими судьями или мировыми судьями.

Статья 94

Они обсуждают вопросы публично. Они высказываются во всеуслышание. Они выносят окончательное решение после устной защиты без делопроизводства, без судебной процедуры и судебных издержек. Они мотивируют свои решения.

Статья 95

Мировые судьи и общественные третейские судьи избираются ежегодно.

Об уголовном судопроизводстве

Статья 96

Ни один гражданин не может быть осужден за уголовное преступление иначе как на основании обвинения, поступившего к присяжным заседателям либо в Законодательное собрание. Обвиняемые имеют защитников по их собственному выбору или по назначению. Судебное разбирательство производится гласно. Факт преступления и его преднамеренность устанавливаются судом присяжных.

Мера наказания налагается уголовным судом.

Статья 97

Судьи по уголовным делам избираются ежегодно выборными собраниями.

О кассационном суде

Статья 98

Для всей республики учреждается кассационный суд.

Статья 99

Этот суд не рассматривает дела по существу. Он выносит определения по поводу нарушения форм и явных противоречий закону.

Статья 100

Члены этого суда избираются ежегодно выборными собраниями.

О государственных налогах

Статья 101

Ни один гражданин не освобождается от почетной обязанности участвовать в несении государственных расходов.

О государственном казначействе

Статья 102

Государственное казначейство является центральным пунктом доходов и расходов республики.

Статья 103

Оно управляется подотчетными агентами, назначаемыми Исполнительным советом.

Статья 104

Эти агенты находятся под надзором комиссаров, назначаемых Законодательным собранием. Комиссары не могут состоять членами Законодательного собрания; они несут ответственность за нераскрытые ими злоупотребления.

Об отчетности

Статья 105

Отчеты агентов государственного казначейства и администраторов государственных финансовых учреждений представляются ежегодно ответственным комиссарам, назначаемым Исполнительным советом.

Статья 106

Эти контролирующие лица находятся под надзором комиссаров, назначаемых Законодательным собранием; последние не могут состоять членами Законодательного собрания; они несут ответственность за нераскрытые ими злоупотребления и ошибки. Законодательное собрание выносит постановление по отчетам.

О вооруженных силах республики

Статья 107

Вооруженной силой республики является весь народ.

Статья 108

Республика содержит на свой счет даже в мирное время сухопутную и морскую вооруженную силу.

Статья 109

Все французы являются солдатами; они обучаются обращению с оружием.

Статья 110

Звание генералиссимуса упраздняется.

Статья 111

Различие в чинах, их отличительные знаки и субординация существуют только в отношении военной службы и на время ее отбывания.

Статья 112

Вооруженные силы, используемые для поддержания порядка и спокойствия внутри страны, действуют только по письменному требованию существующих властей.

Статья 113

Вооруженные силы, используемые против внешних врагов, действуют по приказу Исполнительного совета.

Статья 114

Ни одна воинская часть не может принимать участия в обсуждении законов.

О национальных конвентах

Статья 115

Если на один более чем в половине департаментов десятая часть законно созданных первичных собраний каждого из них требует пересмотра конституционного акта или изменения некоторых его статей, то Законодательное собрание обязано созвать все первичные собрания республики для выяснения вопроса о необходимости созыва Национального конвента.

Статья 116

Национальный конвент создается тем же путем, что и законодательные органы, и соединяет в себе их полномочия.

Статья 117

Национальный конвент занимается только теми вопросами конституции, которые служили основанием для его созыва.

О взаимоотношениях французской республики с другими нациями

Статья 118

Французский народ является другом и естественным союзником свободных народов.

Статья 119

Французский народ не вмешивается во внутренние дела других наций. Он не потерпит, чтобы и другие нации вмешивались в его дела.

Статья 120

Французский народ предоставляет убежище иностранцам, изгнанным из их отечества за дело свободы; он отказывает в нем тиранам.

Статья 121

Французский народ не заключает мира с неприятелем, оккупирующим его территорию.

О гарантии прав

Статья 122

Конституция гарантирует всем французам равенство, безопасность, собственность, уплату государственного долга, свободу вероисповедания, всеобщее обучение, социальное вспомоществование, неограниченную свободу печати, право петиций, право объединяться в народные общества, пользование всеми правами человека.

Статья 123

Французская республика воздает дань уважения честности, храбрости, преклонному возрасту, почитанию родителей, несчастью. Она вручает охрану конституции попечению всех добродетелей.

Статья 124

Декларация прав и конституционный акт должны быть выгравированы на скрижалях в здании Законодательного собрания и на площадях.

*Подписи: Колло д'Эрбуа, председатель
Дюран-Майан
Дюко
Меоль
Ш. Делакруа
Госюэн
П. А. Лалуа, секретарь.*

Второй документ

ПРАВДА, ВЫСКАЗАННАЯ НАРОДУ
ПАТРИОТАМИ 89 ГОДА, ЛЮДЬМИ
14 ИЮЛЯ, 10 АВГУСТА И 13 ВАНДЕМЬЕРА

О ты, народ, которого осыпают ласками или угрозами, возвеличивают или унижают в зависимости от честолюбивых замыслов людей, твердящих о твоих правах только для того, чтобы их попить, о твоём суверенитете, чтобы узурпировать его, выслушай великие истины; узнай причину всех бедствий, которые тебя заставили претерпеть с термидора II года до вандемьера IV года.

Некоторые злоупотребления, акты произвола, неизбежно сопутствующие всякой великой революции, наложили отдельные пятна на великие и славные события, происшедшие в первые годы республики. Исправить эти злоупотребления, положить конец всякому

временному правлению, дать народу конституцию, которая гарантировала бы ему его права и его суверенитет, вырвать власть из рук людей, которые злоупотребляют ею, лишить тиранию всякой надежды снова поднять свою гнусную голову — вот что должна была совершить термидорианская революция, если бы она подготавливалась в интересах народа, в интересах всеобщего блага. Но она имела пагубные последствия, ибо являлась творением порока, раздоров, ненависти, честолюбия и мести; она обратила все к выгоде роялистов; она кончила тем, что погубила безупречных и мужественных республиканцев и даже людей, которые были использованы для этого дела. С тех пор клевета стала изливаться свой яд; каждый патриот, каждый друг народа, каждый, кто закладывал основы свободы, обзывался мошенником, злодеем, террористом, кровопийцей. Эти клички стали синонимами республиканцев; этому вторили продажные газеты; развращенные ораторы оскверняли этими кличками трибуну сената. С этого времени организовали голод, убийство, обесценение ассигнатов, скупку товаров; на народ, совершивший революцию, отныне стали смотреть лишь как на толпу, готовую склонять голову перед золотым тельцом, выдававшим себя за единственного суверена: сокрушались об участии контрреволюционеров, называвших себя жертвами террора; перед ними раскрылись двери тюрем, которые очень быстро заполнились республиканцами,

именовавшимися террористами; республиканцев изгнали со всех гражданских и военных постов, доверив эти посты возвратившимся эмигрантам, дворянству, неприсягнувшим священникам, превратившимся вдруг в отличных патриотов. Наши армии были тотчас дезорганизованы, вспыхнули измены; наши арсеналы, незадолго до того переполненные, оказались опустошенными, наши корабли разбитыми, сданными неприятелю, наш флот уничтоженным. Надо было отстранить людей и учинить над ними полицейский надзор, надо было подавить протесты (неотъемлемое право всякого свободного народа). Вот почему новые тираны поспешили уничтожить народные общества, являвшиеся передовыми стражами революции, грозой для Питтов и Кобургов, ибо они служили очагами общественного просвещения, откуда расходились искры, воспалявшие все сердца и поддерживавшие энтузиазм свободы; ибо они воздвигали мощную плотину против честолубия и интриги; ибо все они в равной мере являлись маяками, предупреждавшими кормчих о подводных камнях, о которые может разбиться корабль свободы.

К каким только средствам не прибегали для того, чтобы осуществить и упрочить контрреволюцию! Какие губительные для свободы декреты были вырваны у Конвента кликой сообщников иностранцев! Сколько возвратилось эмигрантов, значившихся земледельцами и рабочими! Скольким неприяг-

нувшим священникам дана была возможность беспрепятственно сеять фанатизм! Имущество осужденных роялистов, дававшее солидную гарантию ассигнатам, было возвращено их родственникам, столь же преступным, как и они сами. Это привело в расстройство государственный кредит. Мятежным шуанам и вандейцам была предоставлена амнистия, от которой они отказались, желая вести переговоры как равные с равными. О верх злодеяния! О позор нашего отечества! Вести переговоры о мире с Шареттом, Стоффле, Комартеном, Сапино и со всеми главарями взбунтовавшихся разбойников! ¹¹⁵ Позволить им вооружиться! Платить им за то, что они растерзали отечество, загубили тысячи республиканцев, и по секретному соглашению обещать им восстановление алтаря и трона! Уполномоченные народа, заключающие столь позорный договор, который запятнает анналы истории, и французский сенат, ратифицирующий позор первой в мире нации! О грядущие поколения, вы не поверите этому! Ты сам не поверил бы этому, французский народ, если бы не был тому свидетелем. И вот после двух лет блестящих успехов твои уполномоченные заключают позорящее тебя соглашение и облачают в траур твои трофеи! Именно в момент, когда твои увенчанные лаврами войска насаждают древо свободы по ту сторону Рейна, на вершинах Альп и Пиренеев, среди батавских болот,— от твоего имени ратифицируются позорные догово-

ры с деспотами Берлина и Мадрида, над которыми ты одержал победу и которые, не будь термидорианской реакции, пришли бы вместе со своими союзниками просить мира на условиях, какие тебе угодно было бы им предписать!¹¹⁶

Не станем, однако, удивляться тому, что правительственные комитеты превратились в ящик Пандоры; в них заседали Роверы, Буасси, Саладены, Ломоны, Оги, Ларивьеры, Ланжюинэ, Дюмоны¹¹⁷ и им подобные... ярко выраженные роялисты, которые только удушением свободы, новым закабалением народа и массовым избиением наиболее убежденных республиканцев могли отблагодарить тиранов, которым они служили.

Однако кровь все еще недостаточно обильно лилась на эшафотах; тогда во всех концах республики были организованы орды убийц под названием обществ *Иисуса* и *Солнца*. Послали разных Буасси в Лион и в Бург; Кадруа, Шамбонов, Мариетов, Инаров в Экс и Марсель; и именно по их преступному призыву было поставлено в порядок дня избиение патриотов во всем юге¹¹⁸. Под их знаменами выступают убийцы, врывающиеся в тюрьмы, убивающие всех находящихся там патриотов и выходящие оттуда в залитой кровью одежде; они нарушают неприкосновенность жилища, обегают улицы, рубят саблями всех, кто, по их сведениям, высказывался за свободу; ребенка убивают на руках у матери, мужа в объятиях жены, старика на

глазах у сына; и воды Роны, неся трупы, сливаются с волнами Средиземного моря, уже окрашенными кровью республиканцев. Все эти ужасающие сцены продолжаются на глазах у людей-тигров, называющих себя уполномоченными народа! А Конвент, пребывающий под пятой людей, продавшихся за золото иностранцам, отданный во власть проституированных женщин, в продолжение десяти месяцев оставляет Францию погруженной в траур и резню! И он не мог наказать хотя бы одного убийцу! Ровер имел бесстыдство называть эти убийства осуществлением народного правосудия!..

Но недостаточно было оставить убийц безнаказанными, развратить общественное сознание, ослабить энергию, подавить энтузиазм свободы, заменить гимны, ведшие наших воинов к победе, человекоубийственными песнями, звавшими к избиению патриотов¹¹⁹. Надо было довести народ до отчаяния, выдавая ему только две унции скверного хлеба: в то же время Буасси выступил с трибуны Конвента со смехотворным заявлением, что снабжение продовольствием обеспечено.

Да, несомненно, продовольствия было достаточно у объедавшихся богачей, в то время как народ не имел ничего и умирал от истощения.

О, французский народ! в чьих руках твоя участь! Те самые люди, которые морили тебя голодом, предали, разорили и погубили, до сих пор заседают в твоём сенате, и на твоих

глазах из него изгоняются, подвергаются преследованиям и посылаются на эшафот те, кто хотел воспротивиться стольким антинародным декретам, вырванным вероломными роялистами у Конвента, который никогда не был более несвободен, чем во время термидорианской реакции. Да, тебе пришлось увидеть их, эти дни траура и злодеяния, эти роковые дни жерминаля и прериала, когда с тобой обошлись, как с мятежником, за то, что ты пришел к решетке Конвента, за которой сидели твои уполномоченные, чтобы просить хлеба и конституции, свободно, торжественно и единодушно принятой тобою.

Вы помните, мужественные жители предместий, как вас разогнали, как по приказу правителей вас преследовала банда золотой молодежи, как вы были осаждены в собственных домах, обезоружены, заключены в тюрьмы, как наиболее энергичных ваших братьев судили военным судом и повели на тот самый эшафот, на котором пролилась кровь единственных депутатов, имевших мужество возвысить голос в сенате, чтобы поддержать ваши справедливые требования!.. Вы поклялись, доблестные Гужон, Ромм, Дюруа, Субрани, Бурбот, Дюкенуа, отстаивать интересы народа, умереть за него и во имя свободы; вы сдержали вашу клятву: ваша благородная самоотверженность заставила побледнеть ваших палачей. Она послужила делу народа; она запечатлена в сердцах республиканцев; она станет достоянием грядущих

поколений и будет поставлена рядом с самоотверженностью Гракхов, Курциев и Регулов. Французский народ, ты будешь вспоминать об этих страшных днях лишь для того, чтобы предать гнусных виновников этих дней проклятию настоящих и будущих поколений. Ты не сможешь забыть того, что в продолжение пятнадцати месяцев, следовавших за термидором II года, правители подвергали тебя всевозможным притеснениям, всевозможным бедствиям, которые никогда не выпадали на долю рабов во времена римского патрициата, на долю крепостных под игом польских вельмож и даже на долю несчастных, которых превращают в предмет позорной торговли на побережьях Африки.

Подлые! Они вопили о терроре, существовавшем лишь против преступления. Они же применяли жестокий террор против добродетели и республиканизма!.. Злодеи! Они заявляли, будто сразили тиранию децемвиров, а между тем никогда еще тирания не тяготела над тобой, народ, в большей мере, чем тирания, которую они сами осуществляли в продолжение пятнадцати месяцев... Лжецы! Они сваливали на людей, которых не было более в живых и о которых будет судить потомство, все бедствия, которые они сами обрушили на тебя. Будучи неспособны продолжать великие дела людей, место которых они заняли, они все запутали и дезорганизовали. Они хотели заставить тебя сожалеть о монархическом режиме. Однако западня была слишком грубо за-

думана: ты оказался способен гораздо лучше судить о них, как и о событиях; тебе было хорошо известно, что поразившая тебя нищета была делом рук не твоих друзей, а тех, кто стоит у власти; ты был убежден, что в первые два года республики твои права уважались, твоих врагов подавляли, ремесла и искусства поощрялись, твои арсеналы были полны, твои суда хорошо снаряжены, твои флаги развевались на всех морях, четырнадцать твоих армий всюду побеждали, Вандея была сломлена, твои внешние враги обращены в бегство; деспоты на их шатающихся тронах повержены в ужас, готовы пасть к твоим ногам; курс ассигнатов упрочен; алчность откупщиков и спекулянтов обуздана; твои рынки снабжены продовольствием; наградой за бесчисленные жертвы, принесенные тобой во имя завоевания свободы, становилось изобилие.

Что произошло на твоих глазах вслед за столькими преимуществами? Какое душераздирающее зрелище предстало перед тобой во время термидорианской реакции! Твоих прав не признавали — они были попраны; твои друзья, защитники, братья оклеветаны, подвержены гонениям, заключены в тюрьмы, убиты; самый необузданный ажиотаж, несущий с собой смерть республикам, занял место торговли, дающей им жизнь; твой флот разбит, предан, сдан англичанам; твои склады, арсеналы опустошены; Вандея и шуаны вновь стянули свои силы; энтузиазм республиканских солдат парализован; храбрецы, ведущие

их к победе, изгнаны и заменены дворянами, эмигрантами, роялистами. На твоих глазах 30 миллиардов ассигнатов растрочены за десять месяцев; богатый собственник, крупный торговец, биржевик, скупщик сдирали с тебя шкуру, пили твою кровь каплю за каплей. Ты испытывал голод среди изобилия, крайнюю нужду рядом с самой бесчестной роскошью; ты видел, как была утрачена общественная мораль, как предписывалось и оставалось безнаказанным убийство, как преступление одерживало победу над добродетелью, как была уничтожена демократия, восстановлены ступени трона, и новый Тарквиний готов был на них взойти. Ты видел, наконец, как погибала свобода; ее спасла храбрость этих мужественных республиканцев, столь оклеветанных и преследуемых, которые не допустили разгрома Национального конвента и в памятные дни 12, 13 и 14 вандемьера спасли республику.

Однако эти дни не привели к решающим для торжества демократии результатам, ибо заговорщики не были наказаны, ибо они продолжают осуществлять свою систему убийств, биржевого ажиотажа, скупки, снижения курса бумажных денег и находят покровителей в самом сенате. Но эти памятные дни не пропали даром для тебя, французский народ, ибо власть была вырвана из нечистых рук, совершавших всевозможные преступления, ибо эти дни вернули к семьям республиканцев, спасшихся от эшафота и от кинжалов роялистских банд; ибо эти дни ведут к созданию государ-

ства, управление которым будет доверено незапятнанным людям, республиканцам, уже потрудившимся для всеобщего блага; они сделают еще больше, если будут облечены доверием патриотов, которые не умеют поступаться принципами; если они безжалостно нанесут удар роялистам, эмигрантам, неприсягнувшим священникам, не прекращающим заговоры против республиканского правительства; если они примут энергичные меры для снабжения рынков провиантом, снижения цен на съестные припасы и если они оставят на местах только безупречных, энергичных, просвещенных республиканцев, которые погибнут вместе с ними, если совершится контрреволюция.

Благородный народ, твое спасение — в величественной твердости по отношению к твоим угнетателям; не пренебрегай установлением надзора над ними. Бедствия, которым они непрестанно подвергали твоих защитников, позволили тебе достаточно узнать их, чтобы отныне тебя не могли больше вводить в заблуждение их лицемерные гражданские добродетели. Займи свое величавое положение, вооружись своим гневным мщением, раздави им современных Титанов, осмеливающихся покушаться на твой суверенитет. Помни о твоих победах, и если тебе предстоят еще опасности, которых ты должен избежать, то тебя ждут также и победы.

Третий документ

СОЛДАТ, ОСТАНОВИСЬ И ПРОЧТИ¹²⁰

Вероломное, порочное правительство, роскошь которого является надругательством над нищетой народа, сбросило, наконец, маску и, атакуя в лоб свободу, осмелилось дерзостно закрыть и бесстыдно оклеветать собрания патриотов. Именно в этих собраниях полные решимости люди 14 июля, 10 августа, 13 вандемьера стояли на страже прав народа и, едва спасшись от тюрем и от кинжалов роялистов, снова посвятили себя революции. Они разоблачали столь чрезмерное количество возвращенных эмигрантов, что перечень исключенных из списков превышает список, в котором эмигрантов предавали человеческому презрению и мщению законов! Собрания патриотов во всеуслышание требовали для наших семейств пособия, столь справедливо гарантированного им законом, и, наконец, для вас — имущества, которым отечество обязано вам за кровь, пролитую вами во имя него в борьбе против королей, и которое было справедливо гарантировано вам со всей торжественностью таким множеством декретов. Исполнительная директория сама поощряла сначала эти собрания, словно неправой, основанной на произволе власти могла нравиться публичность, гласность и правдивость. Доверчивые и добросовестные патриоты массами устремились в эти собрания. Западня была ловко скрыта, они по-

пались в нее: преданность и добросовестность мало расчетливы. Патриоты в этом не раскаиваются — они действовали как свободные люди. Напрасно их обзывают анархистами. Более справедливая, даже в наши дни, Европа различает по этому наименованию друзей равенства; честные люди грядущих поколений подтвердят это суждение.

Откуда проистекает, однако, дерзость нескольких человек, облеченных преходящей властью? Граждане воины! Надежды на успех своих преступлений они основывают на вашем мужестве. Они заявляют во всеуслышание: наши воины стоят за нас... Вы их воины!!.. Победители тиранов станут поддерживать тиранию!!!.. Не заблуждайтесь тираны-развратители! Вы хотели бы посредством изысканной одежды, незаконных щедрот, посредством водки и вина обманным путем завербовать сторонников и ввести в заблуждение наших братьев, сердца которых отнюдь не изменили родине и покорны ее голосу. Разве можете вы использовать те же средства, которые раскрыли преступление Капета и погубили этого тирана? Нет! Граждане воины! Вы не станете стрелять в ваших братьев, как вы сделали это в жерминале и прериале... Баши выстрелы не удастся направить по ложному пути! Направьте их на тиранию — эта славная победа вам еще предстоит. Подобно грекам Азии, вовлеченным в армию Ксеркса, вы услышите призыв нашего общего отечества! Вы прочтете эти строки, которые ваши братья начертали

на вашем пути! И если настанет, наконец, день справедливого возмездия, то вы узнаете, кто все еще сопротивляется вашему возвращению к домашнему очагу, где вы вместе с нами заложите основу равенства и всеобщего счастья!

Четвертый документ

Равенство. Свобода. Всеобщее счастье

ОБРАЗОВАНИЕ ПОВСТАНЧЕСКОЙ ДИРЕКТОРИИ ¹²¹

Французские демократы, исполненные скорби, глубокого негодования и справедливого возмущения по поводу неслыханной нищеты и гнета, зрелище которых являет собой их несчастная родина;

проникнутые воспоминанием о том, что когда народом была принята данная ему демократическая конституция, то охрана ее была поручена *надзору всех добродетелей*;

принимая во внимание, что, следовательно лишь безукоризненно добродетельным и самым мужественным людям принадлежит инициатива мщения за народ, когда его права, как это происходит теперь, узурпированы, его свобода отнята и самое его существование подвержено опасности;

признавая, что обвинение в трусости, предъявляемое народу, есть несправедливый упрек и что народ откладывал до сих пор осуществление правосудия только за недостатком

хороших руководителей, готовых встать во главе его;

признавая, что превышающие всякую меру преступления узурпаторской власти способствовали тому, что во всех сердцах настолько созрела готовность к революционному взрыву, что в интересах его плодотворности, в интересах обеспечения его успеха необходимо, быть может, скорее умерить, нежели усилить порыв свободолюбивых людей,— приняли следующее решение:

Статья 1

С настоящего момента они организуются в повстанческую директорию под названием Тайной директории общественного спасения. В качестве членов таковой они берут на себя инициативу всех движений, которые должны привести народ к новому завоеванию им своего суверенитета.

Статья 2

Директория состоит из четырех членов¹²².

Статья 3

Директория должна быть тайной; имена ее членов останутся неизвестными даже главным ее агентам. Для поддержания связи между этими главными агентами и членами Директории будут существовать агенты-посредники.

Статья 4

Тайная директория общественного спасения берет на себя выполнение огромного количе-

ства обязанностей, налагаемых на нее этим великим званием.

Статья 5

К письменным инструкциям, которыми необходимо будет снабжать главных агентов, будет прилагаться опознавательная печать, и эта печать будет служить для них предостережением против всяких неожиданностей, связанных с ложными инструкциями; несмотря на отсутствие подписей, она будет служить им гарантией подлинности актов, которые они будут получать от Тайной директории.

Пятый документ

УСТАНОВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТИ ГЛАВНЫХ АГЕНТОВ И АГЕНТОВ-ПОСРЕДНИКОВ. ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ ТЕХ И ДРУГИХ

Тайная директория общественного спасения постановила:

Статья 1

Будут назначены двенадцать главных революционных агентов, по одному на каждый округ парижской коммуны.

Статья 2

На каждого из этих агентов возлагается организация в своем округе одного или нескольких собраний патриотов; они должны

давать на них пищу и направление общественному сознанию путем чтения популярных газет, как и путем дискуссий о правах народа и о его настоящем положении.

Статья 3

Эти агенты будут вести ежедневные записи о состоянии общественного мнения. В этих записях они будут давать отчеты о более или менее благоприятных настроениях патриотов; будут указывать лиц, наиболее способных, по их наблюдениям, содействовать движению, которым надлежит руководить; они будут указывать характер использования этих лиц или революционную задачу, которую, по их мнению, каждый из этих лиц способен выполнить. Они будут также указывать интриганов, лицемерных людей, которые попытаются проникнуть на собрания; будут также давать отчеты о препятствиях, чинимых этими лицами, об их противодействии развитию активности, внушению добрых принципов и возрождающих идей.

Статья 4

Для поддержания связей между главными агентами и Тайной директорией будут существовать агенты-посредники.

Статья 5

Двенадцать главных агентов будут вручать одним лишь этим агентам записи их ежедневных наблюдений.

Статья 6

Агенты-посредники будут ежедневно или раз в два дня приходить за этими записями поодиночке на квартиру каждого из главных агентов.

Статья 7

Настоящий документ вместе с документом об образовании Тайной директории, как и нижеследующая инструкция, будут вручены каждому из главных агентов.

Шестой документ

ПЕРВАЯ ИНСТРУКЦИЯ ТАЙНОЙ
ДИРЕКТОРИИ КАЖДОМУ ИЗ ГЛАВНЫХ
РЕВОЛЮЦИОННЫХ АГЕНТОВ

Граждане,

Времена кризисов не походят на обычные времена. Когда народ пользуется своими правами, когда торжествуют принципы свободы, никто не имеет власти над другими людьми без их согласия; никто не вправе предпринимать что-либо, касающееся общего интереса, не обратившись ко всему народу и не получив его согласия. Разумеется, тогда господствует наилучший порядок, а наилучший порядок упрочивается лишь путем строгого соблюдения принципов. Тот, кто при таком положении присвоил бы себе какой-либо титул, чтобы во что бы то ни стало выступить в

качестве должностного лица под предлогом того, что он желает улучшить положение своих сограждан, явился бы узурпатором, даже если предположить, что в конечном счете его намерения были самые честные. Другой весьма веский довод в этом отношении состоит в том, что когда народ пользуется свободой и может быть опрошен, то нельзя полагать, что другие лучше его способны судить о том, что для него хорошо и полезно.

Иначе обстоит дело, когда народ поработан, когда тирания лишила его возможности изъяснить свою волю по поводу всего, что его интересует; когда по более веской причине для него стало невозможным предписывать репрессивные меры против его тиранов, вырвать из их рук узурпированную ими власть, которой они пользуются для того, чтобы заставить его страдать и томиться, чтобы все более поработать его — до не поддающихся учету размеров.

В этом случае справедливо и необходимо, чтобы наиболее отважные, наиболее способные на самопожертвование люди, считающие себя наделенными высокой энергией, пылом и силой — благородными качествами, охране которых была поручена народная конституция, которую все истинно свободные французы никогда не забывали; справедливо и необходимо, чтобы эти французы, убежденные, к тому же, что внушение их собственного сердца или самой свободы, голос которой сильнее и явственнее до них доносит-

ся, дает им достаточное право все предпринимать; справедливо и необходимо, чтобы сами они облекли себя диктатурой в восстании, чтобы они взяли на себя инициативу, возложили на себя славное звание участников заговора во имя свободы и выступили в качестве официальных лиц, спасителей своих сограждан.

Таковы мотивы, которые — как нам казалось — оправдывали наше решение и придавали ему величественный и благородный характер. Признав, таким образом, что взятая нами на себя миссия в высшей степени законна, ибо обстоятельства, делающие эту миссию необходимой для спасения свободы, не позволяют, чтобы ее возложил на нас суверенный народ, мы, кроме того, постигли следующую вдохновляющую истину, что обвинение в трусости, предъявляемое народу, — сущее оскорбление, что в том, с каким нетерпением он жаждет свергнуть поистине ненавистное иго, нетрудно усмотреть, что если он до сих пор ничего не делал, чтобы сломить это иго, то только потому, что у него не было руководителей; мы отметили также, что он с великим сожалением отодвигает день пресечения многочисленных преступлений, совершаемых против него. Все возвещало нам о том, что он способен был бы совершить, если бы увидел во главе себя руководителей, достойных его полного доверия.

Воодушевленные такими настроениями, мы тотчас пришли к необходимости обратить наш

взор на людей, способных помочь нам в этом славнейшем начинании. На вас, граждане, ввиду вашего последовательного республиканского поведения, многочисленных актов безупречной преданности отечеству на протяжении всего хода революции, ужасных испытаний в дни преследований всех тех, кто являлся патриотом и добродетельным человеком, на вас остановили свой взор люди, выступившие первыми мстителями за преданное отечество, чтобы вас первых облечь своим доверием и возложить на вас первые и главные части операций.

Та часть сокровенного, которую Тайная директория общественного спасения вам сообщает, ценна и важна. Сохранение ее в тайне требует большой скромности, осторожности, активности и любви ко всеобщему благу; оно требует всех человеческих добродетелей, какие Директория в вас предполагает.

Свою основную организацию, как и организацию ее взаимоотношений с вами. Тайная директория взвесила на весах благоразумия и осмотрительности.

Она сочла необходимым установить двенадцать муниципальных агентов в двенадцати округах парижской коммуны, при этом она таким образом скомбинировала способы их связи с нею, что общение будет почти непосредственным, с тем, однако, что ни один из двенадцати главных агентов не сможет узнать, кто входит в состав Директории. Смысл такой предосторожности легко понять. Как-

дый признавал, что самая важная часть тайны предполагаемого восстания, от которой зависит успех всех последующих операций, заключается не столько в том, что существует повстанческий комитет, сколько в осведомленности о людях, его составляющих. В самом деле, если тирания и узнает о существовании такого комитета, то пока его члены останутся неизвестными, никакого вреда для них отсюда последовать не может; никакого вреда не будет от этого и для отечества, разве что деспотизм будет предупрежден о необходимости быть настороже; а он уже давно настороже, ибо ему давно известно, что его преступления неизбежно должны побудить всех безупречных людей вступить в заговор против него. Таким образом, от разглашения существования революционного комитета не будет большой опасности, и мы рассмотрим ниже, не разумно ли будет даже, чтобы в известный период всплыло наружу полупризнание в этом, с тем, чтобы подбодрить неимущее большинство, которое с нетерпением ждет случая и момента избавиться от гнета. С раскрытием же главных участников заговора будет потеряно все: вместе с их гибелью будет уничтожена совокупность разветвлений, исходящих из одного центра. Другим несомненным пагубным последствием этого явится замешательство и ужас, которыми будут охвачены самые отважные граждане.

Таковы, республиканцы, мотивы, побудившие Директорию общественного спасения,

несмотря на ее величайшее доверие к вам, поскольку она избрала вас своими главными и первыми агентами, таковы мотивы, побудившие ее скрыть даже от вас, кто именно является ее членами. Опасность от неосторожности или нерешительности, как и опасность, протекающая из человеческой слабости, весьма часто несущей, как бремя, тяжесть большого секрета и словно находящей себе облегчение, когда она сбрасывает ее с себя в дружеском кругу, либо в кругу, принимаемом за таковой,— все это было также принято во внимание Тайной директорией, которая не хотела отдать спасение отечества на произвол таких случайностей. Кроме того, в отношении надежности крайне трудно быть уверенным в одинаковой ее непоколебимости у двенадцати лиц, назначаемых хранителями в высшей степени важных вещей. Тайная директория считала, что ей безусловно удастся внушить вам самим необходимость этого полного доверия, которого требует благо предпринятого дела, того доверия, которым вы, со своей стороны, облекли ее. Каким образом рассчитывала она на это? Путем убеждения в том, что в смелости, преданности, в запасе добродетелей, которым необходимо обладать, чтобы предпринять такое дело, вы усмотрите мотивы для оказания ей этого доверия.

Она считала также, что другой гарантией явится для вас ее правдивость и чистосердечие, подражать которым недоброжелателям

не всегда полностью удастся, и что вы обнаружите это во всех ее действиях.

Вооружаясь всеми предосторожностями, способными сделать нас неуловимыми и исключаящими возможность расстройств наших мероприятий, мы вместе с тем хотели предохранить вас от неожиданностей и дать вам возможность по особой печати на наших актах всегда распознавать их подлинность, хотя на них и не будет подписей.

Тайная директория довела предусмотрительность до того, что изолировала друг от друга двенадцать главных агентов. Все они будут получать одинаковые инструкции, всем им будет поручаться одно и то же дело, все они будут содействовать одной и той же цели, и тем не менее они не будут знать друг друга. Мы считали, что это взаимное знакомство отнюдь не является необходимым. *Ничего хорошего не может произойти от этого*, поскольку, как это очевидно, достаточно, чтобы Тайная директория получала без промедления от каждого из агентов сведения о ходе движения и поскольку неоспоримо также то, что успех зависит лишь от чрезвычайно пунктуального исполнения. Общение же между двенадцатью агентами может привести лишь к помехам, запозданиям либо изменениям, которые, возможно, не будут входить в намерения и расчеты регулирующей Директории. *Отсюда может произойти величайший вред*, ибо в случае, который, несомненно, должен быть весьма далек от нашего подозрения,

если судить по той тщательности, с какой мы отбирали главных агентов (однако, когда дело идет о таких серьезных вещах, надо всего опасаться, рассчитывать на худший случай и все заранее предупредить), может — заявляем мы — произойти величайший вред от взаимного знакомства, взаимного общения главных агентов Тайной директории. В том несчастнейшем случае, когда один из них проговорится либо совершит измену, он может погубить всех своих коллег; в случае же, если он незнаком с ними, повстанцы из-за его неловкости или вероломства могут потерять лишь его одного; он не может ни вовлечь никого в свою измену, ни расстроить предпринятое дело и подвергнуть опасности судьбу свободы.

Такие же предосторожности об изоляции предприняты и в отношении агентов-посредников, при выборе которых была соблюдена такая же тщательность. Но независимо от этого все устроено в отношении их таким образом, что каждый из них в отдельности может навлечь опасность только на самого себя или лишить группу участников заговора только его одного; ему к тому же будет неизвестна ни фактическая роль, которую он будет играть, ни роль главного агента, с которым он войдет в соприкосновение, и одним из средств общения которого с Тайной директорией он является. Это приведет его к выводу, что его используют для совершенно иной цели. Свои пакеты с корреспонденцией

он не будет передавать непосредственно Тайной директории, и все это будет доставляться Директории без необходимости доверить это дело какому бы то ни было посреднику. Таким образом, главным агентам нечего будет опасаться, что их предадут их коллеги или агенты-посредники, ибо и те и другие не будут осведомлены о том, кем они в действительности являются. Главных агентов будут знать только четыре члена Тайной директории. И уж к тому, что от этих агентов поступит, члены Директории не должны, конечно, относиться подозрительно.

Вообще, поскольку Тайная директория приняла великую систему, заключающуюся в том, чтобы всех изолировать, оборвать всякие связи, она подчинит этому распорядку всю свою организацию, так что каждое лицо, используемое ею через посредника или непосредственно, никого не сможет предать и что утрата этого лица лишит революционеров лишь его одного. Такой план, согласно которому каждому придется опасаться исключительно самого себя, выработан, несомненно, для успокоения всех, кто будет содействовать его успеху.

Что касается предосторожностей в отношении вас самих, постоянно диктуемых нам крайней осмотрительностью, чтобы не быть введенными в заблуждение донесениями и сведениями некоторых извне, то это касается только нас. Мы не требуем и не устанавливаем особых знаков или подписей, чтобы гаран-

тировать нам подлинность этих донесений; но мы уверены, что различим их подлинность по недвусмысленным признакам и доказательствам.

После того как мы рассказали вам, граждане, о том, что оправдывает, как нам казалось, предпринятое нами дело, как и о том, что должно успокоить в отдельности каждого из вас, содействующего этому делу, следует начертать вам, что именно, по мнению Тайной директории, вам надлежит делать в эти первые минуты.

На это вам указывают статьи 2 и 3 организационного устава, предназначенного для вас и предшествующего данной инструкции:

«Организовать в вашем округе одно или несколько собраний патриотов; давать на них пищу и направление общественному сознанию путем чтения популярных газет, как и путем дискуссий о правах народа и о его настоящем положении.

Вести ежедневные записи о состоянии общественного мнения; в этих записях давать отчеты о более или менее благоприятных, более или менее активных настроениях патриотов; указывать лиц, отмеченных вами как наиболее способных содействовать движению, которым надлежит руководить; указывать характер их использования и революционную задачу, выполнить которую вы считаете каждого из них способным; указывать интриганов, лицемерных людей, которые попытаются проникнуть на эти собрания; давать также

отчеты о препятствиях и противодействиях, чинимых этими лицами развитию активности, внушению добрых принципов и возрождающих идей».

Статьи 4 и 5 того же организационного устава определяют способы, при помощи которых вы можете передавать Тайной директории эти записи, сведения или донесения, которых она ждет от вас.

Вы будете передавать их агентам-посредникам, которые получают их непосредственно из ваших рук; точно так же и они будут передавать вам последующие инструкции, которые Тайная директория окажется вынужденной передать вам.

Вот чем определяется, граждане, в этот первый момент ваша задача. Нам остается лишь изложить вам некоторые соображения о деталях, в которые вы сами внесете изменения соответственно тому, как вам подскажет благоразумие.

Понятно, что, призывая вас организовать в вашем округе одно или несколько собраний патриотов, мы считаем, что это надлежит делать без излишней аффектации. Возможно также, что такие собрания будут вами же организованы и что они будут проникнуты вашим образом мыслей; но вы не подадите при этом виду, что являетесь их учредителями и руководителями. Пожертвуем мелким, тщеславным желанием создать видимость ради преимущества действительно совершить нечто реальное. Ничто так не

обеспечивает крупные, подлинные успехи, ничто не может дать лучшего внутреннего удовлетворения, как сознание того, что являешься невидимым орудием, при помощи которого приходят в движение великие силы. Мы отдаем в этом случае нашему дарованию дань заслуженного уважения, гораздо большего, чем то, какое приписывает себе поспешное самохвальство всякого, кто хотел бы прослыть главным действующим лицом на политической арене. Достаточно будет еще времени, чтобы пожинать рукоплескания наших братьев, когда мы спасем их.

Нам, следовательно, представляется вполне осуществимым, чтобы главные агенты учредили, организовали и направляли желательные для нас клубы, не подавая виду, что они являются учредителями, организаторами, руководителями чего-либо. Но и тогда, когда мы говорим об организации, мы из тех же соображений осторожности считаем, что следует не столько стараться предпринимать новые начинания, сколько строить наше здание на старых элементах, на старых, уже существующих основах. В ряде округов у вас имеются кафе, в которых уже привыкли собираться патриоты; старайтесь просто привлекать их туда в большем количестве и чаще. В то же время старайтесь увеличивать число этих сборных пунктов, а не забивать их слишком большим числом людей, которые будут лишены возможности узнать друг друга и внушат подозрение властям. Посещайте по очереди

каждое из этих мест; устраивайте собрания лучше в частных домах, нежели в кафе: здесь патриоты будут чувствовать себя более свободно, здесь они будут в меньшей мере объектами *шпионажа* и иметь бóльшую возможность допускать в свою среду только таких братьев, в которых они будут уверены. Вообще, старайтесь не придавать собраниям публичный, выходящий за известные рамки характер, не называйте все это клубами, обществами, собраниями; избегайте всяких пышных названий; говорите попросту: *такое-то кафе, такой-то дом*; отправление туда называйте прогулками, посещениями; пусть все в них будет на деле, а не на словах.

Мы говорили вам о другой задаче, которая должна следовать за установлением сборных пунктов,— о задаче, которая состоит в том, чтобы питать и направлять в них общественное мнение. Мы установили, что для этого достаточно будет дискуссий о правах народа и о его настоящем тяжелом положении в соединении с чтением популярных газет. О, особенно с чтением популярных газет! Тайная директория рекомендует вам этот способ как самый могучий рычаг. Выбор этих газет будет для вас нетруден: вы достаточно с ними знакомы. Тайная директория будет передавать их вам для того, чтобы раздавать их не только на ваших собраниях, но и в частности всем лучшим патриотам. Кроме письменных сочинений вам будут предоставляться, когда в этом появится необходимость, и

другие средства воздействия. Газеты, о которых шла речь, будут в значительной своей части служить для вас компасом и общей инструкцией: до сих пор они проповедовали наши принципы, как и принципы всех истинных демократов. Полагаем, что они и впредь будут продолжать их проповедовать и что в их доктрине вы всегда сможете распознать нашу доктрину. Поддерживать и приветствовать ее — вот почти все, к чему может свестись ваша видимая роль; а для этого вам незачем выходить за пределы таких проявлений, при которых вы выступаете лишь рядовыми действующими лицами, простыми слушателями и присутствующими, как и все прочие. Кроме того, часть записей и донесений, которые должны быть сделаны лишь в строжайшей тайне, также составляют вашу секретную миссию. Эту последнюю часть вашей миссии мы не станем подвергать детальному рассмотрению; ход ее выполнения в достаточной мере определен статьей 3 организационного устава, как и тем, что сказано нами выше в данной инструкции.

Говоря вам о том, что популярные газеты, которые будут вам доставляться, смогут служить вам компасом и главным образом дополнением к последующим инструкциям, которые мы будем вам давать (не считая противоположных инструкций, которые вы можете получить от нас), достаточно вам указать, что вы не должны доводить энергию до уровня, превышающего уровень, установленный этими

самыми газетами; и это замечание содержится в том, что сказано Директорией в акте о ее создании: «Превышающие всякую меру преступления узурпаторской власти способствовали тому, что во всех сердцах настолько созрела готовность к революционному взрыву, что *в интересах его плодотворности, в интересах обеспечения его успеха* необходимо, быть может, скорее умерить, нежели усилить порыв свобододолюбивых людей».

Итак, насколько существенно важно удерживать умы в должном напряжении, настолько же бесполезно и даже опасно было бы слишком быстро и до крайности их воспламенять. Необходимо принять во внимание, что если у народа мнение уже сложилось, то у солдата такого мнения еще не существует; он введен в заблуждение лицемерными ласками правительства, желающего использовать его для того, чтобы подавить гражданское население, как и самого солдата. Требуется время, чтобы открыть глаза нашим братьям, находящимся под ружьем. Будем, следовательно, возбуждать умы благоразумно, лишь в строгом соответствии с нарастанием показаний термометра, меняющуюся степень нагрева которого всегда будет указывать Тайная директория.

Вот, граждане, почти все, что мы имеем сказать вам для начала. Ваше рвение, ваши знания, ваша гражданская доблесть дополнят все то, что могло быть нами упущено при начертании плана столь возвышенной миссии. Прекрасно зная прежде всего наши граждан-

ские добродетели, мы не сочли нужным изощряться, чтобы воспламенить вашу энергию. Простое изложение дела, признанная справедливость которого хранится в ваших, как и в наших сердцах, казалось нам достаточным, чтобы убедить вас в существенной необходимости начинания, содействовать которому мы побуждаем вас. Французы! Речь идет о вашем и нашем спасении. Речь идет о спасении настоящего и будущих поколений, о спасении нашей республики и всего мира. Пусть наше мужество послужит сигналом к подлинному пробуждению народа! Пусть, воспламененный нами, он высвободится, наконец, из мертвящего сна и заложит основы царства вечного блага, равенства и свободы! Все готово... Законодательное здание, гарантирующее изобилие, равенство, свободу для всех, ждет лишь крушения колосса порабощения, угнетения и смерти, чтобы предстать во всем своем величии и занять его место. Подготовим же эту счастливую катастрофу. Кодекс, который мы установим, будет, наконец, прочным и вечным... ибо он обеспечит всеобщее благо. Он будет создан не для возвышения того или иного человека, а для того, чтобы служить на пользу всем людям, для которых он предназначен. Пора избавиться от всех честолюбцев, пора уничтожить человеческую гордыню. Пора разрешить, наконец, на деле прекрасную проблему: чтобы каждый из нас зависел только от учреждений и законов и чтобы никто из нас не держал никого в зависимости от себя.

Седьмой документ МАНИФЕСТ РАВНЫХ¹²³

Действительное равенство — конечная цель социального искусства.

Кондорсе. Картина человеческого разума, стр. 329.

Народ Франции!

В течение пятнадцати столетий ты жил рабом и, следовательно, был несчастен. Вот уже шесть лет как ты, затаив дыхание, ждешь независимости, счастья и равенства.

Равенство! Первое требование природы, главная потребность человека, главный узловый пункт всякой законной ассоциации! Народ Франции! Ты не был поставлен в более благоприятные условия, чем другие нации, прозябающие на этой несчастной земле! Всегда и повсюду жалкий род человеческий, отданный во власть более или менее ловких людоедов, служил игрушкой в руках всяких честолюбцев, жертвой всяких видов тирании. Всегда и повсюду людей убаюкивали красивыми словами; никогда и нигде слово не претворялось в дело. С незапамятных времен нам лицемерно повторяют, что *люди равны*; с незапамятных времен над человеческим родом дерзостно тяготеет самое унижительное, самое чудовищное неравенство. С тех пор как существуют гражданские общества, существует единодушное признание того, что такое лучший удел человека, но ни разу еще он не был

претворен в действительность: равенство являлось не чем иным, как красивой и бесплодной фикцией закона. Сейчас, когда его требуют более настойчиво, нам отвечают: «Замолчите, несчастные! Фактическое равенство лишь химера; довольствуйтесь условным равенством: все вы равны перед законом. Каналья, чего тебе еще надо?» Чего нам еще надо? Законодатели, правители, богатые собственники, выслушайте вы нас, в свою очередь.

Все мы равны, не так ли? Этот принцип неопровержим, ибо, только лишившись рассудка, можно со всей серьезностью назвать день ночью.

Так вот! Отныне мы претендуем на то, чтобы жить и умереть равными, подобно тому, как мы родились равными. Мы хотим действительного равенства или смерти — вот чего нам надо.

И мы будем его иметь, это действительное равенство, чего бы оно нам ни стоило. Горе тем, кто станет между ним и нами! Горе тем, кто будет оказывать сопротивление столь ясно выраженной воле!

Французская революция лишь предвестник другой, более великой, более торжественной революции, которая будет последней.

Народ раздавил королей и священников, объединившихся против него; он поступит точно так же с новыми тиранами, с новыми политическими тартюфами, занявшими место прежних.

Чего нам еще надо, кроме равенства в правах?

Нам надо, чтобы это равенство было не только записано в Декларации прав человека и гражданина; мы хотим иметь его среди нас, под нашей кровлей. Ради него мы согласны на все; *согласны снести все, чтобы держаться его одного*. Пусть исчезнут, если надо, все искусства, только бы нам осталось подлинное равенство!

Законодатели и правители, не обладающие ни талантом, ни добросовестностью, богатые и бессердечные собственники, напрасно пытаетесь вы лишить силы наше святое начинание, заявляя: они хотят воспроизвести лишь аграрный закон, который не раз требовали до них.

Клеветники, замолчите и вы, в свою очередь, и выслушайте в молчаливом смущении наши требования, продиктованные природой и основанные на справедливости.

Аграрный закон, или раздел обрабатываемых земель, был кратковременным требованием некоторых беспринципных солдат, некоторых племен, движимых скорее инстинктом, нежели разумом. Мы же стремимся к чему-то более возвышенному и более справедливому, к общественной собственности или к общности имуществ! Нет более частной собственности на землю, земля не составляет ничьей собственности. Мы требуем, мы хотим общего пользования плодами земли: *плоды принадлежат всем*.

Мы заявляем, что не потерпим более, чтобы подавляющее большинство людей в поте лица трудилось в подчинении ради наслаждений ничтожного меньшинства.

Менее миллиона человек слишком долго обладает тем, что принадлежит более чем двадцати миллионам им подобных, равноправных с ними людей.

Пусть будет положен конец этому великому позору, который покажется невероятным нашим потомкам. Пусть исчезнут, наконец, возмутительные различия между богатыми и бедными, большими и малыми, господами и слугами, *правлящими и управляемыми*.

Пусть не существует более между людьми иного различия кроме различий возраста и пола. Поскольку все имеют одни и те же потребности, как и одни и те же способности, то пусть они получают одинаковое образование, одинаковую пищу. Все они довольствуются одним солнцем и одним воздухом; отчего же им не обходиться одинаковым количеством и одинаковым качеством продуктов?

Однако противники самого естественного, какой только можно себе представить, порядка вещей выступают уже против нас в высокопарном тоне.

Дезорганизаторы, мятежники, заявляют они нам, вы хотите лишь бойни и добычи.

Народ Франции,

Мы не станем терять время на то, чтобы возражать им, но мы скажем тебе: святое начинание, организуемое нами, имеет единствен-

ной целью положить конец гражданским распрям и нищете народа.

Никогда еще не был задуман и осуществлен более широкий план. Время от времени отдельные гениальные люди, отдельные мудрецы заговаривали об этом едва слышным, неуверенным голосом. Ни у кого из них не нашлось мужества высказать всю правду.

Наступило время великих мероприятий. Зло достигло апогея — оно покрыло лицо земли. В течение многих столетий на ней царит хаос под именем политики. Пусть все будет приведено в порядок и станет на свое место. Пусть по призыву равенства организуются элементы справедливости и счастья. Настал момент для основания *Республики равных*, этого великого прибежища, открытого для всех людей. Настали дни всеобщего возврата к нормальному состоянию. Страждущие семьи, садитесь за общий стол, накрытый природой для всех ее детей.

Народ Франции, тебе уготована величайшая слава! Да, именно ты должен первый представить миру это трогательное зрелище.

Старые привычки, давнишние предубеждения будут снова препятствовать установлению *Республики равных*. Возможно, что организация действительного равенства, единственного, отвечающего всем потребностям, не приносящего никого в жертву и не требующего жертв, на первых порах понравится далеко не всем. Эгоист, честолюбец будет дрожать от бешенства. Люди, несправедливо обладающие

собственностью, будут вопить о несправедливости. Некоторые пресыщенные благодаря чужому труду люди будут весьма скорбеть по наслаждениям, выпавшим исключительно на их долю. Поклонники неограниченной власти, гнусные приспешники самовластья, с трудом примирятся с тем, чтобы головы их высокомерных властителей склонились до уровня фактического равенства. Их близорукому взору нелегко будет проникнуть в ближайшее будущее всеобщего блага. Но что могут поделаться несколько тысяч недовольных против массы счастливых людей, изумленных тем, что они так долго искали высшего счастья, которое было у них под рукой?

На другой же день после этой подлинной революции они в полном изумлении скажут себе: как? Общее благо зависело от столь немногочисленного? Нам надо было только его пожелать. О, почему мы не пожелали его раньше? Разве надо было заставлять говорить нам об этом столько раз? Да, несомненно, стоит только одному-единственному человеку на земле быть более богатым, более сильным, чем его ближние, чем другие равные ему люди, и равновесие нарушено: преступление и несчастье утвердились на земле.

Народ Франции, по какому же признаку должен ты отныне определять превосходство той или иной конституции?.. Конституция, которая покоится целиком на фактическом равенстве, — единственная, которая может тебе подойти и удовлетворить все твои чаяния.

Аристократические хартии 1791 и 1795 годов окончательно поработили тебя вместо того, чтобы разбить твои цепи. Конституция 1793 г. была действительным великим шагом вперед к подлинному равенству; так близко к нему еще ни разу не подходили; но эта конституция все еще не касалась конечной цели и не подходила вплотную к всеобщему благу, хотя она торжественно утвердила этот великий принцип.

Народ Франции,

Открой глаза свои и сердце свое открой навстречу полноте счастья. Признай и провозгласи вместе с нами *Республику равных*.

Восьмой документ

АНАЛИЗ ДОКТРИНЫ БАБЕФА,
КОТОРОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ
ДИРЕКТОРИЯ ПОДВЕРГЛА ПРОСКРИПЦИИ
ЗА ТО, ЧТО ОН ВЫСКАЗЫВАЕТ ПРАВДУ¹²⁴

Статья 1

Природа дала каждому человеку равное право на пользование всеми благами.

*Доказательства, извлеченные из дискуссии,
вызванной этим документом*

1. До того как люди впервые поселились поблизости друг от друга, им в равной мере принадлежали произведения природы, которые она щедро расточала вокруг них.

2. Вследствие чего же между людьми могло установиться неравенство в пользовании этим правом, как только они поселились по близости друг от друга на необработанной земле? Вследствие их природного неравенства? У всех у них одни и те же органы, одни и те же потребности. Вследствие зависимости одних от других? Но ведь никто из них не был достаточно сильным, чтобы поработить своих ближних, которые при малейшем недовольстве могли разбрестись в разные стороны; преимущество же взаимопомощи и общего благожелательства делало для них всех необходимым уважать права других людей, которыми те наделены от природы. Вследствие жестокости их сердец? но сострадание есть непосредственное следствие их организации, и эта жестокость рождается от напряжения страстей. Не вследствие ли врожденной склонности к унижению и порабощению? Но ведь один вид различий является даже для самых диких людей прискорбным ощущением, источником зависти и ненависти.

3. Если семья являлась прообразом общества, то она является также самым разительным обоснованием права, о котором мы ведем речь. Равенство в семье служит залогом нежности родителей, согласия и счастья детей. А когда оно нарушено? Печаль и ревность вносят в дом беспорядок и нарушают покой. Все, вплоть до любви родителей, внушает детям ненависть к пристрастию. Сами родите-

ли, прибегая к нему, рискуют внести в семью опасные страсти.

4. Первоначальными договорами безусловно было введено самое строгое равенство, ибо что могло заставить людей, бывших до того противниками всяких различий, согласиться на лишения, на низкий уровень существования?

5. Забвение этого равенства ввело среди людей:

ложные представления о счастье;

разнузданность страстей;

вырождение человеческого рода;

насилия, волнения, войны;

тиранию одних и угнетенное положение других.

Гражданские, политические и религиозные учреждения, утверждающие несправедливость, в конечном счете разлагают общество, после того как в течение долгого времени они раздирали его на части.

Зрелище различий, роскоши и наслаждений, которыми масса народа не пользуется, служило и будет всегда служить для нее неисчерпаемым источником терзаний и беспокойств. Только небольшому числу разумных людей удастся уберечь себя от коррупции. Отныне умеренность является благом, которое заурядный человек не ценит более, поскольку сам он удалился от нее.

Разве не создают себе немногие граждане новые потребности и не вносят в свои удовольствия утонченность, неведомую массе на-

селения? Простоту больше не любят, не находят больше счастья в деятельном образе жизни, как и в спокойствии души; различия и наслаждения становятся высшим благом; все недовольны своим положением и все тщетно ищут счастья, которому неравенство закрыло доступ в общество.

Чем больше добиваются отличий, тем больше их желают, тем более возбуждают ревность и алчность. Отсюда такое множество сумасбродных начинаний; столь ненасытная и преступная жажда золота и власти; ненависть, насилия, убийства; кровопролитные войны, вызываемые духом завоевания и торговым соперничеством, не дающими ни минуты покоя несчастному человечеству.

Среди этого смятения умов инертность и горести приводят к гибели одну часть человеческого рода, вызывают раздраженное состояние у другой его части и готовят для общества поколения, неспособные его защищать. Привязанность к отличиям рождает меры предосторожности, предпринимаемые для их сохранения, несмотря на зависть и недовольство, вызываемые ими; этими мерами предосторожности являются варварские законы, исключительные формы государственного управления, религиозные измышления, рабская мораль — словом, тирания, с одной стороны, угнетение, с другой. Однако полностью заглушить голос природы невозможно; иной раз она заставляет трепетать ее неблагодарных детей. Своими внезапными проявлениями

она мстит за слезы человечества, и если ей редко удастся восстановить человечество в его правах, то она всегда приводит к низвержению обществ, не признававших законов природы.

Поскольку равенство имущественного положения есть следствие одинаковости наших органов и наших потребностей, поскольку общественные и личные невзгоды, общественная разруха составляют необходимое следствие наносимого обществу ущерба, то, следовательно, это равенство составляет естественное право.

Статья 2

Цель общества — защищать это равенство, часто подвергающееся в условиях естественного состояния нападению со стороны сильных и злых, и увеличивать совместным трудом всех общественное благосостояние.

Доказательства

1. В данном случае под *обществом* разумеется ассоциация, регулируемая соглашениями, а под *естественным состоянием* — состояние случайного и несовершенного общества, в котором безусловно пребывали люди до того, как они подчинились законам.

Не вдаваясь в рассмотрение того, могли ли иметь место в естественном состоянии покушения вроде тех, о которых упоминается в данной статье, очевидно, что если неудобства этого состояния привели людей к реше-

нию установить законы, то это были неудобства, которые порождало нарушение равенства. Как бы то ни было, целью ассоциации является сохранение равенства, ибо только при его наличии объединенные между собой люди могут быть счастливы.

2. Объединением своих усилий люди, конечно, хотели обеспечить себе при наименьшей затрате труда возможно больше средств потребления, о которых они имели представление. Так вот, изобилие предметов первой необходимости обеспечивает эти потребности; само же изобилие обеспечивается трудом членов ассоциации, который возможен для каждого из них только тогда, когда этот труд распределяется между всеми.

Статья 3

Природа возложила на каждого человека обязанность трудиться; никто не может избежать труда, не совершая преступления.

Доказательство

1. Труд является для каждого человека предписанием природы: 1) ибо человек, уединившийся в пустыне, не мог бы без всякого труда обеспечить себе средства к существованию; 2) ибо состояние деятельности, которое вызывается умеренным трудом, является для человека источником здоровья и доброго духа.

2. Эта обязанность не может быть уменьшена обществом ни в отношении всех его чле-

нов, ни в отношении каждого из них: 1) ибо от этого зависит сохранение самого общества; 2) ибо труд каждого члена общества возможен лишь в том случае, когда в нем участвуют все.

Статья 4

Все виды труда и пользование их плодами должны быть общими.

Разъяснение

Это означает, что все должны нести одинаковую долю труда и в равной мере пользоваться его плодами.

Справедливость этого принципа вытекает из доказательств вышеизложенных статей 1 и 3. Однако, что подразумевается под общностью труда? Хотят ли, чтобы всех граждан заставляли заниматься одним и тем же делом? Нет, хотят лишь такого распределения разнообразных работ, чтобы ни один способный к труду человек не оставался праздным; чтобы увеличение числа трудящихся гарантировало обществу изобилие и в то же время сокращало труд каждого его члена; чтобы каждый человек получал в награду от отечества средства к удовлетворению его естественных потребностей, как и немногих искусственных потребностей, удовлетворение которых доступно всем.

Могут возразить: что станет с произведениями мастерства, требующими времени и дарования? Не следует ли опасаться того, что, будучи вознаграждаемы не лучше других, они

придут в упадок во вред обществу? Софизм! Усилия человеческого дарования были во все времена обязаны своим существованием любви к славе, а не жажде богатства. Миллионы бедных солдат обрекают себя каждодневно на смерть во имя чести служить капризам жестокого начальника. Как же можно сомневаться в чудесном воздействии, которое окажут на человеческое сердце ощущение счастья, любовь к равенству и к отечеству, побуждения мудрой политики? К тому же, разве была бы у нас потребность в бьющем в глаза искусстве и в мишуре роскоши, если бы мы имели счастье жить под сенью законов равенства?

Статья 5

Угнетение имеет место тогда, когда один истощает себя в труде и испытывает нужду во всем, в то время как другой, ничего ни делая, утопает в изобилии.

Доказательства

1. *Неравенство и угнетение являются синонимами*: если угнетать кого-либо значит нарушать в отношении его закон, то те, кого отягощает неравенство, являются угнетаемыми, ибо неравенство ущемляет естественный закон, которому абсурдно противопоставлять человеческие законы.

2. Угнетать — значит либо ограничить возможности того или иного человека, либо увеличить его обязанности. Это как раз и

есть то, что творит неравенство, сокращая потребление того, чьи обязанности оно увеличивает.

Статья 6

Никто не может присвоить в свое исключительное владение блага, которые дает земля или промышленность, не совершая тем самым преступления.

Разъяснение и доказательства

Если доказать, что неравенство не имеет иной причины, кроме этого исключительного присвоения в свою пользу, то тем самым будет доказано преступление тех, кто ввел различие между *моим и твоим*.

С того момента, когда земля оказалась поделенной, возникло исключительное право собственности. Тогда каждый человек сделался исключительным обладателем всего, что он мог извлечь из доставшегося ему поля и из своего мастерства.

Возможно, что люди, занявшиеся изготовлением предметов первой необходимости, были в то же время устранены от всякого владения землей, обрабатывать которую у них не было времени. Таким образом, одни остались обладателями жизненно необходимых вещей, между тем как другие получили право лишь на денежный заработок, который угодно было им платить. Эта перемена тем не менее не привела к заметному изменению в распределении благ, поскольку число лиц наемного труда не превышало число владельцев земли.

Но как только вследствие естественных случайностей — экономии или умения одних, расточительства или неспособности других — земельная собственность оказалась в руках незначительного числа семейств, число лиц наемного труда оказалось гораздо больше числа лиц, пользующихся наемным трудом; они очутились во власти последних, которые в своем высокомерии богачей довели их до весьма скудного существования.

От этого переворота ведут свое происхождение пагубные последствия неравенства, изложенные в первой статье. С этого времени можно видеть праздноголюбца, живущего, вследствие возмутительной несправедливости, за счет тяжкого труда человека, изнуренного бременем утомительной работы и лишений; можно видеть богачей, завладевших государством и, в роли хозяев, диктующих тиранические законы бедняку, скованному нуждой, униженному невежеством и обманутому религией.

Несчастья и рабское положение проистекают от неравенства, а неравенство — от собственности. Собственность, следовательно, есть величайший бич общества; это поистине общественное преступление.

Нам скажут, что право собственности более старо, чем само общество, которое было учреждено для того, чтобы это право защищать. Но каким же образом можно было получить представление о существовании подобного права до того, как собственнику пу-

тем договоров были обеспечены плоды его труда? Каким образом общество могло оказаться обязанным своим происхождением институту, подрывающему всякое общественное чувство?

Наконец, пусть не говорят, что справедливо, чтобы человек трудолюбивый и бережливый был вознагражден богатством, а праздный был наказан нищетой. Конечно, справедливо, чтобы деятельный человек, выполнив свой долг, получил от отечества то, что оно в состоянии ему дать без ущерба для себя; справедливо, чтобы он был вознагражден общественным признанием; но он не приобретает тем самым права наносить вред своей стране, точно так же как солдат благодаря своей храбрости не приобретает права поработить свое отечество.

Хотя и существуют дурные люди, которые должны приписать своим собственным порокам нищету, в которую они впали, но это далеко еще не значит, что все неимущие должны быть отнесены к этому классу людей. Множество земледельцев и фабричных рабочих, которых совершенно не жалеют, живут на хлебе и воде для того, чтобы гнусный распутник мирно наслаждался наследством бесчеловечного отца, как и для того, чтобы фабрикант-миллионер отправлял по низкой цене ткани и безделушки в страны, поставляющие нашим праздным сибаритам благовония из Аравии и птиц из Колхиды. Да и разве существовали бы дурные люди, если бы их не

втягивали в пороки и безумства социальные учреждения, которые в их лице карают результаты страстей, развитию которых они сами же способствовали.

Статья 7

В истинном обществе не должно быть ни богатых, ни бедных.

Статья 8

Богачи, не желающие отказаться от своего избытка в пользу неимущих, являются врагами народа.

Статья 9

Никто не вправе путем накопления всех материальных средств лишать другого просвещения, необходимого для его блага: образование должно быть общим для всех.

Доказательства

1. Это накопление лишает людей труда всего, вплоть до возможности приобретения знаний, необходимых каждому доброму гражданину.

2. Если у народа и нет необходимости в широком образовании, то он все же нуждается в просвещении, чтобы не сделаться жертвой хитрецов и мнимых ученых. Ему важно знать свои права и свои обязанности.

Статья 10

Цель революции — уничтожить неравенство и восстановить всеобщее благо.

Доказательства

Найдется ли такой честный человек, который хотел бы подвергнуть своих сограждан конвульсиям и бедствиям политического переворота, цель которого сделать их еще более несчастными, либо поставить их в такое положение, которое должно привести их к полному разорению? Умело уловить момент для преобразования — далеко не малая задача искусного и добродетельного политического деятеля.

Статья 11

Революция не завершена, так как богачи захватывают все блага и одни пользуются властью, в то время как бедняки трудятся, как настоящие рабы, изнемогают в нищете и не имеют в государстве никакого значения.

Статья 12

Конституция 1793 г. является для французов подлинным законом, ибо народ ее торжественно принял; ибо Конвент не имел права вносить в нее изменения; ибо для того, чтобы добиться этого, он велел расстреливать народ, требовавший ее исполнения*; ибо он изгнал и убил депутатов, которые защищали ее, исполняя свой долг**; ибо тер-

* 1 прериаля III года и в следующие дни.

** Бурбот, Деруа, Дюкенуа, Гужон, Ромм и Субрани были преданы смерти. Пейссар был сослан, а Фюестье приговорен к лишению свободы.

рор против народа и влияние эмигрантов * играли преобладающую роль при выработке и так называемом утверждении конституции 1795 г., не собравшей даже четверти избирательных голосов, полученных конституцией 1793 г.; ибо конституция 1793 г. закрепила неотъемлемые права каждого гражданина давать свое согласие на законы, осуществлять свои политические права, пользоваться правом собраний, требовать того, что он считает полезным, получать образование и не умирать от голода. Эти права открыто и всецело нарушены контрреволюционным актом 1795 г.

Статья 13

Каждый гражданин обязан восстановить и защищать в конституции 1793 г. волю и благо народа.

Статья 14

Все органы власти, ведущие свое происхождение от мнимой конституции 1795 г., противозаконны и контрреволюционны.

Статья 15

Лица, поднявшие руку на конституцию 1793 г., виновны в оскорблении народного суверенитета.

* Популярных людей открыто убивали или заполняли ими тюрьмы; множество эмигрантов и в особенности те, кто дезертировал после революции 31 мая, были после 9 термидора II года возвращены.

Девятый документ

ПИСЬМО СВОБОДНОГО ФРАНКА,
СОЛДАТА АРМИИ, РАСПОЛОЖЕННОЙ
ВОКРУГ ПАРИЖА, ЕГО ДРУГУ ТЕРРОРУ,
СОЛДАТУ РЕЙНСКОЙ АРМИИ ¹²⁵

Мы..., мой бедный друг Террор; да, мы... * и будем оставаться без средств, если до конца проглотим пилюлю, которую нам положили в рот. Напрасно изломали мы копья свои в борьбе против низких приспешников коронованных хищников; напрасно стояли мы бивуаком, голодали, боролись, трудились до седьмого пота и в продолжение четырех лет били вшей и уничтожали рабов. Мы стреляли по воробьям, и свобода, достойный предмет наших желаний, священная цель наших трудов, так же как и сладостное равенство, ее неразлучный спутник, отныне являются лишь пустыми изображениями, запечатленными на кухонных тряпках наследников К... ¹²⁶, лишь пустым дымом, наподобие дыма моей трубки. Под видом порядка и дисциплины мы и все наши братья санкюлоты привязаны, словно собаки, к цепи на заднем дворе, с той разницей, что псам, когда они лают, бросают кусок, чтобы заткнуть им глотку, а нам не дают рта раскрыть.

О, имя трижды мошенника Д...! Мой храбрый Террор, разве покинули бы мы когда-либо свои очаги, своих жен, детей, отцов, ма-

* Пропуск в подлиннике.— Ред.

терей, чтобы повергнуть в прах подлецов, угрожавших нашему отечеству, если бы мы предполагали, что пока мы... * рот эмигрантам и наступаем на горло королям, тигры в золоченой шкуре задушат, раздерут на части и сожрут наших родных, друзей, самую свободу? Да, мой друг, да: как ни странно то, о чем я тебе сообщаю, тем не менее верно и то, что такой... *, как ты, сто́ит больше сотни... таких, как те, кто нами управляет. Когда я набросаю тебе картину, которая уже десять месяцев стоит здесь перед моими глазами, ты в этом убедишься. Я не стану сопровождать ее никакой клятвой для того, чтобы ты поверил в нее, ибо после клятвы верности конституции 1793 г. я видел лишь клятвы бездушных и бесчестных негодяев.

1. Неслыханная спесь двора и бывшей знати вынудила нас сокрушить трон. Мы установили народное правление или, как выражается отец Латюлип, правление, при котором каждый имел право считать себя буржуа. Пока мы отовсюду собирали вокруг себя... **, которые считали нужным порицать то, что нам угодно было делать у себя, подлые слуги, которым мы доверили заботу о наших делах, умертвив сначала тех из их среды, кто хотел остаться нам верен, водворили под названием Исполнительной директории пять львов, которых они нарядили в попоны, на которых надели упряжь и разукрасили, словно провансаль-

* Пропуск в подлиннике.— Ред.

** Пропуск в подлиннике.— Ред.

ских мулов, окружив Скапенами, Скарамушами, Картушами, и все они вместе взятые умножили впятеро спесь, наглость, тиранию и деспотизм... * умершего Капета, их достойного предшественника.

2. Правительство, которое мы оставили в 93 году, использовало даже эгоизм для того, чтобы создать склады вещей и съестных припасов, необходимых для спасения отечества; правительство, которым его заменили наши вероломные слуги, не создало никакого иного государственного склада, кроме Кламарского, набитого тысячами трупов погибших от голода республиканцев, которые вот уже 18 месяцев завозятся во всякое время возами в этот ужасный склад.

3. Дворяне всегда предавали нас, и мы одержали настоящую победу лишь тогда, когда изгнали их из наших армий. Сейчас же... * храбрые офицеры из народа, приведшие нас к победе, у которых, как и у нас, все тело покрыто рубцами, недостойным образом отстранены и заменены шуанами из знатных и изысканных сословий.

4. Париж, этот прекрасный Париж 1793 г., в котором свобода, равенство и изобилие создали из всего народа счастливейшую семью, сейчас представляет лишь наводящий ужас лес, полный хищных волков и испускающих дух овец; волки — это правители и богачи; овцы — патриоты, наши родные, наши братья.

* Пропуск в подлиннике.— Ред.

5. Наши товарищи по оружию, изувеченные в сражениях, здесь раздавлены или оклеветаны, облиты грязью и презрением власть имущими и их подлыми лакеями; большинство из них доведено до нищеты. Да будет проклята неблагодарность отечества, за которое они проливали свою кровь. «Они неправы, дорогой товарищ»,— скажешь ты. Нет, друг мой, это не так. Их скорбные стенания прекратятся лишь тогда, когда мы отомстим за них. И это, надеюсь, будет скоро!..

6. Командующие здесь нами генералы — низкие льстецы, которым, в свою очередь, льстят пятеро разукрашенных мулов,— держат нас, под видом дисциплины, в самом гнусном порабощении. Загнав нас, словно глупое стадо, в военное училище, нас лишили возможности общаться с нашими друзьями, нашими родными. О, они, несомненно, боятся, как бы слезы наших близких не тронули наших сердец и не вдохновили наше мужество справедливой местью. Но как бы тираны ни старались... *, они скоро узнают, что, хотя нас и считают орудием угнетения, предназначенным главным образом для повиновения, мы являемся также мстителями за права каждого человека и всего человечества.

7. Правительство 93 г. в награду за одержанную нами победу обеспечило за нами, мой дорогой товарищ, все, что осталось от врагов отечества. Нынешнее правительство под на-

* Пропуск в подлиннике.— Ред.

званием реституции отдает нашим врагам то, что мы отвоевали у них, и что служило гарантией для наших республиканских денежных знаков. Отсюда следует, что правящие нами злодеи, бесстыдно сбросив красный колпак, который они недостойны были носить, надели себе на голову зеленый, и в довершение своего бесчестия они продолжают обещать нам миллиард, а на деле оставляют нам в награду палатки, которых они лишали нас во время трех походов, чтобы изготовить из них для каждого из нас нищенскую суму!

Я никогда не кончил бы, мой милый Террор, если бы взялся изобразить все ужасы, которые я здесь вижу вокруг себя. Но будучи более привычен сражаться, нежели жаловаться, столь же терпеливый в скорби, как и страшный в мщении, я жду лишь, мой дорогой товарищ, вместе с десятью миллионами угнетенных демократов, того момента, когда мир с внешними врагами позволит тебе и твоим товарищам по оружию возвратиться к вашим домашним очагам. Тогда мы все вместе докажем Франции и всему миру, что мы так же хорошо умеем наказывать предателей и сдержать данную нами в 93 году присягу, как умели одерживать победы над сворой... *

Привет и братство!

Подпись: Твой брат Свободный франк.

Париж, 24 жерминаля IV года
грядущей демократической
республики.

* Пропуск в подлиннике.— Ред.

Десятый документ

ПЕРВАЯ ИНСТРУКЦИЯ ТАЙНОЙ
ДИРЕКТОРИИ, НАПРАВЛЕННАЯ КАЖДОМУ
ИЗ ГЛАВНЫХ ВОЕННЫХ АГЕНТОВ ¹²⁷

Граждане,

Времена кризисов и т. д. (см. шестой документ от начала, кончая словами: «что он способен был бы совершить, если бы увидел во главе себя руководителей, достойных его полного доверия»).

Воодушевленные такими настроениями, мы тотчас пришли к необходимости обратить взор на людей, способных помочь нам в славнейшем начинании. На вас, граждане, ввиду всего вашего поведения, многочисленных актов безупречной преданности отечеству в продолжение всего хода революции, как и ужасных испытаний в дни преследования всех тех, кто являлся патриотом и добродетельным человеком,— на вас остановили свой взор люди, выступившие первыми мстителями за преданное отечество, чтобы облечь вас своим главным доверием и возложить на вас первые и главные операции.

Та часть сокровенного, которую Тайная директория общественного спасения вам сообщает, весьма ценна и важна. Сохранение ее в тайне требует большой скромности, осторожности, активности и любви к всеобщему благу; оно требует всех человеческих добродетелей. какие Директория в вас предполагает.

Свою основную организацию, как и организацию ее взаимоотношений с вами, Тайная директория взвесила на весах благоразумия и осмотрительности. Она сочла необходимым установить главных агентов при разных воинских частях, расположенных внутри и вокруг парижской коммуны; при этом она таким образом скомбинировала способы их связи с нею, что общение будет почти непосредственным, с тем, однако, что ни один из этих агентов не сможет узнать, кто входит в состав Директории.

Смысл такой предосторожности и т. д. (см. шестой документ, стр. 120—121, начиная от этих слов, кончая словами: «замешательство и ужас, которыми будут охвачены самые отважные граждане»).

Таковы, республиканцы, и т. д. (см. снова шестой документ, стр. 121—122, начиная от этих слов, кончая словами: «в одинаковой ее непоколебимости у двенадцати лиц», вместо чего следует читать: «в одинаковой ее непоколебимости у нескольких лиц». См. затем буквально, кончая словами: «вы обнаружите это во всех ее действиях»).

Вооружаясь и т. д. (см. в шестом документе, на стр. 123, весь абзац без всяких изменений).

Тайная директория довела предусмотрительность и т. д. (см. весь параграф, за исключением двух мест, в которых говорится о двенадцати агентах, где надо читать: агенты, и продолжать до конца, кончая словами: «подвергнуть опасности судьбу свободы»).

Такие же предосторожности (см. в шестом документе, стр. 124—126, начиная от этих слов, кончая словами: «вам надлежит делать»).

На это вам указывают предшествующие данной инструкции статьи 3, 4 и 5 организационного устава, предназначенного нами для вас.

«Формировать и направлять общественное сознание солдат вообще, отдельных корпусов и батальонов, порученных вам,— в частности».

«Стимулировать и давать пищу общественному сознанию военных, облегчая прежде всего распространение газет и других популярных сочинений, затем практикуя частые беседы и дискуссии о правах народа, о его настоящем положении, как и о положении армии».

«Вести ежедневные записи состояния общественного мнения; в этих записях давать отчет о более или менее благоприятных, более или менее энергичных настроениях солдатской массы. Указывать лиц, замеченных вами как наиболее способные содействовать движению, которое предстоит вызвать; указывать способ их использования либо революционную задачу, для выполнения которой вы считаете каждого из них пригодным. Указывать интриганов, людей раболепствующих, прислужников тиранов, давать также отчеты о препятствиях и противодействиях, чинимых этими лицами развитию энергии, внушению добрых принципов и возрождающих идей».

Статьи 6, 7 и 8 того же организационного устава определяют способы, при помощи которых вы сможете передавать Тайной директории эти записи, сведения или донесения, которых она ждет от вас.

«Вы будете передавать их агентам-посредникам, которые получают их непосредственно из ваших рук; точно так же и они будут передавать вам последующие инструкции, которые Тайная директория окажется вынужденной вам переправлять».

Вот чем определяется, граждане, в первый момент ваша задача. Нам остается лишь изложить некоторые соображения о деталях, в которые вы сами внесете изменения соответственно тому, как вам подскажет благоразумие.

Призывая вас стимулировать, питать и направлять общественное сознание военных путем чтений, как и путем дискуссий о правах народа, о его настоящем положении, о положении армии, мы считаем — да и вы сами почувствуете, — что это надлежит делать без излишней аффектации в интересах дела, как и в ваших собственных интересах. Возможно, что вы поведете за собой большое число храбрецов и что скоро они будут рассуждать так же, как и вы, сами не замечая того, откуда пришло к ним такое сознание. Гораздо опаснее было бы, если бы их начальники и все те, интересы которых находятся в противоречии с принципами, которые мы хотим им привить, в какой-то степени заметили, какую роль вы

при них играет. Следовательно, вы сами должны будете тщательно соблюдать осторожность и с величайшим вниманием следить за тем, чтобы не выдать себя ни признанием, ни откровенностью с кем бы то ни было: не при нынешних обстоятельствах можно позволить себе давать полное удовлетворение самолюбию. Пожертвуем мелким, тщеславным желанием создать видимость ради преимущества совершить в действительности нечто реальное. Ничто так не обеспечивает крупные и подлинные успехи, ничто не может дать лучшего внутреннего удовлетворения, как сознание того, что являешься невидимым орудием, при помощи которого приходят в движение великие силы. Мы отдаем в этом случае нашему дарованию и нашей скромности дань заслуженного уважения, гораздо большего, чем то, какое приписывает себе поспешное самохвальство всякого, кто хотел бы прослыть главным действующим лицом на политической арене. Достаточно будет еще времени, чтобы пожинать рукоплескания наших братьев, когда мы спасем их. Нам, следовательно, представляется вполне осуществимым, чтобы главные агенты стимулировали, питали и направляли энергию солдата, почти не подавая вида; ибо, поскольку речь идет о том, чтобы только фиксировать его внимание на нарушении всех прав народа и на тяжелом и плачевном положении, до которого доведены сейчас гражданское население и солдаты, то повторяющиеся беседы, частые дискуссии, которые,

как мы уже говорили, вы будете вызывать по этому важному предмету, могут вестись исключительно при помощи газет и других популярных сочинений. И вам нетрудно будет передавать эти сочинения, непосредственно или через посредников, но не оставляя следов, незаметным образом и так, чтобы вы везде могли оставаться лишь простыми наблюдателями.

Так как распространение сочинений является главным средством, на которое мы рассчитываем, то для того, чтобы начать серьезные дискуссии, к которым мы хотим приучить солдата, мы и рекомендуем вам это средство. Выбор этих сочинений будет для вас нетруден, и вы легко распознаете те из них, которые являются доброкачественными. К тому же сама Директория общественного спасения будет переправлять их вам для раздачи в достаточном количестве. Кроме сочинений, вам будут предоставляться, когда в этом явится необходимость, и другие средства воздействия. Газеты, о которых мы говорили выше, будут в значительной мере служить вам компасом и затем в качестве общих инструкций. До сих пор они проповедовали наши принципы, как и принципы всех истинных демократов. Полагаем, что они и впредь будут продолжать их проповедовать и что в их доктрине вы всегда сможете распознать нашу доктрину. Поддерживать или приветствовать ее — вот почти все, к чему может свестись ваша видимая роль; а для этого вам незачем выходить

за пределы таких проявлений, при которых вы выступате лишь рядовыми действующими лицами, простыми слушателями и присутствующими, как и все прочие. Кроме того, часть записей и донесений, которые должны быть сделаны лишь в строжайшей тайне, составляют вашу секретную миссию. Эту последнюю часть вашей миссии мы не станем подвергать детальному рассмотрению; ход ее выполнения в достаточной степени определен статьей 5 организационного устава, как и тем, что сказано нами выше в данной инструкции.

Говоря вам о том, что популярные газеты и т. д. (читай этот абзац, кончая словами: «порыв свободолюбивых людей». См. шестой документ, стр. 130—131).

Итак, насколько необходимо удерживать умы в должном напряжении, настолько же бесполезно и даже опасно было бы слишком быстро и до крайности их воспламенять. Мы уверены, что у народа мнение уже сложилось; мы не сомневаемся более и в том, что мнение ряда батальонов также сложилось; но нам точно известно и то, что существуют различные воинские части, которых при помощи коварства и вероломства до сих пор держат в заблуждении. Следовательно, существенно важно для наибольшей верности победы, чтобы все — гражданское население и солдаты — были одинаково настроены. Нельзя, стало быть, побуждать одних к крайним мерам, которые должны непосредственно предшествовать моменту взрыва, в то время как другие

будут весьма далеки от такого умонастроения. Итак, нам надо дать время, чтобы вывести из заблуждения хотя бы большинство наших товарищей, предостеречь их от коварных ласк правительства, которое хочет использовать их для того, чтобы их же первых подчинить гнету, а вместе с ними и народ. Таким образом, будет благоразумно, как сказано в инструкции, возбуждать наиболее просвещенные умы лишь в строгом соответствии с нарастанием показаний термометра, на меняющуюся степень нагрева которого всегда будет указывать Тайная директория.

Мы отнюдь еще не представили вам самый могучий, с нашей точки зрения, рычаг, способствующий возвышению души и возрастанию мужества солдата. Мы предлагаем его вам. Люди — это давно признанная истина — приходят в сильное движение лишь во имя своих интересов; общий интерес составляется из суммы частных интересов. Эти-то интересы и надлежит удовлетворить, для того чтобы действительно осуществить всеобщее благо, и так как эти интересы являются самой могучей движущей силой, способной заставить людей действовать, то отсюда следует, что когда пускают в ход это великое средство, то этим осуществляют самое правое дело, наиболее способное обеспечить верный успех. Так поговорим же об интересах большинства, т. е. будем добродетельны и справедливы и тем самым овладеем наиболее верным средством успеха.

Революция была предпринята именно в интересах большинства. Она была предпринята потому, что до нее большинство находилось в тяжелом социальном положении и хотело его изменить, чтобы добиться лучшего. Интересы большинства побуждали преклоняться перед революцией до тех пор, пока существовала надежда, что эта перемена к лучшему произойдет в действительности. Интересы большинства побуждали к тому, чтобы возненавидеть революцию, как только стало ясно, что ее конечный результат есть перемена в еще худшую сторону. Те же интересы большинства побуждают нас начать новую революцию, которая, согласно нашему желанию, должна быть последней и конечная цель которой — превратить самое худшее в совершенное благо. Докажем же наибольшему числу людей возможность этой последней перемены. Более того, внушим ему уверенность в этом, и мы увидим, что его интересы побудят его обеспечить эту перемену энергичным и неодолимым воздействием своей воли и силы.

Говорить об интересах и цели людей, защищавших отечество, можно и должно главным образом с двух точек зрения: с точки зрения их интересов в применении к их настоящей участи, и с точки зрения их интересов в применении к их будущей участи.

Разве не правдивую картину нарисуете вы перед глазами солдата, изобразив его настоящее положение так, что он будет представлен неимущим, подобно народу, нагим, как и он,

таким же голодным, таким же униженным? Я вижу несчастливца, возвращающегося с границы. В каком он положении? Один его вид вызывает во мне догадку о том, что те, кто им управляет, являются лучшими друзьями деспотов, против которых он сражался. Я вижу его безмерно наказанным ими за то, что он поверг в прах их сателлитов. И действительно, он исхудал, бледен, он падает с ног от изнеможения. Я задаю ему вопросы. Он заявляет мне, что нет ничего удивительного в том плачевном состоянии, в каком я его вижу, если судить по причинам, которые он мне разъясняет. Я узнаю, что ему платят меньше, чем самой мерзкой немецкой солдатне. С тридцатью су бумажными деньгами и двумя су в день звонкой монетой нельзя не умирать от голода. В общем, с ним обращаются хуже, чем с уланом, этим германским рабом, хуже, чем с огрубевшим, опустившимся, почти потерявшим человеческий облик сбиром, входящим в состав легионов, которые почти содержит как наемников Франц Австрийский и жалкий вид которых вызывал во мне такое сострадание в начале революции. Солдат моей страны не только умирает теперь от голода; он разут, раздет, не в состоянии отдать в стирку свою рубашку, так как это стоит тридцать франков, а где ему их взять? Но мало того, что он не имеет ни одежды, ни пищи; надо, чтобы у него были еще огорчения, досады, чтобы его раздирала масса терзаний, которые украшаются наименованием *воинской*

дисциплины, являющейся по существу тиранией, более усовершенствованной, чем во времена министров-дворян Людовика XVI. Солдат теперь в гораздо большей степени является автоматом, он гораздо более зависим от своеволия низших чинов. Он всего лишь рабски движущаяся машина, которая не должна ничего знать кроме команды. Рассуждать, говорить и даже думать ему запрещено. К тому же тираническую власть над ним осуществляют не те, кто был вместе с ним в период опасностей военного времени; чинами наделены отнюдь не самые храбрые; почестями вознаграждены вовсе не те, кто наиболее отличился в борьбе против всех врагов свободы. Напротив, те, кто сейчас командует, в большинстве своем трусы, интриганы и даже контрреволюционеры — подлинные военные заслуги преданы забвению и позору. Таким образом, защитник отечества изнемогает под бременем всевозможных бедствий. Он раздет, голоден, находится под жестоким кнутом презренных начальников, которые отнюдь не сражались за республику, питают к ней ненависть, а вместе с ней ненавидят и тех, кто проливал кровь во имя ее победы. Если среди массы солдат, пребывающих в нищете и лишениях, и существуют некоторые исключения, то это делается умышленно в силу крайнего коварства и низости. Некоторых подкармливают для того, чтобы основательнее поработить всех остальных. Эти раздачи вина, водки батальонам, наиболее близко расположенным к

местам охраны самого революционного города (Парижа), от которого постоянно ждут со страхом энергичных порывов во имя свободы; это гораздо более выгодное, даже великолепное жалованье, которым вознаграждаются избранные роты, непосредственно назначаемые для охраны правительства, — все это мед на кончике палки, которая должна опуститься на спину народа. Если несчастные, пользующиеся этими щедротами, платят тем, от кого они их получают, слепым повиновением, которое от них за это требуется, то их можно считать людьми, предающими отечество и свободу.

Такова приблизительно более чем правдивая картина нынешнего положения солдата, которую вы можете часто пытаться изобразить перед ним. С этой первой картиной вы должны сопоставить картины его будущего положения, которое весьма легко предвидеть. Она будет далеко не веселой.

Покажите солдатам, что их ждет, когда они возвратятся к своим очагам. Что найдут они там? Величайшую нужду, во много раз бóльшую, нежели нужда, тяготевшая над их несчастными отцами. Чтобы обеспечить себе успех, революция сулила им вполне заслуженное и законное возвращение за их славные подвиги во имя обеспечения ее успеха; революция сулила им национальные имущества, достаточные для того, чтобы обеспечить каждого из них пропитанием. С получением этого воздаяния, достойного их трудов, они спокойно и счастливо проводили бы в почетной

отставке остаток жизни, создали бы множество новых семей, вырастили бы новое поколение в любви к отечеству, в котором — как они с гордостью могли считать — сами они утвердили счастье; тысячу раз, все с новым восторгом, с новой нежностью они рассказывали бы своим восхищенным детям, благодаря какому содействию и каким отважным поступкам им удалось сбросить иго угнетателей и богачей и заложить основы своей независимости. Вместо всего этого кем будут они? Что случилось с собственностью, которая была им торжественно обещана и гарантирована множеством декретов? Она употреблена на обеспечение миллиарда наличными, т. е. 300 нынешних миллиардов бумажными деньгами. Где они, государственные владения республики, эквивалентные этой сумме? Их вернули изменникам, у которых они справедливо были конфискованы. Возвратившись в свою хижину, защитник отечества не должен был застать ее более во владении наглого мелкопоместного дворянина, который в качестве собственника всей земли заставлял его отца трудиться, подобно рабу, обращался с ним во всех отношениях как с рабом, не кормил его и вполонину и не допускал, чтобы он был обеспечен одеждой. На обширных владениях, захваченных этим ненасытным чудовищем, защитник отечества должен был найти свою долю, достаточную для того, чтобы собрать с нее необходимое для его пропитания. Ничуть не бывало: он застанет этого чудо-

вишнего хищника еще более неистовым, еще более безжалостным, чем когда-либо. В несчастном старом солдате тот увидит человека, который сражался против него, когда он был эмигрантом, который горячо желал его окончательной гибели и которому досадно, что эта гибель все еще не наступила. Человек из сословия сеньоров заставит его долгое время раскаиваться в этом преступлении. Прежний защитник свободы проведет свою старость в жестоком порабощении и в ужасной нищете. Оскорбляемый в гораздо большей степени, чем его предки, унижаемый более, чем они, поносимый позорными кличками — *босяк, каналья, чернь*, он должен будет, согласно прекрасному выражению предвидевшего все это автора подлинно народной газеты, пресмыкаться перед наглым владычеством богачей, быть их рабом, трудиться за мизерную плату с раннего утра до позднего вечера; смачивать одним лишь потом свой небольшой кусок черного хлеба, иссушенного зноем... Счастливы еще те, которые смогут таким образом влачить далее свое существование; остальные... пойдут нищенствовать. Калеки на деревянных ногах, люди с раздробленными челюстями, руками и т. д. заполнят улицы и дороги; едва передвигая ноги, они будут направляться к дверям людей, живущих в довольстве и изобилии, обращаться с унижительной просьбой к сотне из них и в девяносто девяти случаях получать оскорбительный отказ, а у сотой двери мелкую монету, тысячную долю стои-

мости куска хлеба, необходимого чтобы позавтракать.

Таков весьма наглядный, основанный на фактах обзор положения, которое ждет наших защитников, и вы должны приложить все свои усилия к тому, чтобы помочь им увидеть это собственными глазами.

Скажите им далее, что именно от них зависит отвлечь эту ужасную перспективу, что для этого надо только помочь народу и его друзьям вновь отвоевать права для всех. Тех из них, кому вы сможете довериться и которые, по вашему мнению, смогут заблаговременно распространять то, о чем мы вам сообщим, вы сможете даже заверить, что с того дня, когда они помогут народу снова завладеть властью, они ни в чем не будут нуждаться: они будут иметь в изобилии все необходимое человеку. Скажите им, кроме того, что после этого всем солдатам будет на всю жизнь обеспечено изобилие и самая счастливая участь. Это вовсе не далекие и легковесные обещания с нашей стороны; все это будет одновременно осуществлено в действительности.

Чтобы лучше привести их к единственно подобающему народу и им, солдатам, умонастроению, заставьте их призадуматься над тем, кем они являются сейчас и в кого хотят их превратить; над причиной, по которой их привели к стенам Парижа. Пусть подумают о недостойном применении, которое намерены дать их штыкам, как и их рукам, и о славной

роли, которую, напротив, они могут выполнить во имя своего же собственного счастья и блага их сограждан. Изложите им эти соображения приблизительно в том же духе, в каком им излагал это упомянутый уже нами народный журналист, у которого мы заимствуем еще следующие слова:

«Что делают многочисленные отряды войск, собранные вокруг лучшего из городов, города революции, колыбели свободы?.. Зачем их призвали сюда?.. Не подняли ли мятеж его жители?.. Не идет ли речь о том, чтобы их подавить?.. Следовало бы разъяснить все эти вопросы.

Не для защиты подлинного народа солдаты свободы грозно опоясали стены Парижа. С этим подлинным народом, трудовым народом, рабочим народом... здесь обращаются плохо, ему затыкают рот, его презирают, морят голодом, разоряют... биржевики и мошенники. Это-то отродье и подняло совершенно открыто преступнейший мятеж против подлинного народа. Но разве для того, чтобы подавить угнетателей и защитить угнетаемых наши воины выставляют тройной ряд штыков вокруг всего Парижа? Нет, совсем напротив...; их оружие и силу хотят употребить для того, чтобы окончательно закабалить угнетаемого под игом угнетателя, сохранить за последним его ненавистное господство, удерживать и в дальнейшем народ в жалком бессилии! О, если бы именно народ хотели защитить, то тогда незачем было бы отвлекать тех его

братьев, назначение которых как раз и состоит в том, чтобы бороться против его внешних врагов. Народ, кроме того, обошелся бы собственными силами. Но когда массу народа хотят принести в жертву одной его части, тогда является нужда в посторонней помощи..., и эту помощь рассчитывают найти в людях, *главной* обязанностью которых считают послушание... Именно тогда, когда правительство и единственно покровительствуемая им порочная каста потеряли всякий стыд; когда бессовестно и неприкрыто в самом гнусном сообщничестве они с помощью свирепых постановлений, которые они смеют называть *законами*, узаконили всякого рода несправедливости, самую ужасающую нищету, возмутительнейшее порабощение; когда мера их преступлений перешла всякие границы и сделалась настолько очевидной, что долготерпению народа пришел конец и от его легковерия не осталось и следа...— тогда именно обращают взор к армии! Тогда для сохранения, для увековечения такой системы угнетения вооружают тех, кто покарал королей! Тогда учреждают *военное правление*, чтобы принудить народ подчиниться режиму, при котором хотят, чтобы он жил... голодный, раздетый, лишенный свободы... и притом чтобы отцы... мужья... сыновья... братья... родственники... сами навязали ему все это и, в случае неудачи, убивали своих же детей, жен, отцов, братьев, друзей, родственников!!! Солдат, вышедших из народа, являющихся тем же народом, проти-

вопоставляют, таким образом, другой части народа; при их помощи хотят упрочить это состояние рабства, унижения и голода... в тысячу раз худшее, чем былое рабство, против которого шесть лет назад с таким основанием было поднято восстание.

Нет, французские солдаты не будут гнусными сателлитами, жестоким и слепым орудием в руках врагов народа и, следовательно, их врагов... Только в тех случаях, когда власть стала преступной и хочет продолжать ею оставаться, она окружает себя штыками... Когда власть является справедливой, она неизменно сильна силой народа. К... до 14 июля укрепил себя войсками; известно, каковы были его намерения и какой суммой преступлений он хотел обеспечить себе безнаказанность. Разве преступным является рассмотрение того, не совершают ли то же самое его подражатели, потому что они руководствуются теми же мотивами, что и он?

Наши солдаты вспомнят, что армия К..., хотя и прошла школу монархической дисциплины, вела себя превосходно; она вспомнила, что происходит из народа; французские гвардейцы, опустившие ружья вниз перед санкюлотами¹²⁸, — вот пример, который будет вызывать восхищение в веках...

Нет, нет, никто не скажет, что защитники республики не оказались столь же великими, столь же благородными. Никто не скажет, что они заговорили таким ужасным языком: Правители! узурпаторы всех прав народа!

будьте покойны, не бойтесь, не придавайте значения единодушному воплю, который поднимают против вас и этот негодующий народ и его дерзновенные трибуны; оставайтесь глухи ко всем жалобам; попирайте его назойливые протесты против вашего ига, ибо в конце концов он ведь создан для того, чтобы это иго терпеть. Тираны! Мы ваши солдаты; мы поддержим ваш деспотизм и все ваши разбойничьи дела. Если потребуется, мы раздавим, разгромим наших отцов и наших братьев!! Мы выпустим внутренности из наших сестер и матерей!!! Мы уничтожим наших сыновей... чтобы поддержать ваше нестерпимое и беспримерное господство!!! Мы обязаны помочь вам прочно закабалить отечество! Мы должны собственными руками заковать себя в цепи...

Нет, и снова нет, никто не скажет, что защитники республики согласятся быть лишь одушевленными машинами, живыми паяцами, бездушными марионетками, слепо повинующимися любому побуждению их водителей. Никто не скажет, что они не рассуждают более или что, обманутые лицемерными и пустыми ласками, унижительной раздачей вина, они готовы помочь узурпаторскому и угнетательскому правительству навсегда «поработить 24 миллиона их соотечественников».

И для вас, граждане, к которым мы обращаемся с этими первыми инструкциями, после того как мы разъяснили вам приблизительно, каким образом, по нашему мнению, вы долж-

ны наставлять на путь истины наших вооруженных братьев, мы не прибавим ничего, чтобы внедрить в вас дух наших принципов и чтобы вы прониклись сознанием крайней важности возлагаемой нами на вас задачи. Мы точно так же ничего не прибавим более, для того чтобы указать вам, какими способами вы можете нам в этом помочь. Ваше рвение, ваши знания, ваша гражданская доблесть дополняют и т. д. (см. шестой документ, стр. 131—132, начиная от этих последних слов и до конца).

Одиннадцатый документ

СЛЕДУЕТ ЛИ ПОДЧИНЯТЬСЯ КОНСТИТУЦИИ 1795 г.? ¹²⁹

Давая клятву защищать свободу и равенство, все мы взаимно обязались никогда не признавать иной власти кроме власти народа и покарать тех, кто захочет, силой или хитростью, нарушить его суверенную волю.

Это торжественное обязательство возлагает на всех нас долг хладнокровно и тщательно рассмотреть, является ли нынешнее правительство Франции подлинно республиканским правительством, как того хотел народ.

Те, кто на наших глазах постоянно сражались в рядах защитников свободы, отвергают акт 1795 г. как контрреволюционный. Напротив, те, кто всегда настойчиво выступал лишь

в защиту своих собственных интересов, превозносят этот акт как превосходнейший из законов, запрещают первым все, вплоть до права на его обсуждение, и хотят внушить нам такое же религиозное его почитание, какого пять лет тому назад на Марсовом поле требовали в отношении монархической конституции 1791 г.

В борьбу, исход которой должен успокоить умы честных людей, крайне важно внести пламенность принципов, развитых и применяемых в результате зрелого и независимого суждения о людях и партиях, ибо, в конце концов, если конституции 1795 г. присущи все черты законного акта, то мы обязаны ей повиноваться и защищать ее; но если она не обладает этими чертами, то свободолюбивые люди должны ее низвергнуть и покарать тех, кто поработил народ.

Я знаю, что уже одно желание беспристрастно разобраться в том, что мы так заинтересованы знать, будет названо *анархией*, *бунтом* — излюбленными кличками, употреблявшимися двором до и после 1789 г., Лафайетом, Дюмурье, венецианским сенатом, папой и султаном, кличками, означающими лишь то, что люди, облеченные властью, хотят ее сохранить за собой любой ценой; но мы, считающие для себя честью быть бунтовщиками и мятежниками по отношению ко всем антинародным властям, каким бы жаргоном они ни пользовались и какую бы маску ни носили, мы всегда будем советовать нашим согражда-

нам обращаться к своему разуму, решительно восставать против всякой власти, идущей против принципов, которые от нее же исходят.

До знаменитого доклада комиссии одиннадцати¹³⁰ мы пользовались конституцией 1793 г. *, которая была повсеместно признана подлинным законом французского народа, ибо она получила его официальную санкцию, выраженную волей 4800 тысяч голосовавших в первичных собраниях, посланцы которых в количестве 8 тысяч подтвердили эту волю в навсегда памятный день 10 августа 1793 г. Этот закон и принявший его народ делали достойными уважения в глазах человечества предписываемое им равенство в правах, гарантируемое каждому французу, в том числе лицам, находящимся в услужении, без различия между богатым и бедным; необходимое участие народа в выработке закона и свобода действий, которую он сохранял за собой, чтобы заставить прислушиваться к его голосу и уважать его, обстоятельства, которые — что бы ни говорили об этом наши государственные мужи — подрывали корень всяких конвульсий тем, что уничтожали противоречие между волей суверена и волей его уполномоченных. Пусть соизволят посмотреть, как двадцатая часть народа без всяких потрясений пресе-

* Эта конституция, о которой человек, обладающий чувствительностью, думает с нежностью, являла собой первый пример обеспечения всем гражданам благосостояния и просвещения в силу основного закона государства.

кает преступления или ошибки своих агентов и поощряет действительное суждение о них всех граждан!

Когда поклонникам нынешнего строя говорят о прекрасных чертах конституции 1793 г., они в ответ ссылаются на последовавшую за этим волю народа, имевшего право — как они заявляют — внести изменения в конституцию, что он якобы и сделал в действительности, приняв конституцию 1795 г.

Не подлежит сомнению, что если бы французский народ свободно принял эту конституцию, то ей обязаны были бы подчиняться вплоть до принятия им другой конституции. Но именно относительно этого, по поводу чего не существует согласованности, необходимо самое строгое суждение.

Весь ли народ или часть народа требовала этого изменения? Отнюдь не весь: народ единодушно и во всеуслышание требовал своей конституции 1793 г., свидетельством чему служат многочисленные обращения коммун, народных обществ и войсковых частей; об этом свидетельствуют сцены, происходившие в прериале в Париже и почти одновременно на севере и на юге республики; об этом свидетельствуют акты Конвента, который, уважая волю народа и с целью его успокоения, декретом от 1 жерминаля того же года карал ссылкой всякого, кто будет высказываться против конституции 1793 г.

В статье 115 этой конституции народ предписывал, чтобы всякое требование изменения

конституции непременно исходило от него и ни в коем случае не могло исходить от Законодательного собрания. Между тем знаменитая комиссия одиннадцати, полномочия которой ограничивались предложением органических законов конституции 1793 г., выступила в Конвенте с разглагольствованиями, направленными против воли народа, которую она квалифицировала как *тиранию народа*, и даже сам Конвент, позабыв о своих обязанностях и о данных им клятвах, не уничтожил эту комиссию и, казалось, готов был некоторое время спустя предложить народу ее антинародное творение 1795 г.

Более чем очевидно, что комиссия одиннадцати и члены Конвента, голосовавшие за изменение конституции, превысили свои полномочия и изменили народу, открыто нарушив его волю, ясно выраженную в торжественной форме.

Вместе с тем имели место и такие события, которые преступники называли *утверждением народа*. Они прикрывались им для того, чтобы узаконить свои преступления и избежать кары, которую они со всей очевидностью на себя навлекли.

Конституционный акт 1795 г. был, правда, направлен в первичные собрания и в собрания воинских частей*; протоколами этих собра-

* Конституция 1793 г. не рассылалась по войскам, тем не менее она собрала 4800 тысяч голосов. Какое оправдание можно найти законодателю, который, обратившись к мнению солдат, находящихся в постоян-

ний, которые обкорнали заинтересованные в этом лица, было установлено, что за его принятие голосовали 900 тысяч граждан. Если такое принятие есть выражение свободной воли народа, то в таком случае берет верх конституция 1795 г., но если это не более как акт насилия... Посмотрим.

За конституцию 1793 г. голосовало 4800 тысяч граждан, акт 1795 г. одобрили только 900 тысяч граждан. Что случилось с остальными 3900 тысячами граждан? Либо их воля не была зафиксирована, либо они не явились на выборные собрания. Если верна первая гипотеза, то очевидно преступление творцов конституции 1795 г.; если принять вторую гипотезу, то понадобится рассмотреть, можно ли на основании молчания 3900 тысяч граждан, которые до этого высказывались, строить предположение об изменении воли и о молчаливом на то согласии: не явилось ли такое воздержание следствием насилия со стороны контрреволюционеров?

Но для того чтобы это молчание могло быть принято за согласие, необходимо, по всем правилам науки о праве, чтобы было доказано:

1. Что эти 3900 тысяч граждан имели возможность принять участие в собраниях и не подверглись бы никакой опасности, в случае если бы они высказались против акта 1795 г.

ном подчинении у своих начальников, добивается с помощью штыков согласия граждан?!

2. Что этот акт не нарушает естественных и неотъемлемых прав граждан, ибо в противном случае формальное согласие должно быть рассматриваемо лишь как акт безумия и ослепления, отнюдь не носящий обязательный характер; и в этом случае согласие одних будет очевидным актом принуждения по отношению к другим.

Пусть вспомнят, какая участь постигла в Париже, в Тулоне, в Валансьене людей, которые в прериале III года требовали соблюдения конституции 1793 г.; пусть вспомнят, как Конвент приказал расстреливать и избивать народ, который этого требовал; как он, не считаясь с законами и формами, им же предписанными, и самым ужасным образом нарушая правосудие и пренебрегая стыдом, убивал и изгонял тех из своих членов, которые не желали делить с ним позор измены, вина которой ложилась на него; пусть вспомнят о долгом и жестоком преследовании, которому подвергались защитники конституции 1793 г. внутри страны и в войсках, и пусть затем судят о том, пользовались ли свободой граждане, воздержавшиеся на первичных собраниях, чтобы избежать преследований, которые учиняли в то время по всей Франции ее новые тираны *.

О, если такое воздержание, которое так настоятельно диктовалось террором против

* Жертвам террора не мешает напомнить, что в период принятия конституции 1793 г. 8 тысяч посланцев народа не прибегали еще к террору.

лучших людей в виде казней и тюремного заключения самых пылких друзей народа,— если такое воздержание может оправдать в наших глазах акт 1795 г., тогда не станем более разглагольствовать насчет восточного деспотизма, покоящегося на такой же основе.

А 200 тысяч граждан, умирающих в темницах, а 100 тысяч других, которым пришлось бежать, чтобы избежать меча контрреволюционеров, а все те, кого они лишили права голосования в первичных собраниях,— относительно их вы также скажете, что они дали молчаливое согласие? Разве не правда, что акт 1795 г. отнял у народа неотъемлемое право вносить изменения в свою конституцию и санкционировать законы? Разве не правда, что этот акт лишает прав гражданства французов, которые не в состоянии платить налог, равный трехдневной заработной плате, как и французов, находящихся в услужении? * Разве не правда, что через пять лет люди, не умеющие читать и писать, не смогут пользоваться правами гражданства, тогда как конституция не обеспечивает неимущему классу средств просвещения? Разве не правда, что в городах тот, кто не платит квартирной платы, равной, по меньшей мере, 150-дневному заработку, а в сельских местностях тот, кто не является арендатором или испо^лыщиком, не

* Это исключение распространяется по крайней мере на шестую часть граждан.

может быть ни избирателем, ни присяжным заседателем? *. Разве не правда, что представителей, которые — как предполагается — должны провозглашать волю народа, избирает не народ, и что власть свою они получают из рук самого порочного класса нации? Французы, если вы сомневаетесь в этом, откройте акт 1795 г. и вы обнаружите в нем все эти несправедливости, скрепленные кровью наших друзей, принесенных в жертву в пре-риале прошлого года неистовому властолюбию патрициев.

Вы хотите, тираны, чтобы это воздержание считалось согласием? Но вы, быть может, скажете также, что 24 миллиона человек, лишенных таким образом всяких прав, дали согласие на свое порабощение? Вы, быть может, скажете, что французы, проливавшие свою кровь во имя свободы, сами отказались от всякого участия в осуществлении суверенитета, чтобы, подобно американским неграм, извиваться под ударами беспощадного кнута плантаторов. Скажите лучше, что такова была воля меньшинства, в руках которого ключи к власти и к наслаждениям, и мы ответим вам, что там, где нарушено равенство в правах для каждого члена ассоциации, не существует более общества, там существует лишь угнетение, с одной стороны, и обязанность сопротивления — с другой.

* Условие, исключаящее поденщиков и рабочих.

Повторяем:

За конституцию 1793 г. голосовало 4800 тысяч человек.

Позднее конституция 1795 г. собрала 900 тысяч голосов.

В отношении этой конституции воздержалось 3900 тысяч человек.

Воздержание не является молчаливым согласием:

1) ибо оно вызывалось длительным террором, убийствами и тюремным заключением патриотов;

2) ибо конституционный акт 1795 г. нарушает естественные права человека, в которых никому не может быть отказано.

Следовательно, это воздержание является официальным непризнанием.

Из этого рассуждения, ответить на которое мы призываем всех виновников неравенства, следует:

1. Что конституция 1793 г. является единственным и подлинным законом французского народа.

2. Что акт 1795 г. является результатом насилия и тирании; защита его есть преступление.

3. Что никто не может осуществлять полномочия, исходящие из этого контрреволюционного акта, не совершив тем самым измены по отношению к народу.

Париж, 24 жерминаля IV года,

Двенадцатый документ

Обращение «Трибуна народа»
к внутренним войскам * ¹³¹

В республике, стоявшей в свое время больше, чем стоит наша нынешняя республика, армия и народ располагали тем, чем мы не располагаем. Рим имел своих народных и военных трибунов. Это были должностные лица, которых закон назначил постоянными защитниками народа и армии. Народные трибуны избирались народом и обязаны были непрерывно заботиться о том, чтобы не было совершено никакого покушения на его права; они должны были непрерывно и внимательно следить за тем, чтобы обуздывались властолюбие и несправедливости сената и патрициев или богачей, и они имели возможность противиться всякому закону, который, как им казалось, находился в противоречии с общими интересами и общим благом. Военные трибуны, точно так же избравшиеся солдатами, несли такую же обязанность заботиться о них, отстаивать их права, постоянно противодействовать тому, чтобы их притесняли, предавали или обманывали.

Во Франции это высокое звание трибуна не было учреждено в конституционном порядке. Тот, кто обращается к вам, осознал, насколько полезно, чтобы такое звание существовало,

* Выдержка из «Трибуна народа», № 41.

по крайней мере морально. Через посредство периодического органа я сделался трибуном народа. Это лишь весьма урезанная форма римского трибуната. Я пользуюсь лишь правом (которое у меня еще оспаривают) наблюдать и следить за деятельностью правительства и предупреждать моих сограждан, когда замечая такие действия, которые, как мне кажется, нарушают правосудие и противоречат их общим интересам. Правом *оппозиции* я не пользуюсь. Я лишь частично оказываю влияние на общественное мнение, и это частичное влияние измеряется степенью внушаемого мною доверия.

Разительная очевидность, которую мне удалось придать истинам, представленным мною народу, привлекла ко мне, если я сужу правильно, добрую часть этого народа, бóльшую, притом интересную и полезную его часть; ту часть, от которой вы сами происходите, солдаты! Наконец, ту, которую именуют *плебейской*. Так что независимо от конституционного установления это звание трибуна, принятое с согласия народа и его санкции, вовсе не является иллюзорным. Следовательно, во Франции, как и в Риме, у народа в действительности имеется трибуна. Смею заявить, что французский народ обладает им так же реально, как им обладали римляне во времена лучших трибунов, при Люции-Юнии, при Висцеллине, при Арсе, Дентате, Канулее, Столоне, при Гракхах. Подобно им, я горжусь тем, что заслужил ненависть предате-

лей, доверие и уважение большинства моих сограждан.

При таком доверии право *оппозиции*, которым я не располагаю ввиду отсутствия легального установления, тем не менее в значительной части осуществляется в пользу народа ввиду того, что он вообще разделяет мои осуждения действий правительства, противоречащих, как я доказываю, истинным интересам и правам народа. Осведомленный о всех несправедливостях, которым он подвергается, народ лишает силы решения его преступных уполномоченных. И это широкое и всеобщее выражение недовольства с его стороны *стоит формальной оппозиции*, ибо даже самая ловкая тирания не может долгое время сохранять то, что отвергает народ.

Почему же при наличии преимуществ, почти равных преимуществам трибунов Рима, я до сих пор не добился таких же успехов, каких они обычно добивались? О, братья мои! Вы должны были это предчувствовать. Из сказанного мною вы увидите, что нам еще кое-чего не хватает для того, чтобы равняться с римлянами. Я являюсь лишь трибуном народа. У вас совершенно отсутствуют военные трибуны.

Если обратиться к заявлению некоторых лиц, то легко можно заметить этот пробел. Если верить им, то ваше общественное сознание, ваши революционные познания стоят вообще далеко не на той высоте, на какой стоят познания и общественное сознание других

граждан... Они заверяют, что своим поведением вы сумеете оправдать выражение, сорвавшееся с уст некоторых правителей: *наши солдаты защитят нас*. Тем не менее мне известно, что далеко не все вы замкнулись в узком кругу рабских идей и взглядов.

Нельзя, однако, скрывать от себя, что значительная часть простых людей среди вас, вследствие отсутствия должного просвещения, может позволить увлечь себя пагубным заблуждениям. Я предлагаю просветить вас, как и быть вашим военным трибуном. Разве это звание не сливается естественно со званием трибуна народа... Разве вы не являетесь также народом?.. Разве ваши интересы отличаются от интересов ваших братьев, составляющих гражданское население?.. И разве тот, кто пользуется их доверием... не может внушать и вам доверие?.. Прислушайтесь же к нему, послушайте, как он смело защищает ваше дело! Как мужественно он отстаивает ваши лучшие права! Как он указывает вам, что вам надлежит делать... в ваших интересах, как и в интересах народа, часть которого вы составляете и к которому принадлежите...

Что делаете вы, которых собрали в таком большом количестве вокруг лучшего из городов, города революции, колыбели свободы? Зачем вас призвали сюда? Не подняли ли мятеж его жители? Не идет ли речь о том, чтобы их подавить?.. Вот вопросы, которые следовало бы разъяснить!!!

Не ради подлинного народа вы грозно опо-

ясали наши стены! С этим подлинным народом, народом трудовым, народом рабочим... здесь обращаются плохо, ему затыкают рот, его презирают, морят голодом, разоряют биржевики и мошенники!.. это-то отродье и подняло здесь преступнейший мятеж против настоящего народа!!! Но разве вы выставяете тройной ряд штыков вокруг всего Парижа для того, чтобы подавить угнетателей и защитить угнетаемых? Нет! совсем напротив... Ваше оружие и силу хотят употребить на то, чтобы полностью закабалить угнетаемого под игом угнетателей! Сохранить за ними их ненавистное господство, а народ удерживать и далее в страданиях и в жалком бессилии! О, если бы именно народ хотели защитить, незачем было бы отвлекать тех из его братьев, назначение которых как раз и состоит в том, чтобы сражаться против его внешних врагов! Народ, кроме того, обошелся бы своими собственными силами! Но именно тогда, когда массу народа хотят принести в жертву одной части, появляется нужда в помощи посторонних людей, и тогда этих людей находят среди тех, кого считают обязанным быть *главным образом послушными*... Когда правительство и порочная каста, которая одна пользуется его покровительством, потеряли всякий стыд; когда беззастенчиво и неприкрыто, в самом гнусном сообщничестве, они с помощью свирепых постановлений, которые они смеют называть *законами*... ввели в обычай всякого рода несправедливости, самую ужасающую

нищету, возмутительнейшее порабощение!.. когда мера их преступлений перешла всякие границы и сделалась настолько очевидной, что долготерпению народа пришел конец и от его легковерия точно так же не осталось и следа... тогда именно обращают взор к вам! Тогда для сохранения, для увековечения такой системы угнетения вооружают вас! Тогда учреждают *военное правление*, чтобы принудить народ подчиниться режиму, при котором стремятся, чтобы он жил голодный, раздетый, лишенный свободы! Притом хотят, чтобы его отцы... мужья... сыновья... братья... родственники... навязали ему этот режим, и, в случае надобности, убивали своих детей, жен, отцов, братьев, сестер... друзей, родственников! И это вас, людей из народа, вас, солдат республики, противопоставляют таким образом другой части народа!.. При вашей помощи хотят упрочить это состояние рабства, унижения и голода, в тысячу раз худшее, нежели бывшее рабство... против которого шесть лет назад мы восстали!

Нет! Вы не станете гнусными сателлитами, жестоким и слепым орудием в руках врагов народа!.. и, следовательно, в руках ваших врагов!.. Повторяю вам, что только в тех случаях, когда власть сделалась преступной... и когда она хочет и в дальнейшем оставаться таковой, она окружает себя штыками... Когда власть справедлива, она неизменно сильна силою народа! К... укреплял себя войсками до 14 июля; известно, каковы были его на-

мерения и какой суммой преступлений он хотел обеспечить себе этим безнаказанность... Разве преступным является рассмотрение того, не совершают ли то же его подражатели, потому что руководствуются теми же мотивами, что и он?

Не забывайте, солдаты, что армия К..., хотя и прошла школу монархической дисциплины, вела себя прекрасно! Она вспомнила, что происходит из народа! Французские гвардейцы... опустившие ружья вниз перед санкюлотами... — вот пример, который будет вызывать восхищение в веках...

Увы, зачем напоминать нам о более близком и менее славном времени? 12 жерминаля и 1 прериаля, когда батальоны..., рожденные вместе с республикой... и прославившиеся в боях против сателлитов королей... подчинились двум рабам по имени Пишегрю¹³² и Мелу¹³³ и совместно с ними преследовали одетый в лохмотья и умирающий от голода народ, их лавры потускнели!.. О, не будь этого рокового и бесчестного поведения, не существовало бы ни нашего унижения, ни нашей нищеты! Эта битва против народа... причинила ему больше вреда, чем принесли ему пользу все достигнутые во имя его победы. Французским войскам... надо многое сделать, чтобы исправить это зло. Они заслуживают благодарность за 13 вандемьера; ибо если, как правило, оружие воина должно всегда быть опущено вниз перед подлинным народом, то существует исключение в отношении людей из

народа, разукрашенных позолотой. Но сколько потребовалось бы таких дней, как 13 вандемьера, чтобы искупить позорные дни прериаля? В вандемьере вы одержали победу, вы нанесли поражение патрициям и сторонникам королевской власти. Это, во всяком случае, хорошо... Все, что наносит удар этим двум чудовищным породам,— полезно и заслужено ими. Но надо еще знать, с каким намерением наносится удар. Достаточно ли одной победы? Нет, надо, кроме того, использовать победу. Этого-то вы и не сделали в вандемьере. Это сказано в недавно появившемся обращении Солиньяка, от имени первой дивизии внутренних войск. Люди 13 вандемьера сражались ради интересов правительства. Это печальная истина и, быть может, единственная, содержащаяся в этом презренном сочинении. Гнусный Солиньяк был столь же достоин ее начертать, как и совершить неслыханный подлог, приписав внутренним войскам свое рабское сочинение. Да! к несчастью... вы сражались и победили в вандемьере только в интересах правительства!.. Вы могли бы сделать победу плодотворной и решающей для народа и для вас; вместо этого, правительство, в интересах которого вы эту победу одержали, отблагодарило вас тем, что еще более поработило народ и вас. Сможете ли вы оказаться более благоразумными, когда к этому представится случай? Будете ли вы на этот раз сражаться в интересах народа?.. Я не могу не верить в это. Гнусный язык,

верноподданнические выражения, которые бесчестный Солиньяк вам приписал, не могут служить выражением ваших чувств!.. «Как,— можете вы сказать,— нашими штывками распоряжаются наши начальники!.. нас вооружают в интересах тех, в чьих руках находится государственная власть!.. Мы являемся защитниками... правительства!..» Боже! Эти рабские слова произносят республиканские солдаты! Они оскверняют свой язык губительным для свободы богохульством. Вы сказали бы так: «Правители, узурпаторы всех прав народа, будьте покойны... Не бойтесь... не придавайте значения единодушному воплю, который поднимают против вас и этот негодующий народ и его дерзновенные трибуны! Оставайтесь глухи ко всем его жалобам; отвергайте его назойливые протесты против вашего ига, ибо в конце концов он создан для того, чтобы терпеть... Тираны, мы ваши солдаты! Мы поддержим ваш деспотизм и весь ваш разбой. Если потребуется, мы раздавим, разгромим наших отцов и братьев!! Мы выпустим внутренности нашим сестрам и матерям! Мы уничтожим наших сыновей, . . .
. . .
. . . чтобы поддержать ваше нестерпимое и беспримерное господство!!! Мы обязаны помочь вам прочно закабалить отечество! Мы должны собственными руками заковать себя в цепи!.. Что ж! Разве не являемся мы лишь одушевленными машинами, живыми паяцами,

бездушными марионетками, обязанными слепо подчиняться любому побуждению наших водителей? *Наши штыки направляют наши начальники!.. Мы являемся защитниками правительства.* К тому же, разве оно не оплачивает нас за это хорошо? Чего же нам жаловаться? Разве нам не выдают с некоторых пор двойную и тройную порцию водки? Что может быть дороже этого? Какое нам дело, что в награду за это неоценимое наслаждение от нас требуют, чтобы мы способствовали порабощению наших современников, как и будущих поколений? Какое нам дело до того, что скоро, через месяц, через неделю, завтра наши семьи и мы сами не будем ее больше получать? Сегодня у нас есть *водка!*.. Нам когда-то обещали и даже гарантировали путем торжественных декретов собственность... землю... пенсии... но разве мы созданы для таких преимуществ? Не глупо ли считать, что революция совершалась ради нас? Она служит на пользу нашим начальникам. Разве не лестно должно быть для нас, что Директория выдает нашему генералу Бонапарту 800 тысяч франков на содержание его Двора? Начальнику нашего генерального штаба Дювиньо она жалует самый прекрасный из выездов бывших Орлеанов * и т. д.

* Говорят, будто такие же развращающие приемы были предприняты и в отношении Журдана ¹³⁴. Добавляют, что, учитывая степень сопротивления этого генерала, которую можно было предвидеть, этим приемам с целью их эффективности был придан еще более

Все это восхитительно. Все это должно радовать глаз солдата, и, несомненно, с него довольно того, что его глаза вдоволь наглелись на такое зрелище. Чего же нам надо еще, нам, в большинстве своем нищим крестьянам, сыновьям рабочих и неотесанных простолюдинов? Наши отцы были стадом каналий, которые почитали за высшее счастье возможность благоговейно внимать своим господам и сеньорам. Считалась милостью даже самая возможность лицезреть людей высшего общества. Счастье наших отцов состояло в том, чтобы трудиться за четверых и лишь наполовину утолять свой голод; оно состояло в том, чтобы с удовлетворением узнать, что плоды их тяжелого труда доставляют лишнее наслаждение немногим погрязшим в пороках бездельникам. Чего нам еще надо? Разве мы не потомки этой черни? Разве не она произвела нас на свет *нами*? Нечего нам, следовательно, претендовать на иные права, нежели те, какими

соблазнительный характер нежели приемам, применявшимся в отношении всех прочих. Говорили о шести чистокровных лошадях и о полной упряжи; о великолепных празднествах у барона Бенезек¹³⁵; о блестящих балах, устраивавшихся этим любимым министром Директории в честь жены героя Северной армии, об исключительной чести предоставления, кроме того, в распоряжение гражданки Журдан кареты люксембургского двора. Уверяют, однако, что Журдан, весьма мало чувствительный к этому заискиванию, остался таким же, каким был, генералом свободы и что он продолжает заслуженно пользоваться доверием народа и солдат.

пользовалась она сама. Пусть нам говорят о земле, о пенсиях в награду за наши подвиги в борьбе против врагов революции. Нет, нет, мы не созданы для этих наград. Хорошо было их обещать тогда, когда надо было побудить нас зачисляться в полки и изгонять тех, кто хотел разжечь пожар по всей Франции,— но мы отнюдь не должны считать, что нам серьезно давали эти обещания. Возвращаясь вновь к нашим нищим отцам, мы должны ожидать, что будем такими же нищими, как они; что, подобно им, мы будем пресмыкаться перед наглым владычеством богачей, будем их рабами; за ничтожную заработную плату будем трудиться с раннего утра до поздней ночи; будем смачивать одним лишь потом небольшой кусок черного хлеба, высохшего под знойными лучами солнца!.. Счастливы еще те из нас, кто сможет таким образом влачить далее свое существование! Остальные... пойдут нищенствовать. На улицах и дорогах будут встречаться калеки на деревянных ногах, люди с раздробленными челюстями, руками и т. д.; едва волоча ноги, они будут направляться к дверям людей, живущих в довольстве, обращаться с унижительной просьбой к сотне из них и в девяносто девяти случаях получать отказ вместе с оскорблениями, а у сотой двери получают мелкую монету, тысячную долю стоимости хлеба, необходимого для того, чтобы позавтракать... Но, солдаты республики, не будем на все это обращать внимание. Правительство дает нам сейчас *водку*, поста-

раемся же забыться, не станем заглядывать в будущее. Не станем даже разбираться в том, почему оно дает нам ее, эту водку. Удалим прочь этих жалких проповедников, твердящих нам о том, что ее выдают нам с целью снискать этим наше рабское послушание и привести тем самым революцию к прямо противоположному результату, нежели тот, в расчете на который она была предпринята. Они утверждают, что это делается для того, чтобы побудить нас сдерживать народ, который хочет снова отвоевать свои и наши права в борьбе против правительства, узурпировавшего все эти права. Они заявляют далее, что это делается специально против наших интересов,— для того чтобы упрочить и гарантировать возврат эмигрантам и контрреволюционерам их законно конфискованного имущества, которое предназначалось нам в вознаграждение,— возврат и обратное получение которого вызвали обесценение ассигнатов и разорение народа... Они заявляют, что, поддерживая такие акты правительства, после того как мы содействовали осуществлению революции, мы совершаем контрреволюцию, потому что мы обращаем революцию на пользу ее врагов; поскольку мы помогаем им вновь войти во владение имуществом, которое до этого стало нашей собственностью, и, следовательно, делаем для них больше, чем если бы мы только сами за себя отказались от этого имущества, ибо мы защищаем тех, кто вырывает его из наших рук... Вот всё, что утверждают

люди, желающие быть более прозорливыми, чем другие. Но не станем их слушать. Нам выдают водку — это всё, что нам нужно! Так будем же притеснять народ, наши семьи и себя самих, будем считаться только с нашими начальниками, прислушиваться только к их голосу; они одни должны направлять наши штыки. Мы не более как автоматы, грубые и дикие, неспособные ни думать, ни чувствовать, ни рассуждать. *Равнение направо, равнение налево* — вот всё, что нам надлежит знать. *Целься, огонь!* — мы не должны спрашивать, кто стоит перед нами».

Вот какие ужасные, бредовые рассуждения приписывают вам, солдаты республики. Но какое счастье, что вы не рассуждаете так! Нет, вы не станете убийцами отечества и своими собственными палачами. Вы любите народ, так же как и он вас любит; вы всегда будете его защищать, так же как и он защищает вас. Если бы оказалось возможным, чтобы вы забыли себя, чтобы вы не настаивали на ваших неоспоримых правах и не требовали их, то народ настаивал бы на них и потребовал бы их для вас. Вы должны были уже заметить, насколько не безразлично он относится к вашей участи, насколько он братски постоянно озабочен ею. Его заботы о вас, его тревоги за ваше будущее — это образец нежности отца к своим детям. О, разве в действительности это не так? И эта любящая мать-родина, которая никогда не теряет вас из вида; которая беспокойным взором и душой,

полной любви, постоянно следит за вами во время ваших удач, полных риска и доблести; которая отдала вам последнюю дань своего сердца, исходя в стенаниях по поводу вашего положения, когда тираническая извращенность, одержавшая верх над ее доброжелательством, обрекла вас на лишения и на дурное во всех отношениях содержание. Эта нежная мать — говорю я — всегда питает к вам неизменный интерес. Нет сомнения, что она не встретит неблагодарности со стороны своих сыновей. Прислушайтесь к тому, о чем она взывает к вам устами народных писателей. Вслушайтесь в последние звуки голосов на патриотических собраниях, разогнанных и преследуемых главным образом за то, что они требовали для вас того, что было обеспечено за вами в лучшие дни республики, в 93 году! Общество Пантеона стало преступным в глазах деспотизма, как только оно осмелилось в обращении к Совету пятисот выразиться следующим образом:

«...Ухудшили общественное благосостояние тем, что вернули всем без различия семьям предателей... справедливо конфискованные у них владения; нацию в некотором роде отдали на произвол и разграбление торговцам, и одни только богачи получили патент на привилегированное существование... Все декреты, исходящие от Законодательного собрания, носят отпечаток системы предшествовавшей сессии; они увеличивают предубеждения и недоверие, вместо того чтобы их уменьшить. Уста-

новив различия между звонкой монетой и асигнатами, зафиксировав пропорцию между теми и другими деньгами как один к ста и к ста пятидесяти, вы собственной рукой нанесли денежной системе смертельный удар...

Пантеон! Солдаты отечества..., при этом слове, при слове якобинцы, те из вас, кто одержим предубеждениями, которые сеет аристократия, отшатываются, преисполненные отвращения. Те же, которые все оценивают правильнее и не подвержены заблуждениям, знают, что эти два наименования тождественны словам *лучшие друзья народа*. И тогда эти люди задают себе вопрос: где они, эти якобинцы и эти люди из общества Пантеона? Успокойтесь, друзья, они живы. Войско, которое отступило, вовсе не потерпело поражения. Каждый из них продолжает втайне работать в интересах народа, составляющего гражданское население, как и народа, находящегося под ружьем. Общество Пантеона существует не в одном только Париже. Оно существует также в различных пунктах республики. Мне, в качестве трибуна всей этой республики, в качестве почетного члена и участника всех этих академий настоящего республиканизма, собирающего результаты их лучших работ,— мне надлежит довести о них до сведения наших братьев, показать им, где находится их самая прочная поддержка. Воины! Отправляйтесь на север; ищите истинных защитников ваших прав в краях, где сам климат создает гораздо более глубокие, нежели блестя-

щие дарования, более упорные в своей непоколебимости, нежели увлекающиеся на короткое время, более смелые в своем ревностном стремлении к добру, нежели способные к поверхностному суждению. Отправляйтесь в город, который был свидетелем рождения героя демократии и где ваш трибун отбывал ссылку¹³⁶. В Аррасе также существует общество Пантеона, не менее плебейское, нежели общество, которое неограниченная власть сочла нужным превратить в руины в центральной коммуне. Вот, республиканские солдаты, те места, где у вас, у народа, имеются еще мужественные, энергичные друзья. Прочитайте же о том, что они для вас сделали, и скажите нам: не служат ли они вам, по крайней мере в своих намерениях, так же хорошо, как если бы вы сами это сделали?

*Обращение нижеподписавшихся патриотов
Арраса к Совету пятисот*

Законодатели!

Национальный конвент, издавая декреты от 4 и 16 июня 93 года, от 16 вандемьера, 5 нивоза, 21 плювиоза, 24 флореаля и 13 преряля II года, несомненно, имел целью обеспечить родственникам мужественных защитников отечества пособия, которые могли бы удовлетворить их настоятельные нужды!.. Чрезвычайная дороговизна съестных припасов, полное обесценение ассигнатов, которыми приходится за них расплачиваться, отсутствие

работы и незначительная заработная плата, которую они получают за свой труд,— все это должно с очевидностью доказать вам, что суммы, которые им до сих пор были предоставлены, не только недостаточны, но и весьма далеки от действительной цели, которая имелась в виду!.. Законодатели! Вам-то и надлежит устранить злоупотребления, столь же губительные для человечества, сколь позорные для республики... Именно за вами сохраняется честь осуществления законов, изданных в свое время в интересах отважных и мужественных солдат свободы!.. Один из декретов гласит о том, что будет сохранено на 300 миллионов национальных имуществ, которые будут им розданы частями, как только они окончательно возвратятся из армии! Принятое вами недавно решение определенно гласит, что будут исключены из продажи и оставлены в резерве имущества на сумму в миллиард франков наличными*. Эти распоряжения несомненно хороши, но их недостаточно, чтобы успокоить наших солдат и друзей равенства относительно колебаний законодательных органов. Почему же нельзя уже сейчас издать приказ о принятии мер, способных снова поднять дух наших братьев по оружию и помочь им бодро переносить тяготы и опасности войны? Почему их семьи, которые все почти пре-

* Миллиард наличными! При нынешнем курсе — один к тремстам — это 300 миллиардов ассигнатов. Это стоит того, чтобы заявить протест. Однако где же резервированные на эту сумму национальные имущества?

бывают в ужасающей нищете, не могут до их возвращения пользоваться вознаграждением, пожалованным за заслуги их близким? Почему не могут они заселять и обрабатывать земли, за обладание которыми столько героев пролили и продолжают каждодневно проливать свою кровь на фронтах? Законодатели! Не станем скрывать от вас, мы опасаемся, как бы обманным путем не лишили их имущества, доставшегося им столь дорогой ценой! Положите же конец клеветническим выпадам врагов республики! Поскорее докажите демократам, что данные нашим солдатам обещания отнюдь не призрачны! Немедленно издайте приказ о раздаче той части национальных имуществ, которая предназначалась вами в награду за их неустрашимость! Дайте их неимущим родственникам возможность пользоваться плодами их мужества до их возвращения! Предоставьте всем им возможность возвести на этих местах строения, которые годились бы им для жилья по окончании их славных походов! Пусть им остается только одно — выражать пожелания о процветании государства, увековечению славы которого они в такой большой степени содействовали!

Следуют подписи.

Солдаты! этими словами с вами говорит истинный народ. Не ради его блага вас хотят заинтересовать! Не для того, чтобы побудить вас служить народу, вас осыпают лицемерны-

ми ласками, спаивают вином и водкой. Это делается для того, чтобы вы решились продать за ничтожную плату. Они плохо знают вас, эти вероломные люди, которые хотят развратить вас. Они судят о вас по себе. Именно потому, что они подписали уже столь позорное соглашение, они считают, что вы, подобно им, падете так низко, что подчинитесь ему. Нет, нет. Оставайтесь неизменно людьми из народа. Поклянитесь на ваших штыках умереть только за народ. Вы видели, каков он, вы это и впредь увидите; он точно так же готов умереть за вас и вместе с вами. Я покидаю вас сегодня. Иначе я представил бы вам, вслед за пожеланием демократов Арраса, немало других свидетельств о пожеланиях народа, высказанных в том же духе. Откладывая это до другого раза, мы вместе с тем неизменно предупреждаем деспотизм о том, что повсюду голос свободы и равенства возвышается над всеми человеконенавистническими заговорами. Пусть сейчас деспотизм еще пытается заглушить этот голос при помощи усердия тех, кто является его рупором!.. Наученные несчастьем, взволнованные новым напоминанием о глубоких, утонченных, многообразных изменах, жертвами которых они являлись; предупрежденные о том, что произойдет с ними, если они потерпят неудачу, все они, демократы, в состоянии оказать сопротивление новым попыткам; они знают, какое искусство и силу они должны противопоставить тем, кто посмеет снова вступить в борьбу с ними. И вы,

благородные воины, осведомленные, в свою очередь, вы тем более не станете ни сообщниками, ни жертвами обмана приверженцев угнетения! Власть имущие пустили в ход все ухищрения, но ни одно из них не принесет им успеха. Они прибегают к хитрости, часто обновляя внутреннюю армию; они вас отдалают от нас, считая, что, после того как мы открыли вам глаза, вы можете перестать видеть в нас врагов. Колонны, которые держат нас в состоянии осады, ежеминутно сменяются другими колоннами. К чему приведет нас вся эта уловка? К тому, что все французские войска одни за другими пройдут через нашу школу, прочтут наши пламенные писания и постепенно сбросят пелену, мешавшую им познать истину и оценить по достоинству злодеев, обманывающих их и нас.

Гракх Бабеф, трибун народа

Париж, 10 жерминаля IV года республики.

Т р и н а д ц а т ы й д о к у м е н т

Париж, 30 плювиоза IV года

ГРАКХУ БАБЕФУ, ТРИБУНУ НАРОДА *

Я также хочу подлинного равенства. Мне скоро исполнится шестьдесят лет, а я не имею никакой или почти никакой собственности. Я

* Письмо, о котором идет речь в тексте, являлось ответом на это письмо.

обременен шестью детьми, слишком юными еще, чтобы работать. Я имею несчастье не владеть никаким ремеслом; я не коммерсант, не посредник, не биржевик, не банкир, даже не конторский служащий; сколько настоятельных мотивов желать подлинного равенства! Но, увы, разве оно возможно? Какая польза от того, что мне показали это блаженство в таком туманном отдалении, что я не надеюсь когда-либо его достигнуть? Каким образом претворить его в жизнь? Это одни слова.

Я читал о том, что существовал раздел земли, но это продолжалось недолго. А почему? Вот что следует рассмотреть более глубоко. Речь, следовательно, идет не только о разделе, но и о том, чтобы раздел был прочным.

Земля — это не всё, что надлежит разделить, и я нигде не читал о том, чтобы где-либо, кроме как в религиозных или в приближающихся к ним общинах, существовала даже попытка произвести раздел произведений человеческого ума и изобретений. Мы будем разбиты на мелкие общины? Допустим, что это так и будет и что я, например, отношу мою прелестную картину, превосходную машину, прекрасное изобретение, мои открытия в области физики, химии, гидравлики, естествознания, мою поэму, музыкальное произведение, виртуозное исполнение на скрипке, арфе и клавесине, гармоничные звуки моего голоса и т. д., и т. п. в общую сок-

ровищницу подлинного равенства вместе с моим соседом-сапожником, чтобы получить одинаковые с ним боны на мясо, хлеб, вино и т. д., и т. п. Этого еще недостаточно; необходимо, чтобы это было прочно, необходимо, чтобы не был уничтожен вкус, склонность и страсть к красоте, к совершенству в искусствах и ремеслах. Но допустим, что во имя подлинного равенства я окажусь способным на монашеское самоотречение от самых милых мне вкусов и наклонностей в интересах моего соседа-сапожника. Не понадобятся ли в таком случае начальствующие, настоятели, аббаты, исполнительные директории и т. д., и т. п., ибо не в наименованиях дело? Не понадобятся ли законы, т. е. взаимные соглашения? Не понадобится ли доверить абсолютно бескорыстным начальникам власть, равную по силе действия той реакции, на которую следует всегда рассчитывать, и рассчитывать со всей точностью, с точностью приспособлений для вращения вертела или часовой пружины. Какое множество размышлений приходит на ум в данном случае!

Я слышу ссылки на Ж.-Ж. Руссо и Мабли. Первый положительно заявил: чтобы жить в условиях подлинной демократии, людям необходимо быть полубогами. Второй далек от того, чтобы верить в возможность подлинного равенства на таком обширном и многонаселенном пространстве, как наша страна. Когда я размышляю об этом, а я размышляю об этом часто, моя голова кругом идет.

Трибун! изложи нам свой план; докажи нам со всей ясностью возможность подлинного равенства; докажи нам, что оно может быть прочным, и дай нам в совершенно положительной форме способ его достижения, т. е. способ не быть годами в состоянии анархии, при котором после прискорбных, бесполезных попыток и жертв мы не оказались бы в еще худшем положении, чем сейчас.

Подпись: М... В.

Продолжение тринадцатого документа

ОТВЕТ НА ПИСЬМО ЗА ПОДПИСЬЮ М. В.,
ОПУБЛИКОВАННОЕ ПРОШЕДШЕГО
30 ПЛЮВИОЗА И АДРЕСОВАННОЕ
ТРЕБУНУ НАРОДА ГРАКХУ БАБЕФУ¹³⁷

В истинном обществе не должно быть ни богатых, ни бедных.

Богачи, не желающие отказаться от своего избытка в пользу неимущих, являются врагами народа.

Цель революции — уничтожить неравенство и восстановить всеобщее благо.

Ст. 7, 8 и 10 Анализа доктрины трибуна, опубликованного и провозглашенного 20 жерминаля сего года.

Надо поскорее опубликовать следующие истины, адресованные в ответ автору письма от 30 плювиоза. Я отнюдь не досаую, что Osborne соображения заставили меня ждать до сих

пор. Тезис, о котором идет речь в этом письме, более чем когда-либо стоит теперь в порядке дня, и я льщу себя надеждой, что сейчас я привлеку разумное внимание к самому крупному из всех сюжетов, интересующих людей.

Каждого истинного республиканца должны радовать сомнения относительно осуществимости системы подлинного равенства, выдвинутые гражданином М. В. Если борьба, начатая во имя этой вершины человеческого возрождения, будет вестись друзьями свободы с тем же пылом, с каким они некогда боролись против феодально-монархического здания, то нет сомнения в том, что крушение варварской системы частной собственности приведет в скором времени к счастливым временам золотого века и подлинного братства на земле, совершенно изгнанного из нашего чудовищного общества честолюбием и алчностью.

Благородные души, устремившиеся на поприще революционной борьбы исключительно из любви к человечеству, настала пора атаковать при помощи великой силы разума неизменную причину всех зол, всех видов тирании — частное богатство. Проповедуемую нами доктрину подтверждают трезвые вычисления философии; на ее стороне авторитет великих людей античности и нашего времени. Она одна дает разумное определение революции, которая превратится в преступление, если, изменив форму угнетения,

она оставит массу народа в несчастьях и порабощении, усугубленных обманчивой надеждой на облегчение и упроченных ростом числа угнетателей и их развращенности.

Прежде чем в ответ на сомнения гражданина М. В. бросить взгляд на доказательства возможности, справедливости и привлекательности системы подлинного равенства, необходимо снова поставить вопрос, который он, по-видимому, неправильно понимает, когда, сказав о разделе земли, он добавляет: речь идет не только о разделе, но и о том, чтобы этот раздел был прочным.

Ничуть не бывало. Система равенства исключает всякий раздел; именно этому разделу наше общество, плод потребностей, страстей и невежества наших предков, обязано всеми видами тирании и всеми бедствиями, жертвой которых мы являемся.

До того как любой из наших предков мог заявить, что то или иное поле принадлежит ему, за ним должно было быть обеспечено пользование этим полем посредством ясно выраженного, либо молчаливого соглашения. Счастливы были бы люди, если бы этого пагубного соглашения никогда не существовало. Это оно привнесло в общество гибельные последствия силы и ловкости, которые вызывают вполне естественные и обоснованные нарекания *. Именно оно разобщило людей, воз-

* Естественное право существенно отличается от того, что называют естественным состоянием. Первое

будило в них алчность и на этом разрушительном пороке построило основу сохранности общества. Это оно предоставило силе, хитрости и развращенности средства для уклонения от естественных условий общественного договора, обрекая на истощение и скорбь слабых, простых и добродетельных людей. Именно оно осудило на всевозможные лишения производителей всех благ и наградило празднолюбцев изобилием наслаждений. Оно способствовало тому, что насильственно удерживаемая в невежестве народная масса попала в сети, расставленные для нее честолюбием и фанатизмом. Именно оно, наконец, является источником всех видов тирании: 1) так как если бы не надежда утопать в удовольствиях, ничего не делая, никто не хотел бы быть монархом, дворянином, правителем; 2) так как нет большего вероломства, чем называть свободными людей, осужденных на изнурительный труд без надежды пользоваться его плодами; людей, которые не могут заставить выслушать себя за неимением свободного времени и вследствие вынужденного невежества, в котором они пребывают при нашем социальном строе.

Вот почему ничто не противоречит равенству и счастью в большей мере, чем частная собственность или раздел земли, являющийся ее основным источником.

есть результат опыта и размышления; второе — продукт первобытных восприятий и невежества.

Более того. Этот раздел земли, к которому, по мнению некоторых, сводится *максимум* нашего общественного блага, усугубит зло тем, что устрашит эгоистов — собственников, на эгоизме которых исключительно и покоится то, что ныне называют общественным процветанием, и предопределит возврат в близком будущем беспорядков, избавлением от которых — как утверждают — именно и является такой раздел.

Посмотрим теперь, что понимают под действительным равенством. В основе его лежат два существенных условия: *общий труд; общее пользование его плодами.*

Прежде всего, поскольку труд является необходимым условием существования ассоциации, без которого она погибла бы, то никто не мог бы уклониться от него, не совершив несправедливости: тот, кто это сделал бы, уменьшил бы общественное благосостояние или переложил бы свою работу на соседа.

Два веских соображения служат подкреплением этой системы: 1) *общий труд* увеличил бы благосостояние общества, которое при настоящем положении может рассчитывать на полезный труд лишь небольшой части своих членов; 2) *труд, распределенный между всеми работоспособными членами общества*, избавил бы от невыносимого бремени тех, кого мы обрекли исключительно на тяжелый труд, и отнял бы у других лишь весьма незначительную долю, которая в скором времени пре-

вратилась бы для всех в источник удовольствия и развлечения. Мне непонятно, как могут искренно считать наше положение наилучшим из возможных, когда огромная масса народа живет хуже, чем в первобытном состоянии. Взгляните на дикаря: охотится ли он, занимается ли рыбной ловлей, земледелием — плоды его труда целиком принадлежат ему, и он пользуется полным счастьем, доступным ему. Напротив, наши поденные рабочие, наши крестьяне, не сохраняя за собой права пользования произведениями своего труда, как и права на счастье, каким оно представляется им в условиях нашей цивилизации, принуждены всё уступать алчным и праздным собственникам и действительно страдают от голода, жажды и суровой погоды.

Пусть каждый трудится для великой социальной семьи и пусть каждому его труд дает возможность существования, наслаждения и счастья. Таков голос природы; таково состояние, при котором равенство не является химерой, а свобода прочно обеспечена каждому человеку.

Ты говоришь, гражданин М. В., об отречении от всех вкусов, от всех склонностей, о равенстве, которое будет существовать между питанием артиста и питанием сапожника, об упадке изящных искусств как о пагубных последствиях системы действительного равенства, претендуя доказать тем самым абсурдность этого равенства. Это возражение доказывает, что ты не избавлен от наших старых

предрассудков. Тот, кто считает, что вернуться к равенству значит стать дикарем и примитивно грубым, не понимает существа этого равенства. Возражать нам указанием на отвратительнейшее самоотречение, в то время как мы хотим положить конец неисчислимым и постоянным лишениям большинства людей, хотим, чтобы труд каждого человека давал ему удобное и приятное существование,— значит либо ничего не понимать, либо показать себя сообщником людей, которых изнеженность и ненависть к труду делают врагами равенства.

Поистине было бы ужасно, господин М. В., если бы вы получали свой хлеб, мясо, вино, одежду из того же склада, что и сапожник, и они были бы в том же вкусе, что и хлеб, мясо, вино, одежда сапожника! Но почему же природа догадалась дать этому грязному животному такой же желудок и чувства, как и вам? Несчастные! Утопая в изобилии, вы разве нуждаетесь для полноты счастья в том, чтобы иметь перед глазами картину страданий других людей?

Так называемый упадок ремесл и изящных искусств — другое решительное возражение задумывающихся над этим вопросом людей, которые хотят нас уверить, что раз у них отнимают узурпированные ими отличия, привилегии и уважение, то все потеряно. Бесспорно, если бы такой упадок и имел место, народная масса, которая не пользуется преимуществами изящных искусств, и не почувствовала

бы неприятной для себя перемены. Но этого нечего опасаться. Очевидно, что в условиях нашей системы равенства возрастет общественная полезность искусства; оно приобретет печать возвышенного, соответственно великим чувствам, которые с необходимостью породит огромная ассоциация счастливых людей. Граждане будут хорошо питаться, хорошо одеваться, усиленно развлекаться при отсутствии всякого неравенства, всякой роскоши: одна лишь республика будет богата, величественна, всемогуща.

Правда, некоторые ремесла, произведения которых служат развлечением для ничтожного числа паразитов, как и средством выкачивания у них огромных денег, уступят место другим ремеслам, которые будут увеличивать благосостояние многочисленной социальной массы. Но какой же человек станет сожалеть об этой счастливой перемене? Когда науки и изящные искусства избавятся от острой, постоянно возобновляющейся, всегда тягостной нужды, то даровитый человек будет руководствоваться лишь любовью к славе и очень скоро, стряхнув с себя иго лести и эгоизма меценатов, будет видеть свою единственную цель в благоденствии общества.

Место frivolных поэм, пошлой архитектуры, не представляющих интереса картин займут цирки, великолепные храмы и портики, которые суверенный народ, живущий в настоящее время хуже наших животных, будет посещать для того, чтобы в монументах

и в философских произведениях черпать правила и пример мудрости, любовь к ней.

В этом пленительном плане, прелести которого я лишь бегло набрасываю, будет найдено решение такой задачи: *отыскать положение, при котором каждый индивид при наименьшей затрате труда сможет пользоваться наибольшими жизненными удобствами.*

Таким образом, самые разнообразные произведения труда всех людей будут принадлежать всей массе народа, которая распределит их затем в интересах наибольшего блага каждого человека. Ты видишь, следовательно, гражданин М. В., что речь идет не о том, чтобы обрекать людей на самоотречение, а о том, чтобы уменьшить лишения народной массы.

Ты не можешь также не видеть, что при таком положении искоренение алчности приведет к исчезновению зависти, хитрости, недоверия, и люди действительно станут братьями, сугубо заинтересованными в сохранении строя, приносящего всем счастье.

Французской революции надлежало превратить в жизнь философские концепции, которые еще незадолго до нее считались несбыточными. Мы начали это дело, завершим же его. Если мы остановимся на том месте, на котором мы сейчас находимся, то человечеству не придется выносить нам большой благодарности.

Для того чтобы от нашего скверного положения перейти к положению, которое я отстаиваю, необходимо:

1. Объединить все ныне существующие богатства в руках республики.

2. Заставить трудиться всех работоспособных граждан, каждого в соответствии с его способностями и свойственными ему сейчас привычками.

3. Утилизировать труд, сближая те виды его, которые взаимно помогают друг другу, и давая новое направление тем из них, которые являются только следствием нынешнего накопления богатств.

4. Скоплять постоянно в общественных складах все произведения земли и промышленности.

5. Равномерно распределять все виды продукции и развлечения.

6. Искоренить источник всякой собственности, частной торговли и заменить их разумным распределением, осуществление которого вверить общественной власти.

7. Учредить общественные воспитательные дома, в которых каждому человеку будут прививаться навыки к труду, наиболее соответствующему его силам и склонностям.

Таким образом, эгоизм не будет более побудительной причиной деятельности и труда отдельных лиц; эти лица, как бы различны ни были произведения их труда и их применение, будут получать одинаковое вознаграждение питанием, одеждой и т. д.

Из этого вывода наши богачи извлекают следующие два возражения:

1. Потребность в пропитании и надежда

на улучшение своего положения являются источниками труда и воспроизводства; как только эта потребность и эта надежда исчезнут, прекратится труд, прекратится воспроизводство, и общество придет в упадок.

2. Раз любой вид труда вознаграждается одинаково, то исчезает побудительный мотив для того, чтобы отдаваться научным изысканиям, приводящим к полезным для общества открытиям.

Я отвечаю:

1. Нетрудно дать всем понять, что кратковременное ежедневное занятие обеспечит каждому более приятную жизнь, свободную от постоянно снедающих нас треволнений. Тот, кто в настоящее время трудится до истощения ради ничтожного вознаграждения, безусловно согласится трудиться немного и получать много.

К тому же это возражение целиком основано на прискорбном представлении о труде, который в нашей системе при разумном и всеобщем распределении превратится в приятное, привлекательное занятие, уклоняться от которого ни у кого не будет ни желания, ни заинтересованности.

2. Вполне доказано, я полагаю, что науки обязаны своими достижениями скорее любви к славе, чем жажде материальных благ. А в таком случае наше поистине философическое общество, имея в своем распоряжении все средства, чтобы решительно, безоговорочно

воздать должное своим благодетелям, будет вправе рассчитывать на них в большей мере, чем наши развращенные общества, в которых дарование и добродетель встречают пренебрежительное отношение и обречены на нищету, меж тем как почти всегда глупость и преступление обладают чрезмерным богатством.

Я достаточно об этом говорил, чтобы, читая меня, не сомневались сколько-нибудь серьезно в том, что принцип алчности и эгоизма, лежащий в основе всех наших учреждений, отвратителен и что положить конец волнениям, несчастьям и всем видам тирании, разделяющим и угнетающим нас, можно лишь в том случае, если мы снова перейдем в условия такого общественного порядка, при котором каждый человек, внося равный вклад, сможет извлечь из него равную выгоду. Ибо все рассуждения экономистов никогда не смогут убедить здравомыслящих и добросовестных людей в неоспоримой справедливости того, что люди праздные пользуются всем и поработают, унижают и третируют людей, которые, делая всё, не имеют почти ничего.

Гражданин М. В. выставляет также против нашей системы равенства необходимость правительства и слишком большой размер республики.

Ответить на это нетрудно:

1. Лица, на которых будет возложена охрана этой системы, механизм которой будет

крайне прост, должны будут рассматриваться как работники, необходимые для общего блага; поскольку они никогда не смогут получить в свое пользование более того, что будут получать другие граждане, весьма заинтересованные в том, чтобы установить надзор за ними, то нечего будет опасаться, что они попытаются сохранить за собой власть, пренебрегая волей народа.

2. Если среди небольшого племени легко могут быть преодолены все трудности, которые предрассудки выставляют против общего для всех труда и общего пользования его плодами, то ничего не мешает тому, чтобы эти трудности были также преодолены в такой обширной ассоциации, как Франция. Прежде всего, что касается труда, то легко понять, каким образом все граждане смогут ему отдаваться каждый на том месте, на которое он будет поставлен, а также соответственно плодородию почвы. Что же касается равного распределения предметов потребления между всеми коммунами республики, либо между теми из них, которые смогут в этом распределении участвовать сообразно отношению, которое они будут иметь к различным климатическим условиям, то я не вижу, почему мудрое правительство, избавленное от помех, которые в настоящее время вносит в этот род операций алчный эгоизм правителей и тех, кем они управляют, не сможет осуществить такое распределение с большим удовлетворением для граждан, часто обреченных

в нынешних условиях на голод вследствие корыстных расчетов спекулянтов.

При таком порядке вещей я вижу:

1. Ремесла, насаждаемые благодаря разумным учреждениям в тех местах, где они могут оказаться наиболее полезными. Став ближе к земледельцам, они способствуют исчезновению больших городов, являющихся вместилищем всех пороков, и насаждению во всей Франции сельских местностей, украшенных многочисленным счастливым населением, размножению которого ничто не будет препятствовать.

2. Людей, просвещенных, получивших благодаря общественному воспитанию навыки к труду, любящих родину больше, чем они сейчас любят свои семьи. Обсуждая со знанием дела общественные вопросы, они показывают миру первый образец демократии и доблести, защищаемых многочисленным населением с лавиной храбростью.

3. Французов, живущих без денег, без лишений, без огорчений и жадного стремления к накоплению на будущее, с радостью воздающих отечеству общую дань — труд; наслаждающихся природой и проводящих остальное время, участвуя в общественных празднествах, в обсуждении законов и в просвещении молодежи.

4. Общество, избавленное от судебных процессов, от ненависти, зависти, от всех пагубных последствий системы частной собственности.

5. Законодательство, сведенное к крайне простым принципам и являющееся только искусством увеличения познаний и радостей общества.

6. Отечество, в случае опасности находящееся путем удлинения на полчаса рабочего дня больше солдат и ресурсов, чем их могут доставить в настоящее время все финансисты Европы.

О, соотечественники мои, вот они: свобода, мир и счастье! Вот единственное исцеление от стольких раздоров и группировок, которые могут привести к порабощению, либо ко всеобщему благу! Какие же могучие препятствия противостоят тому, чтобы, взявшись, наконец, за ум, мы перестали питать зависть друг к другу, вести борьбу между собой, взаимно уничтожать один другого? Глупость одних, лень других и порочные привычки, сделавшие спесивыми сердца людей, хладнокровно взирающих на нищету их ближних, следствие их пагубного богатства. Друзья отечества! Патриоты-философы! Вам именно надлежит завершить революцию. Именно ваши рассуждения, ваши сочинения должны искоренить эгоизм, источник тирании и несчастья. Именно истина должна сокрушить, наконец, монархизм — следствие и причину величайшего неравенства, — который будет существовать всегда, при любой форме правления до тех пор, пока подлинное равенство и демократия не объединят все интересы, не уничтожат всякое пристрастие и не лишат одних людей

возможности, вопреки интересам общества, стеснять, ущемлять, поносить и угнетать всех других.

Если бы власть имущие не были заинтересованы в том, чтобы противиться развитию общения между людьми, то я считал бы успех этого начинания обеспеченным. Ибо если заговорить с народом ясно и искренно, то нет сомнения в том, что он тут же выскажется за равенство. Но стоит только всему этому не понравиться порочным сердцам и расстроенному воображению власть имущих, и люди, которые найдут в себе мужество выполнить свой долг по отношению к массе народа, должны ожидать того, что их будут не только терзать на тысячи ладов, но и обзывать — как это происходит уже сейчас — злодеями, подстрекателями и роялистами. Правда, едва ли кто поверит, чтобы людям, сокрушившим трон и не выносящим какое бы то ни было неравенство, даже неравенство в кругу праздных и богатых, нравился монархический строй, верх всякого неравенства. Но все же найдутся глупцы, которые поверят этому, и надо, чтобы патриоты великодушно стерпели это новое оскорбление; если они не будут отстаивать ценой своей жизни всеобщее благо, то в глазах потомства революция запягнает философию и станет их преступлением.

Мне остается рассеять последнее сомнение гражданина М. В., опасавшегося анархии при переходе от нынешней системы к системе равенства.

Патриоты, воскликните вместе со мною: «О наши сограждане! Бросим наше золото в море, будем все трудиться, будем все пользоваться плодами нашего труда, изгоним праздность и роскошь». И эта ободряющая речь, поддержанная разумными рассуждениями, устранил всякие сомнения в отношении преобразования, всякие внушающие опасения пререкания. Но если и вправду этот переход должен привести к отклонениям в сторону, которые, однако, никогда не сопровождали наши великие национальные движения, то я утверждаю, что это будут последние воздействия умирающей анархии. В сущности говоря, беспорядок и анархия существуют фактически во всех современных обществах Европы, в которых под различными предлогами и различными способами у народа отняты все его права. И конечно, стоит подвергнуться опасности некоторых кратковременных отклонений, только бы была восстановлена система счастья, которая претворит в действительность предсказания философов относительно революции и, по всем признакам, сокрушит, наконец, правительства, которые все еще не дают нам покоя, вследствие того, что их подданные до сих пор не усмотрели в наших преобразованиях ясную и безусловную печать всеобщего блага, за которое мы так ратовали.

Париж, 28 жерминаля IV года республики.

Приложение
к тринадцатому документу

НОВАЯ ПЕСНЬ ДЛЯ ПРЕДМЕСТИЙ*

Народ, лишенный прав своих,
Ты, мучим голодом, притих
И только стонешь, бедный,
Меж тем как наглый мироед,
Тобой щадимый столько лет,
Возносит клич победный.

Мошны набившая орда,
Ни сил не тратя, ни труда,
Жрет мед, забравши улей,
А ты, трудящийся народ,
Попробуй — может, впрок пойдет —
Глотать, как страус, пули.

Тень Гракхов, Брута призови,
Народной баловней любви,
И дрогнут богатеи.
Трибун, услышь наш скорбный стон,
Святого равенства закон
Нам начертай скорее.

Все привилегии долой!
Пусть Люксембург** перед тобой
Склонится и Верона.
В стране, где граждане равны,
Султаны пышные смешны*** —
Пусть делят участь трона.

* Составлена Сильвенем Марешалем.

** Королевский двор и аристократия, верхушка которой находилась в Люксембурге.

*** Султаны служили украшением для членов Директории.

Довольно голодал народ
Под властью тяжкою господ,
Он стал теперь умнее.
Шуанов люксембургских нам
Не надо, как и тех, что там
Бесчинствуют, в Вандее.

Вы, мудрых планов мастера!
Спасти их от огня костра
Напрасны все усилия.
Оставьте же в покое нас,
Сумеет равенство без вас
Создать в стране обилье.

Нам Директорией писать
Запрещено, на нас печать
Наложена молчанья.
Так в братский заговор молчком
Для блага общего войдем,
Собратья по призванью.

Двойной Совет, ценимый в грош,
Директора, которых в дрожь
Приводит слово «пика»,
Кормимый ласками солдат
И ущемленный демократ —
Вот лик республики великой.

Солдаты! Королевский трон
Был нами вместе сокрушен,
Нам святы ваши раны,
Но — ах! — вас нынче не узнать:
Ужель вы согласитесь стать
Дворцовой охраной?

Когда с войсками шел народ,
Он трона сокрушил оплот,—
И с ним Бастилии узы.
Тираны новые! Солдат
Поймет, что бедняку он брат,—
Страшитесь их союза!

Себе пою я на беду:
За эту песню попаду
В узилище, я знаю;
И все же говорю я: пусть!
Ее заучит наизусть
Народ родного края.

Второе приложение
к тринадцатому документу

Долой несправедливый закон,
Делящий род людской на части!
Раб не на веки обречен
У господина быть во власти.

Внемлите зову моему, Простые люди из народа! Покиньте черной ночи тьму, Всем солнце светит с небосвода.	} припев
--	----------

Природа-мать людей родит
Всех равными между собою,—
Так почему ж теперь царит
Меж них неравенство такое?

Внемлите зову моему, и т. д.

Зачем вкруг нескольких господ
Толпа немых рабов теснится?
Восстань, отважный санкюлот,
Сотри сословные границы.

Внемлите зову моему, и т. д.

Когда был молод род людской,
Не знали войн, не знали злата,
Не знали роскоши лихой,
Не знали нищеты проклятой.

Внемлите зову моему, и т. д.

Тогда повсюду без помех
Святое равенство царило,

И одинаково для всех
Дневное искрилось светило.

Внемлите зову моему, и т. д.

Все жили дружною семьей,
Был дух стяжания неведом;
Чтоб общий оградить покой,
Сосед не ссорился с соседом.

Внемлите зову моему, и т. д.

Но в скорости к господству страсть,
Обманом пользуясь негодным,
Решила взять над миром власть
Наперекор правам природным.

Внемлите зову моему, и т. д.

На свете государи вдруг
И подданные появились,
Хозяева и толпы слуг —
Людские доли разделились.

Внемлите зову моему, и т. д.

Теперь бессовестный грабеж
В наряд закона облачают,
И злодеяние и ложь
Добром и правдой называют.

Внемлите зову моему, и т. д.

Не мог, о Гракхи, жизнь спасти
Вам замысел ваш благородный.
Мечи убийц он отвести
Не мог от гордости народной.

Внемлите зову моему, и т. д.

Марат, Сен-Жюст и Робеспьер,
Мы чтим вас, о Ликурги наши!
Ведь жизнь от ваших мудрых мер
Уж становилась легче, краше.

Внемлите зову моему, и т. д.

Уже палаты богачей
Ушли под черной ночи своды,
И клич пошел: для всех людей
Сияет солнце с небосвода.

Внемлите зову моему, и т. д.

К природе нас вернули вы,
Не пожалев на то усилий,
За каждый смелый шаг, увы,
Обильной кровью вы платили.

Внемлите зову моему, и т. д.

Сулят нам новую напасть
Злой крик д'Англа и деньги Питта;
Нам пресмыкаться иль пропасть,—
Лишь преступленье нам защита.

Внемлите зову моему, и т. д.

Народы, спите вы давно,
Пора настала пробужденью,—
Пусть, грозное, подаст оно
Сигнал к благому преступленью.

Внемлите зову моему, и т. д.*

Четырнадцатый документ НАСТОЯТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПАТРИОТАМ¹³⁸

Друзья! Мне отнюдь не следовало бы говорить с вами сегодня. Я отрываюсь от весьма напряженной работы, чтобы наспех обратиться к вам с несколькими крайне необходимыми

* Перевод стихов О. Румера.—Ред.

словами. Выслушайте же их: они бесконечно интересны для вас.

Истина восторжествовала. Все угнетатели в ужасе. Друзья народа раскрыли ему глаза. Армия также видит все воочию. Никакая плотина не может больше остановить бурного потока энергии. Наши властители увидели все это и принимают новые меры, чтобы предотвратить крушение, ожидание которого служит нам утешением, а их приводит в отчаяние.

Десять-двенадцать дней назад они пришли к заключению, что преследования, поношения лучших граждан не являются более действенным оружием в их руках. Они заменили их коварством и отвратительной лестью. Лютые волки превратились в изворотливых и предупредительных лисиц. Не обманывайтесь на их счет, они и впредь остаются хищными животными; их природа все та же и никогда не изменится. Они лицемерно заигрывают с вами сегодня. Завтра они сожрут вас.

Вот от чего я должен вас предостеречь.

Агенты Тальенов, Лежандров, Баррасов, как и сами эти почтенные люди, суеются и усиленно трудятся над тем, чтобы попытаться свалить вас в самую ужасную западню; они используют ваше нерасположение ко всем преступным виновникам ваших несчастий, в первых рядах которых они сами фигурировали; они имеют бесстыдство прикидываться, будто это были не они или, по крайней мере, будто сейчас они не имеют ничего общего со сворой преследователей, которая действовала

именно по их внушению и согласно их предписаниям; они не смеют заявлять вам о том, что сейчас они готовы стать мстителями за злодеяния, которые они сами совершили и на которые толкали других. Необходимо показать вам, куда простираются их цели, какую глубокую пропасть они снова роют вам. Но до этого необходимо показать вам ход их интриг.

К Фер...* и прежней компании они присоединили новых мошенников, полный список которых мы могли бы здесь привести. Но сегодня мы удовольствуемся указанием на двух из них, которые действовали более открыто, чем другие. Риш...* и Сул...* (последний выдает себя за литератора) вот уже несколько дней как получили задание обработать группы в Тюильри. Они превосходно выполняют свою миссию — довести народ до наивысшего возбуждения. Они заявляют тем, кто к ним прислушивается, что оба Совета состоят из одних злодеев; что Баррас и Карно являются прекрасными республиканцами, которые обязательно положат конец бедствиям народа и спасут отечество; что именно поэтому существует гнусный заговор с целью умертвить их; что, следовательно, необходимо сплотиться вокруг них и их друзей, вооружиться без промедления и ударить в набат.

К этим фактам мы должны прибавить следующие обстоятельства:

* Пропуск в подлиннике.— Ред.

Истинный демократ, за которого принялся в последние дни на террасе Тюильри агент Риш...*, чтобы вбить ему в голову эти идеи сговора, встретил возражения по поводу странной поспешности, которая, по-видимому, вносится в столь важное дело. В это время их встретил *Лежандр*, у которого *Риш...* спросил, нет ли новостей относительно последних дел. *Прериальский* палач ответил, что ему непонятно, каким образом патриоты могут следовать внушениям трибуна народа, который — как это очевидно — сильнее всего ополчается против лучших республиканцев, таких, как *Баррас* и *Карно*; что следует со всей силой обрушиться на тех, о которых он твердо знает, что они причинили много зла, на таких, как *Инар* и его клика; что необходимо, чтобы патриоты сплотились с целью уничтожения этих лиц, но что для этого надо, чтобы и одной и другой стороной были забыты *небольшие промахи*, которые могли быть взаимно допущены, и т. д.

В нескольких шагах от того места другой мерзавец спросил еще у одного демократа, не известен ли ему такой человек, который пользуется влиянием в каком-либо из кварталов Парижа, что он может сообщить ему кое-что хорошее от имени *Тальена*. Интриган добавил: «Ты патриот, ты можешь пригодиться; надо, чтобы через несколько дней бомба разорвалась; надо забить тревогу. Я ищу

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

такого человека, чтобы ввести его в курс дела».

Заговор сплетён довольно ловко, приманка подготовлена не хуже многих других, которыми вас одурачивали и жертвой которых вы являлись. Но возможно ли, чтобы вы стали также жертвой и этой приманки?

Ясно, что именно этого хотят люди, которые непрестанно терзают вас, морят голодом, обременяют множеством оков.

Для них прежде всего важно спасти свои головы, так как они видят, что великое правосудие народа, убедившегося в их беспримерных, бесчисленных преступлениях, готово свершить над ними давно вынесенный им ужасный приговор. Они считают, что могут добиться этого, лишь прикинувшись, будто они бросаются в объятия демократов; они тем легче рассчитывают снискать себе хитростью расположение демократов, что воображают, будто им удастся убедить их в том, что народ не может найти себе спасения без помощи некоторых из тех, кто делит с ними власть.

Но каким путем — надо полагать — хотят они добиться того, чтобы спасти свои головы? Неужели патриоты столь простодушно считают, что те добьются этого путем чистосердечного служения демократии в качестве искупления за бесчестное истребление ими этой демократии при помощи самых злодейских способов, с тем, чтобы заслужить этим исправлением их великодушное прощение?

Неужели патриоты столь простодушно допускают, что те откажутся от власти, от верховенства и инициативы в период революционного движения и после него, чтобы жить мирно под сенью простых демократических законов, под сенью священной амнистии снисходительной нации? Нет, нет, не в этом состоит их план. Эти угнетатели увидели, что принципы демократии одерживают верх, что их трон зашатался, что к ним потеряно всякое доверие, что таким доверием вместо них пользуются только защитники народа...* [Они сказали себе, что надо придумать какое-нибудь новое движение, которое дало бы им возможность сразу вовлечь всех людей, к которым народ питает доверие, их сторонников и всех тех, кто еще способен играть активную роль в пользу народного дела. Это последний продукт системы массовых избивений, которые хотят совершить; развеять в прах оставшихся патриотов — вот чего они хотят. Они сказали: будем льстить этим патриотам, умасливать их, пообещаем им всё, чего они требуют. Что произойдет? Благодаря своей позиции мы одни непременно

* В книге Буонарроти далее сказано: «В экземпляре, которым мы пользуемся, имеется в этом месте большой пропуск; невозможно было найти полный экземпляр».

В настоящем издании мы восполняем по газете «*Tribun du Peuple*» № 42 текст из статьи Бабефа, недостававший в экземпляре, которым пользовался Буонарроти. Текст этот заключен в квадратные скобки.— *Ред.*

завладеем инициативой движения, которое навсегда избавит нас от них, как и от всех других наших врагов. Мы предотвратим какой бы то ни было враждебный акт с их стороны; мы парализуем все благоприятные для их дела результаты их воздействия на умонастроение народа, которое они могли оказать своей работой; мы сделаемся их вожаками и укрепим навсегда нашу власть. Вот каким образом: мы, Баррас, Фрерон, Лежандр и Тальен, встанем во главе. Наши опозоренные имена не соберут вокруг нас всей массы народа; огромное большинство в ужасе отшатнется и откажется идти под наши знамена. Это-то нам и нужно. Мы соберем только подкупленных нами наймитов, а вместе с ними ядро пламенных, но опрометчивых патриотов, которых нашим мерзавцам удастся ввести в заблуждение, ядро таких людей, которые меньше считаются с разумом и правотой, чем с нетерпеливым желанием броситься в любое предприятие, которое, как им кажется, ведет к спасению их дела. Таким путем мы будем иметь только частичное выступление, а это-то нам и нужно. Оно не внушает нам опасения, что мы будем развенчаны, и дает нам возможность провести основную операцию, гарантирующую нам успех всех других. Этого частичного ядра нам будет достаточно, чтобы нанести смертельный удар тем, кто является роялистами в другом роде, чем мы. Эти Роверы, Инары, эти Ланжюинэ, Буасси и прочие хотят королей преж-

ней породы; мы же хотим королей новой фабрикации: мы сами хотим быть ими. Так вместе с нашими безмозглыми демагогами мы станем убивать адвокатов Людовика XVIII, и как только эти главари падут, роялизма, противостоящего нашему, не станет больше; наша власть окрепнет. Демагоги, как это было в вандемьере, потребуют от нас другого результата этой рискованной затеи; но, так же как в вандемьере, нам легко будет заставить их замолчать и оставаться в бездействии. Мы заявим им: довольно, сейчас ничего больше делать не надо, отдыхайте пока вас не призовут. Мы не позволим им долго спать. Так как нам останется разбить только одну крамольную партию, то мы наверняка *перебьем* эту партию анархистов, которая только на несколько дней переживет партию роялизма. *Мы устроим одно массовое избиение* и затем будем беспрепятственно властвовать над стадом истых рабов.

Друзья! вот в чем состоит их заговор; *вот их исполненная ужасов тайна*. Сможет ли еще кто-либо дать прискорбным образом себя обмануть, после того как эта тайна раскрыта?

Нет, у нас не будет частичного выступления. Масса патриотов и народа, несомненно, не тронется с места в ответ на вероломный призыв какого-нибудь Барраса или Тальена; я льщу себя надеждой, что после моего предостережения они не найдут даже двух чело-
век, которых можно было бы обмануть. Да, да, их антихристы, их фальшивые пророки

будут напрасно стараться. Жалкие лакеи! атакуйте повсюду республиканцев; задерживайте их во время прогулки, на улицах; раздражайте их повсюду своими бесстыжими лицами; ваша смертоносная отравка будет бессильна перед нашим неуязвимым противоядием. Они отвергнут вас, вас и ваши коварные речи, со всем презрением, какого вы заслуживаете. Я заявляю вашим хозяевам, что отныне всё, что они дают вам,— выброшенные деньги.

Народ поднимается только *всей* массой, по призыву его подлинных освободителей, сигнал которых он различит по верным признакам. Он останется спокоен до тех пор, когда они ему об этом скажут; он не захочет потерять всё из-за вредной спешки. После стольких страданий он будет ждать немного дольше, чтобы лучше обеспечить свое освобождение; он будет верить своим друзьям, когда бы они ни говорили ему: «Еще не настал момент для спасения отечества».

И мы, мы также хотим освободиться от рокового влияния корифеев роялизма; но мы хотим одновременно избавиться от влияния дождей. Мы не станем выбирать между двумя видами тирании. Мы бесконечно ненавидим истых представителей Людовика XVIII, но мы питаем даже бóльшую ненависть к лицемерным угнетателям, которые налагаемое ими на нас ярмо укрывают розами. Спешите же стать на стороне Фрерона и Лежандра, Барраса и Тальена. Простите же этим людям

их небольшие ошибки. Они на деле совершили лишь мелкие проступки. Тальен сделал всего лишь то, что открыл великую эпоху наших бедствий, постоянно защищал свое деяние, ревностно руководил всеми реакционными предприятиями, лишившими народ всех его прав, одно за другим, и взвалившими на него всевозможные страдания. Баррас сделал всего лишь то, что был диктатором в дни термидора, жерминаля, прериала и вандемьера; в последнюю из этих дат он поступил тем более преступно, что ввел в заблуждение патриотов, которым обещал, что поведет их на отвоевание своих прав после того, как они спасут Конвент. Лежандр сделал всего только то, что при некоторых обстоятельствах он с оружием в руках пошел против народа; и после наступления прекрасной реакции он проявлял особую жестокость как настоящий палач, именно тогда, когда дело шло о том, чтобы всеми способами перебить, перерезать народ. Что касается Фрерона, то о нем не сто́ит и говорить; он только вкладывал кинжал в руки всех убийц, организовал и руководил с помощью целого ряда официальных приказов, как и просто через посредство ежедневной публичной газеты, множеством убийств самых добродетельных патриотов, кровь которых вот уже восемнадцать месяцев непрерывно заливает французскую землю. После этого вы должны броситься к ногам этих в высшей степени порядочных людей, должны просить их быть вашими изба-

вителями и проявлять к ним полнейшее доверие. Поднимайтесь же поскорей, когда эти страшные люди пробьют сбор, чтобы повести вас сокрушить их врагов, после чего они в вознаграждение устроят вам *прериальское избиение*. Немало прискорбных нелепостей совершено за время революции, но эта нелепость не может быть совершена вдобавок к другим; она и не будет совершена. Трибун народа не потерпит этого. Нет, народ ни за что не поднимется, чтобы сражаться под начальством тех, кто постоянно совершает над ним злодеяния. Я запрещаю ему это!!..

Идут разговоры об объединении, о примирении, о забвении ошибок, заблуждений. Пусть так, ошибок и заблуждений, но забыть постоянные преступления,— нет. Мы примем в свои ряды всех обманутых людей, служивших простым орудием, тех, кто провинился, имея чистые намерения, и кто нанес удар отечеству, думая, что служит ему. Но мы не проявим безумной низости и не согласимся на то, чтобы люди, систематически творившие целый ряд преступлений, которые все еще продолжают и губительные последствия которых причиняют нам столь мучительные беды,—мы не проявим безумной низости и не согласимся на то, чтобы эти люди возглавили нас сейчас, когда] дело идет о том, чтобы залечить зло, которое они причинили нам. Мы не будем настолько глупы, чтобы поверить им, когда они заявят нам (но они даже не заявляют нам этого),

что хотят искупить все свои злодеяния и что они сами пресекут их ужасные последствия. Мы не должны потерпеть даже того, чтобы эти гнусные существа взяли оружие в руки и в качестве простых солдат становились в ряд с нами. Если бы французский народ позволил себе действовать по-иному в отношении их, он был бы самым презренным из народов; он не заслуживал бы более, чтобы хотя бы один сильный и мудрый человек приложил свои силы для того, чтобы восторжествовала свобода.

Граждане, прислушайтесь к этой истине. Не бойтесь так роялистов, засевших в сенате,—они наши слуги. Мы в состоянии бороться со злом, которое они намерены нам причинить; а раз это так, то их борьба с противостоящей им партией для нас полезна. Если все власть имущие будут принадлежать к одной партии, они будут иметь больше силы против народной партии.

Необходимо, чтобы народная партия сумела одна победить роялистскую партию, кумир которой находится в Вероне, и ту, кумиры которой находятся в Люксембурге¹³⁹, не прибегая к помощи ни той, ни другой. Было бы безумием скрывать от них наши враждебные настроения в отношении их обеих, будто бы с целью помешать им принять меры предосторожности против наших настроений. Они давно уже заметили эти настроения и сделали всё, что могли, чтобы их пресечь. Они неспособны сделать это силой,

как и с помощью общественного мнения,— вот почему они прибегли к хитрости. Мы одержим победу над ними и при применении ими этого их последнего средства. Я выступаю против них совершенно открыто. Простофили, глупцы из группы осторожных, быть может, еще скажут, что лучше было бы оставаться в тени. Я заявляю, что совершенно необходимо и что настало время для того, чтобы вся масса армии санкюлотов увидела поле сражения и чтобы снова ее существование не могло более оставаться скрытым от врага. Не неожиданным для него образом мы можем и хотим одержать над ним победу, а более достойным народа путем — путем открыто действующей силы. Мы далеки от малодушия, которое заставило бы нас думать, что собственными силами мы ничего не можем сделать и что нам постоянно необходимо иметь властителей. Власть имущие устраивают всегда революции лишь для того, чтобы самим властвовать. Мы же хотим осуществить, наконец, революцию, чтобы навсегда обеспечить счастье народу путем истинной демократии. Санкюлоты! Откажемся от ненависти к известным лицам; ведь мы поднялись во имя хлеба, благосостояния и свободы. Не позволим же вводить нас в заблуждение. Не станем отвлекаться от действительной цели, в которой мы заинтересованы. Я заявляю вам об этом и повторяю: ошибочно думать, будто одни, собственными силами вы не способны ничего сделать. Только сам народ,

действуя один, сможет совершить нечто великое и достойное его. Не трогайтесь, следовательно, с места, пока не увидите, что пришли в движение и появились на сцене именно люди из народа. Не попадайтесь в ловушку; не ищите в другом месте своих освободителей; не признавайте никаких других знамен. Ни в коем случае не позволяйте обманывать себя при помощи другого софизма шпионам, истолкователям всех лживых наущений наших врагов: они утверждают, будто у них имеются свои солдаты. Они лгут, солдаты отнюдь не на их стороне, они на нашей стороне. Они наши по самой своей сущности, как и в силу их нынешних настроений. Да, солдат пойдет только с нами и ради нас. Тем лучше, что злодеи, которые на нас насаждают, привели к нам большую армию. Они поступят еще лучше, если увеличат ее, и мы будем еще более сильны. Дело сделано, поучение пустило корни среди наших зачисленных в армию братьев, которые, как и мы, вышли из народа и у которых одно общее с нами дело. Тираны все еще обманывают сами себя, когда переводят их ежеминутно с места на место: вновь прибывающих наставляют те, кто пришел раньше их, а переведенные оттуда переносят в другие места догматы, которые мы втолковали им, так что наши *отравляющие* народ обращения действуют повсюду. Нет, нет, ни гражданская, ни военная инквизиция не в силах более помешать тому, чтобы эти обращения зачитывались нашим солдатам и

нашим рабочим, которые жадно набрасываются на них и в них черпают ферменты самой действенной и самой упоительной демократической заразы. Народ! тебе достаточно, таким образом, своих собственных людей, ибо ты целиком на их стороне; на их стороне и значительная часть солдат-санкюлотов, которых надеялись ввести в заблуждение, чтобы противопоставить их тебе. Итак, когда настанет день народа, мы все вместе пойдем к верной победе, вслед за людьми из народа и исключительно под их руководством. как только они укажут нам этот счастливый день.

Гракх Бабеф, трибун народа

Пятнадцатый документ

ОБРАЩЕНИЕ ПОВСТАНЧЕСКОГО КОМИТЕТА ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ К НАРОДУ

Акт о восстании

Равенство.

Свобода.

Всеобщее благо.

Французские демократы, принимая во внимание,

что угнетение народа и его нищета переходят всякие границы; что это состояние тирании и несчастья есть результат существования нынешнего правительства;

что многочисленные преступления правителей вызывали против них повседневные

и всегда бесполезные жалобы со стороны управляемых ими;

что народная конституция, которой народ присягнул в 1793 г., была отдана им под охрану всех добродетелей;

что, следовательно, когда народ в целом утратил все возможности гарантии против деспотизма, то самые отважные, самые неустрашимые из добродетельных людей должны взять на себя инициативу восстания, как и руководство освобождением масс;

что признанные в этот же период 93 года права человека вменяют всему народу и каждой его части в качестве священнейшего из прав и необходимейшей обязанности поднять восстание против правительства, нарушающего его права, и что они предписывают каждому свободному человеку немедленно предавать смерти тех, кто узурпирует суверенитет;

что заговорщическая фракция узурпировала суверенитет, подменив своей частной волей общую волю, свободно и законно выраженную в первичных собраниях 1793 года, навязав французскому народу при помощи преследований и убийств всех друзей свободы мерзкий кодекс законов, названный конституцией 95 г., вместо демократического соглашения 1793 г., принятого с таким энтузиазмом;

что тиранический кодекс 95 года нарушает самые драгоценные права в том отношении, что он устанавливает различия между гражданами, воспрещает им санкционировать за-

коны, изменять конституцию и собираться, ограничивает свободу выбора ими общественных уполномоченных и не дает им никакой гарантии против узурпаторских действий правителей;

что творцы этого ужасного кодекса находятся в состоянии постоянного мятежа против народа, так как, пренебрегая его верховной волей, присвоили себе власть, которую один только народ может им доверить; что они создали себе собственными силами либо с помощью горстки мятежников и врагов народа одни — замаскированных королей, другие — независимых от народа законодателей;

что эти угнетатели, после того как они сделали всё для того, чтобы деморализовать народ; после того как они подвергли поношению, унизили и совершенно устранили атрибуты и учреждения свободы и демократии, привели к гибели лучших друзей республики, призывали и взяли под свое покровительство ее жесточайших врагов, расхитили и опустошили государственную казну, выкачали все национальные ресурсы, совершенно обесценили республиканский денежный фонд, совершили позорнейшее банкротство, предоставили алчности богачей всё, вплоть до последних отрепьев неимущего, вот уже около двух лет умирающего каждодневно от голода, и, не довольствуясь столькими преступлениями, хотят путем изощренной тирании лишить народ даже права выражать недовольство;

что они плели заговоры и благоприятст-

вовали им с целью поддержания гражданской войны в западных департаментах; обманули нацию притворным умиротворением, тайные статьи которого содержали условия, противоречившие воле, достоинству, безопасности и интересам французского народа;

что еще недавно они призывали на помощь свору иноземцев и что все главные заговорщики Европы находятся в настоящее время в Париже с целью осуществления последнего контрреволюционного акта;

что они расформировали и недостойным образом обращались с батальонами, доблестно отказавшимися от содействия им в их ужасных замыслах, направленных против народа; что они посмели предать суду храбрых воинов, наиболее энергично боровшихся против угнетения, и что в добавление к этому бесчестию они назвали роялистским внушением их мужественное сопротивление воле тиранов;

что трудно и слишком долго было бы проследить и полностью обрисовать антинародную деятельность этого преступного правительства, каждая идея, каждое действие которого являются преступлением против нации; что доказательства всех этих преступных действий кровью начертаны во всей республике; что из всех департаментов раздаются единодушные вопли о пресечении его деятельности; что наиболее близко стоящей к угнетателям части граждан надлежит перейти в наступление против угнетения; что эта часть граждан ответственна перед всем государством за со-

Заговор во имя равенства

хранение свободы и что слишком долгое молчание сделает ее соучастницей тирании;

принимая, наконец, во внимание готовность всех защитников свободы, —

сорганизовались в Повстанческий комитет общественного спасения и берут на себя ответственность и инициативу восстания, постановив:

Статья 1

Народ находится в состоянии восстания против тирании.

Статья 2

Целью восстания является восстановление конституции 1793 г., свободы, равенства и всеобщего блага.

Статья 3

Сегодня, с раннего утра, граждане и гражданки выступают со всех пунктов, не соблюдая порядка и не дожидаясь движения соседних кварталов, которое они вызовут своим выступлением. Они соберутся при звуке набата и труб под предводительством патриотов, которым Повстанческий комитет вручит флажки со следующей надписью:

Конституция 1793 г.

Равенство.

Свобода.

Всеобщее благо.

На других флажках будут начертаны следующие слова:

«Когда правительство нарушает права народа, то восстание является для всего народа и для каждой его части священнейшим правом и необходимейшей обязанностью.

Лица, узурпирующие суверенитет, должны быть преданы смерти свободными людьми».

Народных генералов можно будет отличить по весьма заметным трехцветным лентам, развевающимся вокруг их головных уборов.

Статья 4

Все граждане с оружием в руках или, за неимением оружия, с другими наступательными орудиями направляются под исключительным предводительством вышеназванных патриотов к административным центрам их округов.

Статья 5

Повстанцы забирают все виды оружия всюду, где они найдут его.

Статья 6

Заставы и водные пути должны строго охраняться: никому не должен быть разрешен выезд из Парижа без официального и специального распоряжения Повстанческого комитета; в город могут иметь доступ лишь курьеры, разносчики и развозчики съестных припасов, которым будет обеспечена защита и безопасность.

Статья 7

Народ захватит государственное казначейство, почту, дома министров, все государственные и частные склады, в которых имеется продовольствие или боеприпасы.

Статья 8

Повстанческий комитет общественного спасения отдает приказ легионам примыкающих к Парижу военных лагерей, поклявшимся умереть во имя равенства, о повсеместной поддержке усилий народа.

Статья 9

Патриоты, проживающие в провинции и бежавшие в Париж, храбрые офицеры, отрешенные от должности, призываются отличиться в этой священной борьбе.

Статья 10

Оба Совета и Директория, являющиеся узурпаторами народной власти, будут низложены. Все входящие в их состав члены будут немедленно преданы суду народа.

Статья 11

Так как любая власть уступает место власти народа, то никакой так называемый депутат, член узурпаторской власти, никакой член Директории, никакое начальствующее лицо, никакой судья, офицер, унтер-офицер национальной гвардии, никакое общественное должностное лицо не вправе осуществлять

какую бы то ни было власть или издавать какое-либо предписание; лица, которые нарушат это постановление будут немедленно предаваться смертной казни.

Любой член так называемого Законодательного собрания либо член Директории, застигнутый на улице, должен быть задержан и немедленно отведен к месту его обычного пребывания.

Статья 12

Всякое сопротивление должно быть немедленно подавлено силой. Сопротивляющиеся подлежат истреблению.

Подлежат также смертной казни:

Лица, которые будут сами или заставят других бить сбор;

Иностранцы, к какой бы национальности они ни принадлежали, которые будут застигнуты на улице;

Все председатели, секретари и командиры вандемьерского монархического заговора, которые также посмеют открыто показаться.

Статья 13

Всем посланникам иностранных государств предписывается оставаться дома на время восстания; они находятся под охраной народа.

Статья 14

Съестные припасы всякого рода будут вынесены для раздачи народу на площади.

Статья 15

Все пекари будут мобилизованы для непрерывной выпечки хлеба, который будет бесплатно распределяться среди народа; им будет заплачено согласно их заявкам.

Статья 16

Народ не должен успокаиваться до тех пор, пока тираническое правительство не будет уничтожено.

Статья 17

Все имущества эмигрантов, заговорщиков и других врагов народа будут безотлагательно распределены между защитниками отечества и неимущими.

Неимущие по всей республике будут немедленно вселены в дома заговорщиков и наделены мебелью.

Предметы, принадлежащие народу и заложенные в ломбарде, будут немедленно возвращены ему безвозмездно.

Французский народ принимает на свое содержание жен и детей храбрецов, павших в этом священном деле; он будет кормить и содержать их; он поступит точно так же с их отцами и матерями, братьями и сестрами, находившимися на их иждивении.

Сосланным и скитающим по всей республике патриотам будут оказаны всяческая помощь и содействие с целью их возвращения в лоно их семей. Они будут вознаграждены за понесенные ими утраты.

Так как война против внутренней тирании больше всего мешает общему спокойствию, то те из мужественных защитников свободы, которые докажут, что они содействовали окончанию этой войны, получают возможность незамедлительно вернуться к своим очагам с оружием и багажом; по возвращении они, кроме того, получают так давно обещанное им вознаграждение.

Те из них, которые изъявляют желание продолжать служить республике, будут также немедленно вознаграждены достойным образом соответственно щедрости великой, свободной нации.

Статья 18

Общественная и частная собственность ставятся под охрану народа.

Статья 19

Забота о завершении революции и о предоставлении республике свободы, равенства и конституции 1793 г. будет доверена назначенному восставшим народом по представлению Повстанческого комитета Национальному собранию, состоящему из демократов, по одному от каждого департамента.

Статья 20

Повстанческий комитет общественного спасения объявляет свои заседания непрерывными вплоть до полного завершения восстания.

Шестнадцатый документ
9 флореалья

НАРОД САНКЮЛОТОВ ПАРИЖА —
ПОЛИЦЕЙСКОМУ ЛЕГИОНУ ¹⁴⁰

Отважные братья,

Ваш сигнал услышан, ваш поступок получил одобрение, ваша твердая решимость вызывает в нас восхищение. Неужели настал момент сокрушить новые скипетры? Неужели свобода установила, что в наши дни наступит конец общему угнетению? Народ полон готовности.

Нет, вы не покинете нас. Нет, вы не отправитесь умирать от меча иноземных рабов, сообщников наших. Вот что для вас уготовано. Наши тираны заключили ужасное соглашение с теми, против кого мы боремся в продолжение шести лет: они договорились выдать им на закланье всех преданных защитников отечества; вы, братья наши, достойны того, чтобы первыми принести себя в жертву: вы взяли на себя защиту интересов народа; вместе с ним вы протестовали против всех покушений его угнетателей; при виде злодейских приготовлений вы показали, что отнюдь не желаете быть в числе его палачей. Париж, осажденный, под угрозой быть преданным огню и мечу за недовольство тем, что его вместе со всей республикой морят голодом, обирают, унижают; наконец, Париж, попавший под иго горстки жестоких узурпаторов, вызвал в вас сострадание и живой интерес. Дорогие

товарищи, от вас зависит наше спасение, которое покроет вас славой. Вы можете проявить инициативу среди освободителей народа. Вы проявите ее: ваши друзья, ваши братья, ваши жены, ваши родственники требуют, чтобы, подобно тому, как они не отдали вас на уготованную вам гибель, и вы, со своей стороны, не дали им погибнуть в стенах этого города. Ваши братья, незаконно заточенные в лагерях, уже слышали от вас правду; пример ваш окончательно их убедит. Вопреки всяким запретам и препятствиям к общению с остальными смертными, они узнают, что в борьбе народа против тех, кто им управляет, правым является народ. Они узнают, что не народ надо уничтожать. Обратимся с призывом к этим храбрецам, и они также придут к нам. Что касается народа, то он сам заявляет о своей готовности. Его руководители дадут ему сигнал. Он прислушивается к ним, он на вашей стороне. Его тираны рассеются, свобода вновь вернется; снова будет изобилие и счастье; повсюду восторжествует республика и будут приняты надежные меры к тому, чтобы она не пала больше.

Семнадцатый документ

ЗАМЕТКА ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ¹⁴¹

Убежденный в том, насколько необходимо полностью обмануть роялистов и ввести их в заблуждение относительно наших истинных

намерений в подготовляемом движении, для того чтобы не позволить им и правительству применить против нас во время движения их банальные клички — террористов, якобинцев, прериальских мятежников и т. д., я полагаю, что следовало бы с самого начала написать мелом на головных уборах у всех людей: *народная армия, долой тиранов*.

Надо будет выступить также со знаменами трех видов со следующими надписями: *народная армия; долой тиранов; народное мщение*. Этот способ представляется мне вполне пригодным, для того чтобы заставить служить нашим замыслам самих наших врагов. Об этом можно судить по аплодисментам, которые вызывают у них в театре слова: «*Трепещите, тираны*» и т. д. Когда успех окажется на стороне народной партии, тогда надо будет показать в театральной форме словно спускающиеся с облаков знамена с надписями: «*Конституция 93 года; всеобщее благо; победа народа*» и т. д.

Вы увидите, как среди аплодисментов и тысячекратного «браво» восстание само собой направится к своей естественной цели.

Только таким путем можно надеяться направить усилия всех людей против общего врага, извлечь верную пользу из народной ненависти и избежать противодействия роялистской фракции, которое может оказаться весьма вредным при начале действия.

Восемнадцатый документ

РЕЧЬ К ПОСЛАНЦУ
КОМИТЕТА МОНТАНЬЯРОВ ¹⁴²

Вам известно, гражданин, какие усилия приложили некоторые демократы для восстановления прав народа.

Вы знаете, что, несмотря на все преследования и эшафоты, мы находили в себе достаточно мужества и неустранимости, чтобы отстаивать священное дело человечества, и до сих пор продолжали пренебрегать опасностями во имя создания партии оппозиции против тирании.

Из темниц, куда мы были удостоены быть брошенными тиранами, мы вышли в период вандемьера лишь для того, чтобы снова на нее обрушиться. Священный огонь в то время погас; народная масса была роялизирована; часть патриотов, сломленных, усталых, переродившихся в тюрьмах, была весьма счастлива очутиться на свободе; если их не сломала тюрьма, то они готовы были вступить в сделку с жестоким и узурпаторским правительством и даже перейти к нему в услужение, принять его планы. Если некоторые еще достойные свободы люди показывали им, насколько бесчестно и постыдно было это соглашение, то большинство из них находило для себя еще более позорное оправдание; они заявляли, что делают это с задней мыслью и что они братаются со своими врагами лишь

для того, чтобы завладеть их доверием и суметь задушить их, когда будут достаточно для этого сильны.

Мы хотели внести больше законности в войну добродетели против преступления. Мы атаковали его в лоб, заставили республиканцев играть роль, более достойную их; мы вернули им их прежнее достоинство; мы отворачивали также у роялизма народ; мы открыли ему глаза на ложное мнение, которое злодеи с целью подстрекательства внушали ему,—мнение о том, будто плачевное состояние, в которое они привели его, есть результат республиканской системы; нам удалось показать народу, что оно, напротив, является результатом жестоких реминисценций роялизма и крушения здания республики и что, если бы это здание было завершено, оно принесло бы максимальное благо.

Нам посчастливилось добиться цели, к которой мы стремились путем этого наставления — настроить патриотов и народную массу на то, чтобы низвергнуть существующее тираническое правительство и поставить на его место правительство, более достойное великой революции, которую французы имели мужество предпринять.

Мы поняли, что революционных газет недостаточно, чтобы привести нас к нашей цели. Мы сочли своим долгом несколько месяцев назад объединиться в комитет, в состав которого входит ряд мужественных демократов, организовать с целью восстания и органи-

зовать вокруг себя все необходимое для успешного осуществления восстания.

Мы многое сделали для этого; считаем, что мы собрали значительную часть материалов и подготовили почти все распоряжения, необходимые для такой цели.

У нас имеются сведения о местах, где хранятся боевые припасы, как и о способах овладения ими. Мы располагаем списками патриотов, людей твердого характера, со всего Парижа; мы располагаем средствами по первому сигналу поднять народ. Мало того, мы располагаем организацией гражданских и военных агентов, готовых к действию. У нас отпечатано полностью воззвание о нашем восстании.

Это восстание должно было уже вспыхнуть, когда нами были получены сведения и нам представлены были соображения, наведшие нас на некоторые серьезные размышления.

Мы должны заявить вам совершенно откровенно: для осуществления этого восстания мы решили обойтись без всех тех, кто входил в состав различных национальных собраний. Не имея ничего общего ни с какими фракциями, действуя только в интересах народа, мы полагали, что лучшее, что мы можем сделать,— это удалить из народного правительства всех, кто мог бы привнести в него былые предрассудки, способные нанести вред полному возрождению народа.

Вам, граждане, придется выслушать от нас несколько резко сказанных истин, их неизменно следует приписать нашей предельной

чистосердечности. Мы ставили в укор мон-таньярам то, что они не выполнили полностью своего долга, возложенного на них народом; мы ставили им в укор то, что они не отстаивали его прав ценой своей жизни.

Мы опасались также того, что вслед за тем, как мы снова призовем их к кормилу законодательной власти, могут возродиться дразги и раздоры, естественные плоды былых расхождений, семена которых продолжают существовать в головах большинства из них.

Мы, наконец, были убеждены в том, что можем всё сделать, и сделать лучше без них.

Мы считаем, что в последние дни получили если не доказательство, то, по крайней мере, сильную презумпцию того, что дело обстоит как раз наоборот, и мы не хотели подвергнуть отечество гибели.

Нам было сделано несколько предложений, в которых нам было сказано, что, действуя со своей стороны в тех же целях, что и мы, вы желали бы, чтобы мы объединили наши усилия.

Мы решились принять это предложение, тем более что опасались, как бы мероприятия, предпринимаемые вами и нами, не столкнулись и не нанесли вреда друг другу; мы опасались также того — об этом надо сказать, — как бы в решающий момент вы не стали поперек нашим проектам и не вышло так, что различные отряды защитников народа окажутся в разногласии между собой и что ко всем тем войнам, которые приходится вести

республике против ее различных врагов, прибавится новая междоусобная война. Такое несчастье и все вытекающие из него последствия привели нас в ужас. Мы решили предупредить все это, объединившись с вами. Мы призвали вас, чтобы передать вам это решение. Нам хотелось бы, чтобы оно оказалось для вас приятным, чтобы мы могли полностью договориться, объединить и сочетать наши возможности во имя спасения народа и его избавления от тирании. Забудем всё во имя достижения этой счастливой цели.

Девятнадцатый документ

Париж, 18 флореаля IV года республики .

ДИРЕКТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ — АГЕНТАМ ДВЕНАДЦАТИ ОКРУГОВ ¹⁴³

Граждане,

Никогда еще заговор по своим мотивам и цели не был столь священным, как наш; никогда не существовало также такого заговора, действующие лица которого показали бы себя столь достойными оказанного им доверия. Никто никогда столь долго и столь удачно, как мы, не действовал тайно против вероломного правительства. Как ни старалось оно в своей беспокойной бдительности применять пытки и до конца использовать все рычаги самой жестокой инквизиции, ему

до сих пор все еще не удалось достигнуть чего-либо положительного.

Этот результат делает честь нашему выбору, павшему на вас. Он дает нам величайшую гарантию для еще большего — если это только возможно — доверия, нежели то, которое мы оказывали вам до сих пор. От таких людей, как вы, у нас не должно быть более никакой затаенной мысли. Вы должны читать в наших сердцах, как читаем мы сами, и мы обязаны говорить вам всю правду.

Вот уже несколько дней, как наша переписка с вами стала с нашей стороны менее активной; тон ее менее твердый, менее решительный, более неуверенный, чем до сих пор. Наши действия должны были показаться вам отмеченными печатью какой-то небрежности, вялости, неуверенности. И в какой, однако, момент! В момент, когда, казалось, энергия должна была быть удвоена, когда патриоты и народная масса громогласно требовали сражения и когда обстоятельства казались им весьма благоприятными для того, чтобы выиграть сражение. Это дает вам возможность высказаться, может ли тем не менее наше поведение быть оправданным; если оно не может быть оправдано, необходимо, чтобы вы первые, а затем все патриоты, умонастроение которых вы направляете, навсегда заклеямили и даже покарали тех, кто взялся ими руководить.

Мы могли бы ограничиться заявлением, что когда мы окинули взором имеющиеся у

нас средства наступления, то с полным основанием нашли их недостаточными, вследствие чего сочли своим настоящим долгом приостановить патриотический порыв, который мог стать сигналом к истреблению демократов, тем более что ужасные уроки жерминаля и прерияля должны быть постоянно перед глазами республиканцев и что достаточно еще лишь одного такого урока, чтобы погубить их навсегда.

Нас остановило не только одно это сообщение. Нам известно, что во время восстания необходимо дерзать, необходимо, так сказать, быть более чем смелым. Вот в основном то, что вызвало с нашей стороны кажущееся промедление.

Все мы хотим, как вам известно, чтобы это восстание было последним, чтобы оно принесло, наконец, счастье народу. Нам пришлось принять все предосторожности, способные обеспечить такой результат. Мы хотели, чтобы воззвание, которое объявит это восстание, служило гарантией первого благодеяния, простого вступления в состояние высшего счастья, которое мы намереваемся доставить народу; мы хотели — заявляем мы, — чтобы это воззвание прежде всего гарантировало *раздачу неимущим имущества всех заговорщиков*; чтобы затем было сказано, что *неимущие будут вселены в дома заговорщиков и наделены мебелью и т. д. и т. п.* Для того чтобы эти и другие столь же благие перемены могли быть осуществле-

ны, необходимо быть убежденным в том, что власть, уйдя из рук злодеев, обладающих ею, перейдет в руки истинных, безусловных и абсолютных демократов, людей из народа и самых больших его друзей. Каким же образом передать им эту власть? — вот какое затруднение удерживало нас и все еще продолжает удерживать. Именно обсуждение этого деликатного вопроса и вынудило нас упустить ряд преимуществ, которые могли быть весьма ценными для нас, и установить, в чем состоит успех сражения, которое нам предстоит дать.

Выигрыш сражения — ничто, если мы не обеспечим себе возможность использовать победу.

Вот почему мы отпечатали в количестве 30 тысяч экземпляров первое воззвание, в котором мы установили, что Директория общественного спасения заменит существующую тираническую власть Национальным собранием, состоящим из членов, избранных из числа наиболее деятельных и испытанных демократов, по одному от каждого департамента, список которых будет представлен самой Директорией и одобрен народом. На это Собрание и будет возложено завершить совместно с Повстанческой директорией революцию и обеспечить всеобщее благо.

Множество соображений привело нас затем к выводу, что мы будем сильнее и более уверены в успехе, если призовем преследуемых депутатов бывшей Горы, не участвовав-

ших в нарушении конституции 1793 г. и насильственно изгнанных. Мы установили, что в глазах демократов эти люди составляют законную власть, от которой они отнюдь не были отрешены народом, и, стало быть, она все еще существует. Мы, однако, не скрывали от себя, что эта часть членов Конвента была почти так же виновна и так же нарушила конституцию, как и остальные, прежде всего потому, что с 9 термидора они снова начали действовать и позволяли действовать другим; что они без сопротивления позволили разрушить камень за камнем здание демократии, что 5 мессидора они не сказали своего слова, когда бесчестный Буасси д'Англа появился на трибуне и заставил принять его антинародный кодекс законов; что они затем не решились из трусости открыто протестовать против этого мерзкого покушения *; что они, наконец, имели необычайную низость принимать в большинстве случаев поручения от узурпаторского и угнетательского правительства. Однако *сильнейшие доводы, которые мы приведем вам, как и народу*, позднее принудили нас на короткое время закрыть глаза на эти обстоятельства и пойти на большие жертвы, чтобы извлечь пользу от людей, без которых, как мы видим, было бы, вероятно, невозможно освободить отечество от нестерпимого порабощения, в котором оно пре-

* Три последних обвинения, предъявленные в такой общей форме, представляются мне преувеличенными (*Примечание автора книги*).

бывает. Мы решились, таким образом, использовать их; но в то же время мы хотели оградить народ, чтобы он не попал в тиски новой тирании, когда власть окажется в их руках. Мы условились, что восстановим тех из оставшихся членов Конвента, которые были наименее запятнаны, т. е. преследуемую их часть численностью около 68 человек; что мы приставим к ним по одному члену от каждого департамента. Выбор таких людей, сделанный нами совместно с восставшим народом, будет служить против этих членов Конвента оппозиционным фронтом, насчитывающим более 100 самых деятельных и наиболее ярко выраженных демократов, не считая того, что мы сохраним наименование и власть Повстанческого комитета общественного спасения *вплоть до того времени, когда весь народ будет вполне счастлив и спокоен.*

Мы договорились об этом с бывшими монтаньярами. Они приняли все условия и обещали содействовать нам всеми имеющимися в их распоряжении средствами. Ввиду этого было отпечатано новое воззвание в количестве 50 тысяч, и мы приступили к подготовке восстания.

Поверите ли, граждане? Эти члены Конвента раздумали и заявили нам, что не желают более давать патриотам гарантии против их тирании, которую легко было предвидеть; они заявили нам, что не согласны более на присоединение к ним по одному демократу от каждого департамента, т. е. что они требуют

уничтожения насилия с тем, чтобы установить другое насилие; они требуют, чтобы было низвергнуто насилие сегодняшнего дня с тем, чтобы было установлено их собственное насилие.

Свои притязания они подкрепляют самыми жалкими софизмами и почти ни во что не ставят единственный довод, который мы считаем превосходным: довод о том, что мы хотим низвергнуть господство мошенников исключительно для того, чтобы наиболее прочно установить власть народа.

Вот, друзья, совершенно откровенно причина того, что остановило нас. Мы всё ещё не сдвинулись с места. Эти добропорядочные монтаньяры чинят нам препятствия; их мало смущает то, что пока они препираются относительно цены, может навсегда погибнуть отечество — только бы удовлетворены были их честолюбие и спесь. Повторяем, обстоятельства, объяснить которые мы вам не можем сейчас, ставят нас, к несчастью, в такое положение, что мы по необходимости не можем обойтись без них.

В заключение этого послания нам хочется сказать вам, что тем не менее, если только сможем, мы обойдемся без них и что если это нам не удастся, то надо будет руководить народом так, чтобы предупредить зло, которое они ещё смогут нам причинить, — таким образом, чтобы помимо их воли противопоставить им уравнивающее начало, которое они отвергают.

Народ обвиняет нас в инертности. Как прискорбно, что мы не можем сказать ему, так же как вам, что́ служит для нас препятствием! Наши народные писатели не смогут этого сделать, не подвергая опасности самое существенное. При таком крайне досадном для нас положении мы просим вас: выведите, по крайней мере, патриотов из заблуждения, не передавая им, однако, всех частных, которые мы только что изложили исключительно для вас, заверьте их, что их руководители по-прежнему заслуживают доверия, и призовите их к терпению и к сохранению энергии, которую так или иначе придется сдерживать лишь на очень короткий срок.

Надо умереть или победить. Лучше умереть в славном бою, чем ждать гибели от руки наших тиранов, которые убьют нас одним из тысячи способов, которые они применяют и будут применять в дальнейшем.

Ждите же непрестанно решающего момента. Никким образом не беспокойтесь в случае, если увидите, как и в том случае, если не увидите, рядом с нами остатков Горы. Запомните, однако, одну из важнейших для вас инструкций — инструкцию о том, чтобы окружить огромной силой народа Повстанческий комитет в момент, когда он — как это может случиться — отправится на заседание возобновленного Конвента, чтобы предписать ему волю народа и обеспечить счастливые результаты восстания, как и немедленное осуществление того, чего потребует народ, того.

что согласно желанию народа должно быть поставлено рядом со скелетом Конвента, гарантировать претворение в жизнь полного возрождения, которое необходимо осуществить.

Р. S. Сообщи нам немедленно, приготовлены ли у тебя флажки; это деталь, но существенная.

В. 18-го, 9 часов вечера. Мы только что узнали, что монтаньяры уступают настоящим аргументам, которые мы повторно выдвинули перед ними. Они окончательно соглашаются на всё, что нам угодно. Таким образом, чрезвычайно дорога каждая минута. Заявляем, что заключение нашего послания, касающееся выступления народных масс во главе с Повстанческим комитетом, остается в силе, и вам особо рекомендуется сдержанность, которую оно требует.

Двадцатый документ

Свобода. Равенство.
Всеобщее благо или смерть.

26 жерминаля IV года

АВТОР ПИСЬМА СВОБОДНОГО ФРАНКА
БРАТЬЯМ РЕСПУБЛИКАНЦАМ
ПОВСТАНЧЕСКОЙ ДИРЕКТОРИИ¹⁴⁴

С неизъяснимым удовольствием получил я, братья республиканцы, инструкции и свидетельство о присвоении мне звания вспомога-

тельного агента, которое мне пожаловано вашим доверием через посредство брата Д. Т. Г. Надеюсь в скором времени оправдать мнение, составленное вами обо мне, если не своими дарованиями, то, по крайней мере, своим рвением, постоянством, отвагой и главным образом своей скромностью.

Детальное знание Парижа, в котором я проживал в продолжении восьми лет, я соединяю в себе с еще более ценной осведомленностью об умонастроении военных, которое я изучал всесторонне в качестве наблюдателя на протяжении семи лет, а со времени этой войны главным образом во время походов. На основании этих сведений я счел долгом набросать следующие соображения, которые предлагаю на ваше мудрое рассмотрение.

Было бы поистине ошибочно полагать, что те же стимулы, в силу которых было совершенно восстание воинских частей в 89 году, могут еще и сейчас эффективно служить целям нового восстания. Машина приобрела другую форму, следовательно, нужна иная комбинация пружин, чтобы привести ее в действие. Я объяснюсь.

При монархическом режиме солдат, право же, был в меньшей степени поработщен, чем в настоящее время. Но он знал, что является рабом, так как от него это не скрывали; его офицеры не упускали случая беспрестанно напоминать ему об этом. Огромная дистанция, отделявшая их от солдата, слишком силь-

но давала ему чувствовать его унижительное положение.

Отсюда вытекало то, что в 1789 г. солдат принял сторону народа в меньшей степени из любви к свободе и равенству, о которых он в то время мог иметь лишь смутное представление, нежели в силу закоренелой ненависти, которую он питал к своим офицерам, ненависти, взрыв которой был тем более ужасен, что она долгое время подавлялась; эта ненависть, это бродильное семя, была в то время если не единственной, то по крайней мере сильнейшей побудительной причиной, поднявшей на восстание наши войска. Эта истина слишком очевидна, чтобы ее можно было оспаривать.

Сейчас всё обстоит по-иному: за исключением лишь самых высших чинов, почти вся масса офицеров состоит из бывших солдат, источником существования которых является их жалование, сводящееся приблизительно к восьми су звонкой монетой в день для командира батальона. Это обстоятельство вынуждает большинство офицеров, капитанов и прочих есть из общего котла со своими солдатами и, следовательно, вступать в самое тесное общение с ними. Эта одинаковая степень нуждаемости порождает между ними взаимную дружбу, привязанность и доверие, в противоположность тому, что было до 89 года. Отсюда следует, что солдат, привыкший, как все люди, судить о своей участи путем сравнения ее с участью других, глядя на своих офицеров,

находит, что между ними и им существует слишком незначительное различие, чтобы питать к ним большую зависть. Офицер же, которого убаюкивают надеждой на лучшую участь в ближайшем будущем, делится этой призрачной надеждой с солдатом; это их утешает и усыпляет обоих летаргическим сном. Кроме того, современное гражданское состояние готовит большинству военных еще худшую участь, чем та, которую они в настоящее время переносят, находясь под ружьем, что в немалой степени способствует тому, чтобы держать их под ярмом, в рабском подчинении.

Но, могут сказать, как же это не находятся среди офицеров, не все из которых являются автоматами, такие, которые раскрыли бы глаза своим товарищам? Как! По очень простой причине: все те, кого заставила взяться за оружие истинная и исключительная любовь к свободе, бросили военную службу, если только они смогли это сделать, после 9 термидора, т. е. после того, как потерпело крушение дело, которое они взялись защищать. Некоторые из них, кому невозможно было отстраниться, вынуждены были еще остаться; но Исполнительная директория, которой угодны только совершенно покорные существа, постановлением от 6-го текущего месяца о новой организации армии назначила им срок для ухода в отставку. Отсюда следует, что офицерами в армии отныне останутся лишь лица, которые, будучи лишены состояния, не обладая дарованиями и ресурсами, состарившись к

тому же в рабском подчинении, не смогут не повиноваться из боязни лишиться эполетов, на которое они смотрят как на *вершину* доступного для них счастья; офицерами в армии будут, наконец, лишь такие лица, которые при королях имели честь носить шерстяные нашивки на рукаве и бить солдат наотмашь клинком сабли. Вот именно такие офицеры сейчас нужны нынешнему правительству.

Что касается вообще солдат, то это уже не те пламенные защитники свободы 1792 и 1793 гг.: большинство тех храбрецов полегло на полях славы; масса же оставшихся состоит из завербованных в армию сельских жителей, которые служат свободе так же, как каторжники отбывают службу на галерах. Нередко в батальоне из четырехсот человек можно едва встретить сорок солдат, умеющих кое-как читать и писать. Городская молодежь, получившая некоторое образование, почти вся нашла способы избежать военной службы. Единственным предметом желаний большинства солдат (которых ошибочно все еще называют волонтерами), их желание, говорю я,— поскорее вернуться к своим очагам. И я могу заверить, что среди них имеются тысячи, которые придают революции так мало значения, что они охотно пожертвуют республикой ради одного своего деревенского пирога. Но зато мы имеем среди них около трети, которые, будучи солдатами по профессии и предназначенными для этой профессии при любом режиме, способны на всё, когда их используют умело.

В большинстве своем это настоящие сорвиголовы, которые, пользуясь своим влиянием, постоянно увлекают за собой нерешительных и апатичных. Чтобы привести этих людей в движение, нет надобности в красивых и пространных речах — для этого достаточно вина и видов на грабеж: без этих двух вещей от них нечего ожидать. Конвенту было хорошо известно это средство; 13 вандемьера он сумел найти ему хорошее применение.

Последние, о которых я говорил, — это вообще конные войсковые части, особенно драгуны, гусары, егеря.

Руководствуясь этими общими наблюдениями, я хочу наметить средства, которые, по моему мнению, следует применить для осуществления желанного всеобщего возрождения:

1. В наших письменных и устных выступлениях подрывать всеми силами авторитет генералов и их штабов, но щадить низших офицеров.

2. Провоцировать если не дезорганизацию воинских частей, то, по крайней мере, невозможное неповиновение, для того чтобы в дальнейшем суметь, в случае надобности, расформировать их.

3. Говорить одновременно о разграблении богачей и об окончательном увольнении из армии; в зависимости от обстоятельств можно будет уклониться от выполнения этих обещаний; не следует, однако, слишком много говорить об абсолютном равенстве, ибо начальни-

ки, шуаны, уже с давних пор до такой степени восстановили военных против этой системы, что они не только считают ее неосуществимой, но и вообще полагают, что она является верным признаком для опознавания роялистов. Это кажется странным, но тем не менее это так.

И, наконец, 4. Когда приблизится день великого деяния, весьма существенно, на мой взгляд, устроить нечто вроде балов в соседних с казармами харчевнях; туда можно будет привлечь солдат, и там, напоив их, можно будет при известной ловкости поднять их настроение до необходимого уровня.

Предлагаю вам, братья республиканцы, эти соображения с тем, чтобы дать вам совет. Если вы сочтете нужным следовать моим взглядам, то я прошу вас известить меня об этом; в ближайшие дни я займусь работой, которую назову «Диалог между Деревянной ногой и Свободным франком». Этот диалог подробно коснется нынешней нищеты и униженного положения солдата в сравнении с его положением в 92 году.

За этой работой, написанной в солдатском стиле, последует вскоре (насколько мне позволит свободное время) другая работа под названием: «Ответ Террора Свободному франку».

Я читал и перечитывал инструкцию, и еще буду перечитывать ее, чтобы вникнуть в ее содержание и точно придерживаться ее*.

С братским приветом.

* Это письмо написано предателем Гризелем.

Двадцать первый документ

СВОБОДНЫЙ ФРАНК —
ТАЙНОЙ ДИРЕКТОРИИ и т. д.

17 флореаля

В продолжение трех декад я делал тщетные усилия отыскать брата среди моих товарищей из Гренелльского лагеря. Я уже отчаялся было добиться этого, когда счастливый случай принес мне успех, причем такой, который доставит мне в скором времени другие, более солидные успехи.

Вот как было дело. Вчера я провел часть послеобеденного времени за бутылкой вина с лейтенантом моего батальона по имени Монсьон (человеком с ораторскими и военными способностями, старым солдатом из Фландрии). Я давно подозревал в нем добрые принципы, и именно для того, чтобы протупать его, я и уединился с ним. После долгого разговора о политике вообще и после того как я достаточно напоил его, чтобы заставить говорить (ибо от природы он весьма сдержан), он признался мне с тем сердечным излиянием, которое служит верным признаком искренности, что он всегда оставался демократом, но, потеряв надежду увидеть в скором времени республиканцев вновь воспрянувшими, он и некоторые из его старых друзей из Фландрии, превращая необходимость в добродетель, прикинулись сторонниками правительства. Я воспользовался

случаем, чтобы придать ему мужества, и, заверив его, что разделяю такой же образ мышления, дал ему понять, что мне известно совершенно точно о готовности к восстанию более 40 тысяч санкюлотов, которые сокрушили бы уже тиранов, если бы не опасение, что им придется вступить в борьбу с нами, солдатами правительственных войск.

Я добавил, что всё говорит о том, что это не помешает им в скором времени восстать и что мы наверняка окажемся жертвами, подобно тому, как ими оказались 10 августа швейцарцы. Ничего больше я не сказал, но этого было достаточно, чтобы мы договорились о следующем:

1. Сегодня же он увидится с тремя его давнишними друзьями, которых он хорошо знает, и склонит их подготовить вместе с ним войска к тому, чтобы в решительный момент оказать помощь народу; он познакомит меня со своими друзьями, не назвав им моего имени; он заявит им (что весьма существенно) и уверит их в том, что 300 человек уже завербовано, но что существует договоренность о том, что знакомы между собой могут быть только четыре человека с другими четырьмя — с целью предотвращения предательства; по усмотрению количество их может быть доведено до 15—20 человек, в том числе не более трех офицеров (так как это наименее поддающийся влиянию чин). Когда это небольшое ядро будет сформировано, я вручу каждому из них около тысячи франков

ассигнатами для вербовки солдат и распространения среди них идеи о неповиновении. Вот откуда я получу эти деньги (ибо, на мой взгляд, это великий рычаг): 1) у одного из моих братьев в Абевилле хранятся мои 35 тысяч ливров ассигнатами; я попросил прислать их мне, письмо находится уже в пути; 2) у меня имеется двоюродный брат по имени Понтикур, нотариус, проживающий на улице Сент-Круа де ла Бретонери, с которым я вижусь редко, так как он очень богат и, следовательно, отъявленный роялист; он часто предлагал мне займы деньги, чтобы приодеться, ибо — говорил он — у меня скорее вид санкюлота, нежели капитана. Я всегда пренебрегал его предложениями, так же как и им самим, однако не ссорился с ним из известного уважения к его отцу и т. д. Я отыщу этого двоюродного брата, скажу ему, что скоро буду назначен чиновником в военном ведомстве, и попрошу его одолжить мне тысяч десять франков, чтобы приодеться; он сделает это с готовностью*.

Двадцать второй документ¹⁴⁵

Этот документ совпадает с пятнадцатым (см. стр. 245), за исключением следующих изменений:

* Это письмо принадлежит предателю Гризелью, который написал его после того, как сделал донос о попытках демократов.

Между 4 и 5-й мотивировкой читайте следующее:

«что Национальный конвент никогда не был распушен; что он был лишь разогнан силой по воле тиранической контрреволюционной фракции; что по праву он существует и поныне; что он мог быть заменен лишь Законодательным собранием, свободно избранным народом в соответствии с его демократической конституцией».

Между статьями 10 и 11-й читайте следующую статью, которая становится десятой*:

«Конвент немедленно соберется и вновь приступит к своим функциям».

Номера всех последующих статей увеличиваются на одну единицу.

В конце статьи 11-й, которая становится 12-й, добавьте следующие слова:

«Члены Конвента будут опознаваться по особому признаку; этим признаком будет красная обшивка вокруг шляпы».

Вместо статьи 19-й, которая становится 20-й, читайте следующее:

«Ввиду того, что в результате удаления узурпаторов из органов национальной власти представительство народа будет неполным, а также ввиду невозможности избрать в настоящее время через первичные собрания людей, достойных доверия народа, Национальный конвент включит немедленно в свой

* Неточность. Следует читать: одиннадцатой.—
Рсд.

состав по одному члену от департамента, избранному среди наиболее ярко выраженных демократов и главным образом среди лиц, которые наиболее активно будут содействовать свержению тирании. Список этих лиц будет представлен уполномоченными той части народа, которая возьмет на себя инициативу восстания».

Двадцать третий документ

ПРОЕКТ

Равенство

Свобода.

Всеобщее благо.

Повстанческая директория общественного спасения,

принимая во внимание, что народ долгое время убаюкивали пустыми обещаниями и что настала, наконец, пора действительно позаботиться о его благе, этой единственной цели революции; принимая во внимание, что величественное восстание настоящего дня должно навсегда уничтожить нищету — этот постоянный источник всякого угнетения;

постановляет о нижеследующем:

Статья 1

По окончании восстания неимущие граждане, находящиеся в настоящее время в плохих помещениях, не возвратятся в их обычные жилища; они будут незамедлительно вселены в дома заговорщиков.

Статья 2

У вышеупомянутых богачей будет изъята мебель, необходимая для того, чтобы с удобствами обставить жилища санкюлотов.

Статья 3

На революционные комитеты Парижа возлагается обязанность принять все меры для быстрого и точного выполнения настоящего постановления.

Двадцать четвертый документ

ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ
О НАРОДНОМ СУДЕ*Фрагмент*

Повстанческий комитет общественного спасения, принимая во внимание, что наказание неверных уполномоченных, узурпаторов народного суверенитета, является первым долгом восставших по отношению ко всему народу;

принимая во внимание, что это наказание должно налагаться таким образом, чтобы устрасить одних лишь предателей и отнять у врагов равенства всякий предлог для клеветы на парижский народ;

постановляет о нижеследующем:

Статья 1

Узурпация и тирания членов обоих Советов и Исполнительной директории очевидны.

Закон * карает смертью узурпаторов народного суверенитета.

Статья 2

Восставшим народом создается комиссия, в состав которой входят вышеуказанные лица.

Статья 3

Эта комиссия действует на глазах у народа: заслушав Повстанческий комитет или назначенного им обвинителя, она объявляет, *имеется ли у народа основание, чтобы помиловать нарушителя своего долга.*

Статья 4

Восставший народ, собравшись по секциям в той форме, в какой это будет указано, удовлетворяет либо отказывает в просимом помиловании.

Статья 5

Граждане... **, члены нынешних обоих Советов, достойны народного доверия; они ставятся под его особое покровительство.

Статья 6

С целью ускорить наказания предателей каждый окружной агент называет и представляет на утверждение собравшегося народа четырех граждан от каждой секции.

* Ст. 27 Декларации прав 1793 г.

** Пропуск в подлиннике.-- Ред.

Статья 7

Комиссия разделяется на 6 секций; в каждой секции выносят суждение 22 члена; остальные замещают отсутствующих; председательствует старший из членов; состав каждой секции решается жребием.

Статья 8

.

Двадцать пятый документ

ДИРЕКТОРИЯ — АГЕНТАМ

Все меры приняты; мера преступлений тиранов перешла границы; *необходимо восстать*.

Вот приказы и инструкции, с которыми мы предписываем вам точно сообразоваться.

1. Завтра в... * часов вы ударите в набат во всех секциях ваших округов и огласите улицы звуками наибольшего числа труб, которые вы сможете раздобыть. Командующий вами генерал снабдит вас ими, когда начнется восстание, если сможет овладеть местом, где они хранятся. Хорошо, если впереди каждого из выступающих взводов или, по крайней мере, впереди выступающих округов будут шествовать трубачи.

* Пропуск в подлиннике.— Ред.

2. Одновременно вы расклеите и широко распространите воззвания, которые мы посылаем вам, и с помощью заранее извещенных вами агентов поднимете весь народ.

3. Нижеследующих граждан, а именно... и т. д. Директория назначила народными генералами на время восстания.

Обеспечьте, чтобы их признали прежде всего их подчиненные, назначенные нами, а затем весь народ; позаботьтесь также о том, чтобы их приказы точно выполнялись.

4. При сем прилагается список граждан ваших округов, которых на основании представленных вами сведений мы сочли наиболее способными повести народ на завоевание своих прав. Следует разбить народ на взводы; каждый из этих граждан будет командовать взводом; гражданин, назначенный над ними начальником, будет командовать округом; помощники начальника будут командовать секциями.

5. Предупредите немедленно начальников округов и сообщите им имена генералов, которым они должны будут подчиняться. Одновременно прикажите им предупредить помощников начальников о том, чтобы они были наготове, не говоря им ничего более; о том же надлежит сообщить взводным командирам, внушающим вам полное доверие; остальных следует предупредить лишь в нужный момент. Вы свободно можете не использовать взводных командиров, в отношении которых у вас могут быть сомнения.

6. Передайте начальникам, помощникам начальников и взводным командирам указанные в воззвании флажки.

7. Отдайте им приказ, чтобы они любым способом немедленно завладели оружием и боевыми припасами, имеющимися у унтер-офицеров и в секционных центрах.

8. Соберите в воинские части всех явившихся артиллеристов,— с тем, чтобы они были готовы выполнить приказы генералов.

9. Подберите деятельных патриотов, которым вы поручите обратиться с речью к народу и воодушевить его.

Одновременно используйте патетическое и убедительное красноречие женщин. Направьте их, как мы уже сказали вам в наших предыдущих инструкциях, к солдатам, которым они преподнесут венки за гражданскую доблесть и с помощью самых сильных из имеющихся у них доводов призовут их влиться в ряды народа.

10. Как только начнется брожение, поощряйте его путем распространения слуха о том, что Гренелльский и Венсенский лагеря уже перешли на сторону народа.

Необходимо, чтобы солдаты, начав браться с народом, влились в ряды санкюлотов и не выступали ни все вместе, ни под начальством своих офицеров.

11. Отдайте приказ начальникам и командирам о насильственном приводе или разгоне лиц, которые захотят подчиниться приказам правительства и стать под начальство

офицеров национальной гвардии. Следует задерживать любой приказ и любого вестового с приказами любого из существующих органов власти.

12. Позаботьтесь о том, чтобы наблюдать за населением вашего округа и сплотить его вокруг себя; покажите пример преданности и мужества; каждые 15 минут будете отчитываться перед нами через нарочных о положении дел.

13. В случае, если генералы отдадут людям вашего округа приказ разбиться на части, вы последуете за самой многочисленной частью и доверите надзор за другой частью ревностному гражданину, имя которого вы немедленно сообщите нам; вы прикажете ему точно так же отчитываться перед нами каждые четверть часа.

14. Все ваши инструкции сообщите наиболее заслуживающему вашего доверия санкюлоту с тем, чтобы он заместил вас в случае, если произойдет что-либо неожиданное.

15. Прикажете от нашего имени, чтобы при первых звуках набата три члена революционного комитета от каждой секции вашего округа, находившиеся на службе 9 термидора и оставшиеся незапятнанными, вернулись к исполнению своих обязанностей. В случае, если таковых не окажется, отберите других патриотов; поручите им принять, по согласованию с вами, все меры к осуществлению акта о восстании; особенно необходимо, чтобы они занялись статьями, касающимися пекарей

и продовольствия, которым необходимо снабдить народ.

16. Прикажете им также реквизировать немедленно лошадей, мулов и повозки, необходимые для перевозки продовольствия, боеприпасов и раненых.

Завладев мучными складами, позаботьтесь о том, чтобы немедленно установить в них смотрителя и бесперебойно снабжать соседних пекарей.

17. В момент восстания направьте к нам немедленно десять вооруженных и решительно настроенных санкюлотов от вашего округа. Они пригодятся для того, чтобы относить приказы, и в самом крайнем случае мы вместе с ними похороним себя под руинами свободы.

18. Заседания Повстанческой директории будут происходить в...*

19. Национальный конвент будет немедленно после восстания водворен Повстанческой директорией в... *

Вы оповестите о его существовании.

20. Проследите за тем, чтобы точно выполнялись приказы генералов относительно охраны застав, и особенно позаботьтесь об охране мостов, как и о том, чтобы прервать всякое сообщение между органами существующей власти.

21. Используйте первый момент для того, чтобы в каждом округе побудить народ явить-

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

ся всей массой к нам и помочь нам представить список демократов, которые должны быть введены дополнительно в Национальный конвент, а также для того, чтобы поддерживать законы, которые будут тут же предложены нами в интересах народа и его возрождения и построены таким образом, чтобы не оставить более несчастным ни одного гражданина.

Двадцать шестой документ

ФРАГМЕНТ ПРОЕКТА РЕЧИ К ПОБЕДИВШЕМУ НАРОДУ

Народ-победитель!

Граждане! Если для того, чтобы вызвать интерес слушателей, необходимо, чтобы предмет речи были вещи величайшего значения, то никогда еще ни один оратор не должен был быть выслушан с таким вниманием, как я. Я прошу еще этого внимания, я прошу его у тебя, счастливый народ, и хочу заранее подготовить тебя к тому дню, который ярко светит нам. Я хочу попытаться увеличить его сияние, предупредив тебя о том, что вещи, которые я должен тебе сообщить, имеют для тебя еще большее значение, чем величественная победа, которую ты одержал. Наконец, если доверие к тому, кто обращается с речью, и к тем, от имени которых он с этой речью обращается, может в еще большей степени увеличить внимание слушателей, то я пола-

гаю, что не отдаляюсь от этой цели, заявляя, что в этот момент ты слушаешь голос Повстанческого комитета общественного спасения.

Еще раз, свободный народ, освобожденный от оков, народ-победитель! Отдайся без стеснения восторгу: твоих господ больше не существует. Прошло то время, когда они, будучи у власти, говорили о свободе, о твоей жизни, о самых дорогих для тебя интересах и при этом хотели превратить тебя в презренный автомат. Мы же не скажем тебе, чтобы ты не подавал никаких признаков одобрения или неодобрения. Народ-суверен! Если мы изменим тебе, если отныне наши речи также послужат предвестием нашего вероломства и наших преступлений — во имя отечества и свободы не давай нам их закончить: тут же, на месте предай нас позору! покарай нас!

Я считаю также уместным в начале своей речи, здесь же объявить тебе, французский народ, кто является членами Повстанческого комитета общественного спасения, от имени которого я обращаюсь к тебе с речью. Вот их имена... *

Франция! Ты вся слышишь меня! И вы, мои слушатели, составляющие вместе с нами ее первых освободителей, я обещал вам, как и ей, сообщить вещи, достойные этого великого дня и представляющие еще больший интерес, нежели выдающаяся победа, которую этот день озарил. Я сообщу и предложу та-

* Пропуск в подлиннике.— Ред.

кие вещи, которые дадут народу гарантию того, что он не сможет больше лишиться плодов этой победы.

Я неизменно обращаюсь к народу; я всё еще вижу здесь только его одного. В акте о восстании речь шла о представительстве; оно не существует еще вовсе, поскольку оно еще не признано. Оно не существует еще вовсе, ибо народ, еще пребывающий в состоянии восстания, сам постоянно осуществляет свои права, ибо всякая иная власть исчезла перед его властью. Оно не существует еще вовсе, ибо плоды восстания еще не собраны и даже не гарантированы народу. Граждане, учтите как следует это обстоятельство. Пусть старые авторитеты не вводят вас в заблуждение, здесь находитесь только вы, и я не вижу здесь никакого сената. Следовательно, к вам, только к вам, хочу я обратиться с речью, и, повторяю, полезно, в высшей степени полезно, чтобы вы хорошенько вникли во всё это. Дорог момент, он единственный и больше не представится; от того, как мы используем его, может навсегда зависеть наша участь.

Двадцать седьмой документ

ВОЗЗВАНИЕ К СОЛДАТАМ ¹⁴⁶

Солдаты! Приближается момент для спасения отечества или для того, чтобы погубить его навсегда. Народ, истомившийся под бре-

менем своих бедствий, возмущенный угнетением, поднимается на борьбу: он хочет уничтожить тиранию или погибнуть вместе со свободой. Нет, нельзя быть патриотом и выносить дальше существование правительства, возникшего против воли народа, ценою гибели самых пламенных его друзей, путем насильственного нарушения прав народа и уничтожения всех законов, изданных в его интересах.

Нищета народа достигла наивысшей степени. У него отняты все средства, способные заставить услышать его голос: у него нет больше ни народного общества, ни публичного собрания, где он мог бы найти поддержку своим жалобам. У обоих Советов и Директории, столь мягких и гуманных по отношению к сильным мира сего и к «порядочным» людям, не существует для народа ни сердца, ни слуха, ни голоса. Всякого, кто говорит или пишет в интересах народа, сажают в тюрьму, убивают. Нет, никогда еще тирания не была более жестокой, более нестерпимой. С народом, в интересах которого была совершена революция, стоящие у власти обращаются, как с низкой чернью, которую ради их собственной безопасности необходимо заковать в цепи, а люди, которых такое чрезмерное варварство возмущает, люди, разрушившие Бастилию и трон, этими же властью имущими обзываются роялистами, для того чтобы обмануть и вооружить против них людей слабых и невежественных. Путем такого коварного макиа-

веллизма они рассчитывают ввести вас в заблуждение и переколоть вас штыками, подобно тому, как они сделали это в жерминале и прериае III года. Вы сами санкюлоты, и не станете бороться против людей, которые, так же как и вы, повергли в прах монархию! Слушайте же и не создавайте себе никаких иллюзий.

Народ желает конституцию 1793 г., которую он единодушно принял и которая была у него коварным образом отнята путем истребления и лишения свободы патриотов, получивших кличку террористов.

Народ желает эту конституцию, так как, упраздняя всякие отличия для богачей, она делает всех людей равными, так как она гарантирует имущество и помощь защитникам отечества и неимущим и так как, согласно этой конституции, народ вправе протестовать, когда закон противоречит его интересам.

Если вы не друзья королей, дворян и толстосумов, вы будете с нами; вы не станете прислушиваться к лживому голосу ваших штабов, которые, нарушая столько раз повторяемую присягу, бросились, очертя голову, в объятия нынешнего правительства, потому что оно дорого оплачивает их подлость и особенно потому, что оно разрешает им применять к вам нестерпимый деспотизм, который вы свергли в 1789 г.

О! Когда вы проливали кровь на фронтах во имя защиты отечества, вы не подозревали об ужасах, творящихся в стране. Вы во-

ображали, что сражаетесь за свободу, за народ; а ведь ваши победы, ваша кровь послужили лишь для того, чтобы на развалинах старого деспотизма были воздвигнуты новая тирания, новые отличия, новое высокомерие.

Посмотрите на эту Директорию: на ее неслыханную роскошь, на ее великолепные дворцы, многочисленную гвардию, на ее высокомерие, на низкопоклонство ее приближенных — разве не узнаем мы в ней двор Капетов? А наши генералы, столь изысканно одетые, — разве не походят они со своей роскошью и спесью на высокомерную знать, место которой они заняли? О, храбрые солдаты! Как видите, революция, которая должна была восстановить равенство, лишь заменила пока шайку прежних мошенников толпой новых.

Руководители-патриоты направляли революцию к облегчению участи неимущих; начальники, друзья равенства, вели вас к победе; они были смещены с кличкой *террористов*. Террор, спасший отечество, превращен в преступление, а мужественные люди, которые с величайшей самоотверженностью пренебрегали всеми опасностями, отданы контрреволюционерами на закланье как самые гнусные злодеи.

После двух лет контрреволюции ваши заблуждения должны рассеяться. Террористами называют людей, которые с самого начала революции борются за права народа, непрестанно требуют вознаграждения для вас

и помощи для неимущих, людей, нанесших смертельный удар врагам народа, вместе с которыми вы столько раз заставляли бледнеть от страха приспешников тирании. Судите, кто же заслуживает вашего уважения: мы или наши враги?

Солдаты, откройте глаза: вы люди из народа, разве вы сможете вести вооруженную борьбу против него? Зачем же питать такую вражду к вашим братьям из полицейского легиона? Их разгоняют, потому что они всё хорошо видят, потому что они не желают нас убивать; если завтра вы будете выведены из заблуждения, то с вами поступят точно так же.

Солдаты с красными и белыми воротниками, разве вы все не сыновья защитников отечества! Разве не сражались вы вместе во имя торжества свободы? Друзья, обнимите друг друга и соедините ваше оружие в борьбе против узурпаторов, которые, страшась мщения народа, рассчитывают найти для себя поддержку в ваших распрях. Родина, ваша общая мать, в гневе за кровь ваших братьев, которую вы прольете, раздавит вас под бременем ее проклятий.

Звучит набат.

Вы не солдаты правительства, вы солдаты народа; не правительство, а народ оплачивает вас ценою своего тяжелого труда и лишений. Если вы выступите с оружием против него, как этого требуют тираны, то, каковы бы ни были опасности, мы будем бороться; жребий брошен; молчать было бы величайшим из пре-

ступлений; терпеть — значит санкционировать рабство будущих поколений. Мы поднимемся на борьбу и увидим, являетесь ли вы защитниками свободы или рабами тирании. О солдаты! Вы люди из народа, угнетаемые, неимущие, как и мы; вы придете в наши ряды, и мы заставим бледнеть от страха угнетателей отечества.

Двадцать восьмой документ

ФРАГМЕНТ ПРОЕКТА ДЕКРЕТА ОБ УПРАВЛЕНИИ

Статья 1

Лица, ничего не делающие для отечества, не могут пользоваться никакими политическими правами; они — иностранцы, которым республика оказывает гостеприимство.

Статья 2

Ничего не делают для отечества те, кто не служит ему полезным трудом.

Статья 3

Закон рассматривает как полезный труд: земледелие, скотоводство, рыболовство, судостроительство;

механические и ремесленные мастерства;

мелкую торговлю;

перевозку людей и вещей;

военное дело;

преподавательскую и научную деятельность.

Статья 4

Преподавание и научная деятельность не будут, однако, признаваться полезным трудом, если занимающиеся ими лица не представят в течение... * свидетельства о гражданстве, выданного в установленной форме.

Статья 5

За гражданами, полезный труд которых был временно прерван, по болезни или вследствие обстоятельств революционного времени, сохраняются политические права.

Статья 6

Иностранцам воспрещается участие в публичных собраниях.

Статья 7

Иностранцы находятся под непосредственным надзором верховной администрации, которая может выслать их из их постоянного местожительства и отправить в места исправительного труда.

Статья 8

Всякий иностранец, которому разрешено пользоваться гостеприимством, становится кандидатом на пользование правами гражданства, если он вступает в члены национальной общины. Он получает эти права, как только сможет представить свидетельство о гражданстве.

* Пропуск в подлиннике.— Ред.

Статья 9

Закон определяет срок, в течение которого никто не вправе пользоваться правами гражданства, не будучи членом национальной общины.

Статья 10

Всем гражданам выдается оружие.

Статья 11

Иностранцы под страхом смертной казни сдают принадлежащее им оружие революционным комитетам.

Статья 12

Граждане должны собраться в первую декаду после обнародования настоящего декрета для реорганизации национальной гвардии.

Статья 13

В окрестностях Тулона, Валанса, Гренобля, Макона, Меца, Валансьена, Сент-Омера, Анжера, Ренна, Клермона, Ангулема и Тулузы будут в кратчайший срок созданы военные лагеря, назначение которых — поддерживать спокойствие, защищать республиканцев и способствовать преобразованиям.

Статья 14

Для этой цели революционные комитеты наметят по четыре республиканца от каждой роты национальной гвардии и немедленно направят их в указанные им места в полном

вооружении, экипированными и снабженными лагерным имуществом.

Статья 15

Предписания военного декрета распространяются на вышеупомянутые лагеря.

Статья 16

Эти лагеря будут распущены немедленно после того, как в мирной обстановке будут выработаны новые законы.

Статья 17

Острова Маргариты и Онорэ, Гиерские острова, острова Олерон и Ре будут превращены в места исправительного труда, куда будут высылаться для принудительных общественных работ подозрительные иностранцы и лица, арестованные за обращение с воззванием к французам.

Статья 18

Доступ к этим островам будет прекращен. На них будет существовать администрация, подчиняющаяся непосредственно правительству.

Статья 19

Те из заключенных, которые представят доказательства своего исправления, своей активности в работе и доброго поведения, смогут вернуться на территорию республики и приобрести там права гражданства.

.

Двадцать девятый документ
ФРАГМЕНТ ПРОЕКТА ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ДЕКРЕТА

Статья 1

В республике будет учреждена большая национальная община.

Статья 2

Национальная община является собственником нижеперечисленного имущества, а именно:

имущества, объявленного национальным и не проданного до 9 термидора II года;

имущества врагов революции, пожалованного неимущим согласно декретам от 8 и 13 вантоза II года;

имущества, доставшегося или подлежащего передаче республике в результате судебных приговоров;

зданий, занятых в настоящее время под государственные учреждения;

имущества, которым пользовались до издания закона от 10 июня 1793 г.;

имущества, предназначенного для госпиталей и учреждений народного просвещения;

квартир, занимаемых неимущими гражданами, во исполнение воззвания к французам от... *;

имущества лиц, отказавшихся от него в пользу республики;

* Пропуск в подлиннике.— Ред.

имущества, узурпированного лицами, разбогатевшими при отправлении государственных должностей;

земельной собственности, оставленной ее владельцами необработанной.

Статья 3

Упраздняется право наследования по закону и по завещанию. Все состояния, являющиеся в настоящее время собственностью частных лиц, после их смерти перейдут в собственность национальной общины.

Статья 4

Сыновья, у которых жив отец и которые по закону не подлежат призыву на военную службу, рассматриваются как самостоятельные собственники.

Статья 5

Французы обоего пола, отказывающиеся в пользу отечества от всего своего состояния и отдающие ему самих себя и труд, на который они способны, являются членами большой национальной общины.

Статья 6

Старики, достигшие шестидесятилетнего возраста, а также инвалиды, лишенные состояния, являются по праву членами национальной общины.

Статья 7

Членами национальной общины являются в равной мере молодые люди, воспитывавшиеся в национальных воспитательных домах.

Статья 8

Собственностью национальной общины пользуются сообща все трудоспособные ее члены.

Статья 9

Большая национальная община снабжает своих членов всем необходимым, поддерживая среди них равный и умеренный достаток.

Статья 10

Республика призывает добрых граждан содействовать успеху преобразования путем добровольного отказа от своего имущества в пользу общины.

Статья 11

Начиная с... *, никто не сможет занимать гражданскую или военную должность, не будучи членом названной общины.

Статья 12

Большая национальная община управляется местными должностными лицами по выбору ее членов, согласно законам и под руководством верховной администрации.

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

Статья 13

. *

Об общественных работах

Статья 1

Каждый член национальной общины отдает ей труд, на какой он способен, работая как земледелец или ремесленник.

Статья 2

Исключения допускаются в отношении стариков, начиная с шестидесятилетнего возраста, и инвалидов.

Статья 3

Граждане, которые путем добровольного отказа от своего имущества станут членами национальной общины, не должны подвергаться тяжелому труду, если они достигли сорокалетнего возраста и до опубликования настоящего декрета не занимались ремесленным производством.

Статья 4

Граждане каждой коммуны делятся на классы. Существует столько классов, сколько полезных видов ремесленного труда; каждый класс составляется из совокупности лиц, занимающихся одним и тем же ремеслом.

Статья 5

У каждого класса имеются должностные лица, назначаемые теми, кто составляет этот

* Пропуск в подлиннике.—Ред.

класс. Эти должностные лица руководят работами, следят за тем, чтобы они равномерно распределялись, выполняют предписания муниципальной администрации, подают пример усердия и активности.

Статья 6

Закон определяет для каждого времени года продолжительность рабочего дня членов национальной общины.

Статья 7

При каждой муниципальной администрации существует совет, состоящий из стариков, делегированных в него каждым классом трудящихся. Этот совет осведомляет администрацию обо всем, касающемся распределения, облегчения и усовершенствования труда.

Статья 8

Верховная администрация введет в употребление национальной общины машины и методы, способные сократить труд людей.

Статья 9

Муниципальная администрация постоянно осведомлена о положении трудящихся каждого класса и о выполняемом ими задании. Она регулярно доводит это до сведения верховной администрации.

Статья 10

Перемещение трудящихся из одной коммуны в другую производится по предписанию

верховой администрации на основе сведений о численности и потребностях общины.

Статья 11

Верховная администрация осуждает на принудительные работы, под надзором указываемых ею коммун, лиц обоего пола, подающих обществу вредный пример отсутствия у них гражданского сознания, пример праздности, роскошного образа жизни и разнузданности.

Статья 12

Должностные лица каждого класса обеспечивают сдачу в хранилища национальной общины плодов земли и произведений ремесла, пригодных к хранению.

Статья 13

Данные учета этих предметов регулярно сообщаются верховной администрации.

Статья 14

Должностные лица, прикрепленные к классу граждан, занимающихся сельским хозяйством, следят за разведением и улучшением качества животных, пригодных для пропитания и одежды, для перевозок и облегчения человеческого труда.

.

О распределении и использовании имущества общины

Статья 1

Каждый член национальной общины пользуется лишь тем, что предоставляет ему закон через посредство должностных лиц.

Статья 2

Национальная община отныне обеспечивает каждому из своих членов:

здоровое, удобное и соответственно меблированное помещение;

одежду для работы и для отдыха, бумажную или шерстяную, соответствующую национальному костюму;

стирку белья, освещение и отопление;

достаточное количество предметов питания: хлеба, мяса, дичи, рыбы, яиц, масла животного и растительного, вина и других напитков, потребляемых в различных районах, овощей, фруктов, приправ и других предметов, совокупность которых дает умеренный и скромный достаток;

врачебную помощь.

Статья 3

В каждой коммуне будут в определенное время устраиваться общественные трапезы с обязательным присутствием на них всех членов общины.

Статья 4

Содержание должностных лиц и военных не отличается от содержания членов национальной общины.

Статья 5

Член национальной общины, получающий денежное вознаграждение или хранящий у себя деньги, подвергается наказанию.

Статья 6

Члены национальной общины получают обычный рацион только в том округе, в котором они проживают, кроме случаев перемещений с разрешения администрации.

Статья 7

Местожительством нынешних граждан является коммуна, в которой они проживали ко времени опубликования настоящего декрета.

Местожительством молодежи, воспитывавшейся в национальных воспитательных домах, является коммуна, где они родились.

Статья 8

В каждой коммуне имеются должностные лица, на обязанности которых лежит распределение между членами национальной общины по месту их жительства продуктов сельского хозяйства и ремесла.

Статья 9

Правила этого распределения устанавливаются законом.

Статья 10

. *

Об управлении национальной общиной

Статья 1

Национальная община по закону управляется верховной государственной администрацией.

Статья 2

В отношении управления общиной республика делится на районы.

Статья 3 .

В район входят все смежные департаменты, продукция которых приблизительно одинакова.

Статья 4

В каждом районе существует промежуточная администрация, которой подчиняются департаментские администрации.

Статья 5

Благодаря телеграфной связи будет ускорено сообщение между департаментскими и промежуточными администрациями, как и между последними и верховной администрацией.

* Многоточие в подлиннике.— Ред.

Статья 6

Верховная администрация, в согласии с законом, определяет характер и количество распределяемого между членами общины каждого района.

Статья 7

В соответствии с этим определением департаментские администрации сообщают промежуточным о нехватке или излишках в их округах.

Статья 8

Промежуточные администрации пополняют, если это возможно, нехватку в одном департаменте излишками другого, издают распоряжения о необходимой оплате и перевозке и отчитываются перед верховной администрацией в своих потребностях и излишках.

Статья 9

Верховная администрация заботится о нуждах районов, испытывающих нехватку вследствие излишков в районах, в которых всё в избытке, или вследствие обмена с другими государствами.

Статья 10

По распоряжению верховной администрации ежегодно прежде всего изымается и складывается в военные склады десятая часть урожая общины.

Статья 11

Верховная администрация заботится о том, чтобы излишки, имеющиеся у республики,

бережно хранились на случай неурожайных лет.

. *

О торговле

Статья 1

Воспрещается всякая частная торговля с иноземными народами. Товары, прибывающие из-за границы, подлежат конфискации в пользу национальной общины. Нарушители сего подвергаются наказанию.

Статья 2

Республика доставляет национальной общине недостающие ей предметы, обменивая излишки сельскохозяйственного и ремесленного производства на соответствующие излишки иноземных народов.

Статья 3

Для этой цели устраиваются удобные склады на сухопутных и морских границах.

Статья 4

Верховная администрация ведет переговоры с иностранцами через своих уполномоченных; по ее распоряжению излишки, которые она желает обменять, доставляются на склады, где она получает от иностранцев обусловленные предметы.

* Многоточие в подлиннике.— Ред.

Статья 5

Уполномоченные верховной администрации при торговых складах часто сменяются; нарушающие свои обязанности строго караются.

. *

О перевозках

Статья 1

В каждой коммуне существуют должностные лица, на которых возлагается руководство перевозками из одной коммуны в другую продуктов, принадлежащих общине.

Статья 2

Каждая коммуна снабжается достаточным количеством перевозочных средств, сухопутных и водных.

Статья 3

Члены национальной общины призываются поочередно сопровождать и осуществлять надзор за предметами, перевозимыми из одной коммуны в другую.

Статья 4

Промежуточные администрации возлагают ежегодно наиболее дальние перевозки на известное число отобранных из всех подведомственных им департаментов молодых людей.

Статья 5

Граждане, на которых возлагается та или

* Многоточие в подлиннике — *Ред.*

инная перевозка, состоят на содержании коммуны, в которой они находятся.

Статья 6

По распоряжению верховной администрации из одной коммуны в другую перевозятся кратчайшим путем, под надзором нижестоящих администраций, предметы, при посредстве которых она покрывает нехватку в районах, испытывающих недостаток в чем-либо.

. *

О налоговых обложениях

Статья 1

Единственными плательщиками налогов являются граждане, не входящие в состав национальной общины.

Статья 2

Эти граждане платят налоги в ранее установленном размере.

Статья 3

Налоги взимаются натурой и доставляются на склады национальной общины.

Статья 4

Общая сумма взносов налогоплательщиков в каждом текущем году вдвое превышает сумму предыдущего года.

* Многоточие в подлиннике.—Ред.

Статья 5

Эта сумма распределяется по департаментам между всеми налогоплательщиками соответственно их доходам.

Статья 6

От лиц, не являющихся участниками национальной общины, может в случае необходимости потребоваться доставка на склады национальной общины, в счет будущих налогов, излишков продовольствия или промышленных товаров.

. *

О долгах

Статья 1

Национальный долг погашается в отношении всех французов.

Статья 2

Республика возместит иностранцам стоимость бессрочных государственных ценных бумаг, которую она им должна. Покамест же она выплачивает проценты по этим ценным бумагам и пожизненные ренты, установленные для иностранцев.

Статья 3

Долги любого француза, ставшего членом национальной общины, по отношению ко всякому другому французу аннулируются.

* Многоточие в подлиннике.—Ред.

Статья 4

Республика берет на себя долги членов общины по отношению к иностранцам.

Статья 5

Всякий обман в этом отношении карается пожизненной каторгой.

. *

О денежных знаках

Статья 1

Республика не изготавливает больше денежных знаков.

Статья 2

Денежные средства, поступающие в распоряжение национальной общины, употребляются на покупку у других народов предметов, в которых она нуждается.

Статья 3

Всякое лицо, не являющееся участником общины, уличенное в даче денежных средств одному из членов общины, строго карается.

Статья 4

Ни золото, ни серебро не будут более ввозиться в пределы республики.

. *

* Многоточие в подлиннике.— Ред.

Тридцатый документ

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО ГРАКХА БАБЕФА¹⁴⁷

Моей жене и детям

Добрый вечер, друзья мои. Я готов к тому, чтобы погрузиться в вечную ночь. Отправляю другу два письма, которые вы увидите; ему я лучше объясню свое положение для передачи вам, нежели я смог бы это сделать вам самим. Мне кажется, что я потерял чувствительность после всего, что я переживал. Я вручаю ему вашу участь. Увы, я не знаю, окажется ли он в состоянии сделать то, что я от него прошу; не знаю, как вы сможете добраться до него. Ваша любовь ко мне привела вас сюда, несмотря на все препятствия, которые чинила вам наша бедность. Вы не сдавались, несмотря на горести и лишения; со своей неизменной ко мне любовью вы ежеминутно следили за этой долгой и жестокой судебной процедурой, горькую чашу которой вы, как и я, испили до дна. Не знаю, каким образом вам удастся снова вернуться туда, откуда вы прибыли; не знаю, какую память я оставляю по себе, хотя считаю, что вел себя безупречно; не знаю, наконец, что станет со всеми республиканцами, с их семьями и даже с их грудными детьми, среди роялистских ужасов, к каким приведет контрреволюция. О, друзья мои! Как раздирают мне душу эти размышления в последние мои ми-

нуты!.. Я легче перенес бы смерть во имя отчизны, прощание навеки с семьей, с детьми, с любимой женой, если бы я не видел в конечном итоге гибели свободы и страшнейших преследований всех искренних республиканцев. О, мои нежные дети, что будет с вами? Тут я не могу устоять, чтобы не дать волю своим чувствам... Не думайте, что я сожалею о том, что пожертвовал собой во имя самого прекрасного дела; если даже все мои усилия оказались бесполезными для этого дела, я выполнил свою задачу...

Если вопреки моему ожиданию вам удастся пережить ужасную грозу, бушующую сейчас над республикой и над всем, что было с нею связано; если вам удастся снова оказаться в спокойной обстановке и отыскать нескольких друзей, которые помогли бы вам одолеть вашу злую участь, то я посоветовал бы вам жить в тесном единении между собой; я посоветовал бы моей жене стараться воспитывать своих детей с большой мягкостью, а детям своим — заслужить доброту своей матери почитанием ее и постоянным послушанием. Семья мученика за свободу должна показать пример всех добродетелей, чтобы снискать уважение и преданность всех честных людей. Мне хотелось бы, чтобы моя жена сделала всё для нее возможное, чтобы дать воспитание своим детям, и побуждала всех своих друзей помочь ей во всем, что для них возможно. Я призываю Эмиля¹⁴⁸ следовать в этом воле отца, которого — как я верю —

он горячо любит и который так его любил; я призываю его пойти по этому пути, не теряя времени, как можно скорее.

Друзья мои, надеюсь, вы будете помнить обо мне и будете часто об этом говорить. Надеюсь, вы поверите, что я всех вас очень любил. Я не видел иного способа сделать вас счастливыми, как путем всеобщего блага. Я потерпел неудачу; я принес себя в жертву; я умираю также ради вас.

Рассказывайте много обо мне Камилю; скажите ему много и много раз, что я нежно хранил его в моем сердце.

Скажите то же самое Каю¹⁴⁹, когда он станет способен это понять.

Лебуа сообщил, что он издаст отдельно наши защитительные речи. Моей речи надо придать наивозможно широкую огласку. Я советую моей жене, моему доброму другу, не давать ни Бодуэну, ни Лебуа¹⁵⁰, никому другому, рукописи моей защиты, пока у нее не будет в руках другого, вполне исправного экземпляра, чтобы быть уверенной в том, что эта защитительная речь никогда не будет утеряна. Тебе известно, мой дорогой друг, что эта защитительная речь весьма ценна, что она всегда будет дорога добродетельным сердцам и друзьям своей страны. Единственное достояние, которое тебе останется от меня, это мое доброе имя. И я уверен, что для тебя и твоих детей будет большим утешением пользоваться им. Вам приятно будет слышать, как все отзывчивые и честные сердца будут го-

ворить о вашем муже и отце: он был в высшей степени добродетелен.

Прощайте. Меня связывает с землей лишь тонкая нить, которая завтра оборвется. Это верно, мне это совершенно ясно. Надо идти на жертву. Злые люди оказались сильнее, я уступаю. Приятно, по крайней мере, умирать с такой чистой совестью, как у меня. Самое жестокое, душераздирающее — это то, что меня вырывают из ваших объятий, о, нежно любимые мои друзья, о, самое дорогое, что есть у меня!!! Я вырываюсь из ваших объятий; насилие свершено... Прощайте, прощайте, прощайте, десять миллионов раз прощайте...

...Еще слово. Напишите моей матери и моим сестрам. Пошлите им почтой или иным путем мою защитительную речь, как только она будет напечатана. Расскажите им, как я умер, и постарайтесь объяснить им, этим добрым людям, что это славная смерть и что она отнюдь не позорна...

Еще раз прощайте, мои дорогие, нежно любимые друзья. Прощайте навеки. Я погружаюсь в лоно добродетельного сна...

Г. Бабеф

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПИСЬМО БУОНАРРОТИ
БРОНТЕРУ О'БРАЙЕНУ **Париж, 3 мая 1836 г.*

Брат мой,

Будучи еще в живых, я счастлив засвидетельствовать Вам удовлетворение, которое я испытал, узнав из проспекта, распространенного Вами, о рвении, с каким Вы решились опубликовать на английском языке мою историю заговора Бабефа. Примите за это мою самую искреннюю благодарность. Я должен быть благодарен человеку, любовь которого к людям побуждает его презирать оскорбления и преследования,— судьба, всегда уготованная каждому, кто осмелится поднять свой голос против институтов угнетения,— и проложить путь прогрессу истины и справедливости. С подлинной радостью я вижу, что в Англии также имеются искрен-

* Это письмо впервые опубликовано Бронтером О'Брайеном в 1836 г. в качестве приложения к английскому переводу книги Ф. Буонарроти «Заговор во имя равенства».

ние друзья чистого равенства, во имя которого я имел счастье присоединить свои слабые усилия к несравненно более славным усилиям моих друзей, которые скрепили их своей кровью.

Хотя множество закоренелых привычек и низких страстей еще затемняет разум и сковывает волю людей, не следует терять надежды на спасение человечества. Оно будет идти вперед — я в этом убежден — по пути человеколюбия и общественного благосостояния; и в более счастливой жизни мы будем наслаждаться благом, которое мы смутно увидели и которым смогут располагать наши преемники, более мудрые, чем их отцы. К сему прилагается список подлинных имен, которыми я прошу Вас заменить анаграммы, употребленные мною по соображениям осторожности во время опубликования моего труда. Эти соображения сейчас утратили значение, и справедливость требует, чтобы стали известны имена людей, разделявших труды и опасности с Бабефом.

В мои намерения, конечно, не входит говорить о себе. Что выиграет человечество от того, что узнает подробности — хорошие или плохие — моей жизни? Ограничусь только предупреждением, что материалы, по которым Вы составили мою биографию, изобилуют анахронизмами и ошибками: мне приписывают вещи, которые я не делал: то, на что я мог бы претендовать, либо искажено, либо плохо изложено; события иной раз смещены,

и доброе мнение, которое Вы составили обо мне, диктует Вам похвалы в мой адрес, которых я, к своему стыду, не заслуживаю.

Особый случай, которым я рад воспользоваться, дает мне возможность послать Вам биографический очерк о Робеспьере, опубликование которого представляется мне полезным; быть может, Вы найдете своевременным использовать его.

Я считаю большой удачей для себя случай, который дал мне возможность познакомиться с Вами. Люди такого склада, каким Вы представляетесь мне, довольно редки в настоящее время, и я с радостью получил достоверные сведения о том, что в Англии существует не только жажда богатства и дух торгашества и что наряду с вашими лордами и вашими жрецами Плутоса у вас имеются глубокие мыслители, преданные друзья народа, и превосходные люди, презирающие человеческое безумие.

Верьте, брат мой, что если Вы возьмете на себя труд написать мне, я почту себя счастливым поддержать наше знакомство.

Преданный Вам брат
Филипп Буонарроти,
в возрасте 75 лет *.

* Buonarroti's History of Babeuf's Conspiracy for Equality. London, 1836, p. 430—431.

КЛЮЧ К АНАГРАММАМ

Напечатано

Бедон (Bedon)
 Ложан де Доримель
 (Laujen de Dorimel,
 Laurgen de Doimel)

Аннак (Hannac)
 Сомбо (Sombod)
 Гларту (Clartou)
 Ла Тильм (La Tilme)
 Шентрар (Chintrard)

Велор (Vélor)
 Гольскэн (Golscain)

Ривагр (Rivagre)

Липпи (Lihppi)

Тисмио (Tismiot)

Люссорийон (Lussorillon)

Реф (Reuf)
 Эридди (Eriddy)
 Филип ле Рекселе (Fi-
 lippe le Rexelet)

Адери (Adery, Ready)
 Эри (Eris)
 Крексель (Crexel)
 Ле Иму (Le Himug)
 Перрино (Perrino, Reprino)
 Аллиноже (Allinoget)

Эдюшуа (Euduchoi)

Сасеми (Sasemy)

Следует читать

Дебон (Debon)
 Жюльен де ла Дром
 (Jullien de la Drôme)

Шанан (Chanan)
 Бодсон (Bodson, Bodsom)
 Гулар (Goulard), печатник
 Майе (Maillet), адвокат
 Треншар (Trinchard),
 плотник

Револь (Révol), печатник
 Солиньяк (Solignac), ду-
 бильщик кож
 Гравье (Gravier), винотор-
 говец

Филп, Филип (Philp,
 Philip), моряк
 Миттуа (Mittois), жур-
 налист

Руссийон (Roussillon), хи-
 рург

Ферю (Féru), из Тулона
 Дидье (Didier), слесарь
 Феликс ле Пелетье, Ле-
 пелетье (Félix le Pelle-
 tier, Lepelletier)

Дерэ (Deray)
 Рейс (Reys), седельщик
 Клере (Clérex), портной
 Гилем (Ghilhem), курьер
 Пьеррон (Pierron)

Лэньело (Laignelot), быв-
 ший член Конвента
 Шудье (Choudieu), быв-
 ший член Конвента
 Массе (Massey), ошибоч-
 но указанный как быв-
 ший член Конвента

КЛЮЧ К ДРУГИМ АНАГРАММАМ,
КОТОРЫМИ ПОЛЬЗОВАЛСЯ БУОНАРРОТИ,
НО КОТОРЫЕ ОН НЕ РАСШИФРОВАЛ В 1836 ГОДУ

Напечатано

Следует читать

Ромэнкольсель (*Romain-*
colsel)

Никола Морель (*Nicolas*
Morel)

Урекль (*Ourecle*)

Лекёр (*Lecoeur*)

Лэр де ла Нэтль (*Laire*
de la Naitle)

Далэр Тенай (*Dalaire-*
Tenaille)

Юлажено (*Ulagenos*)

Куланж (*Coulange*)

Суань (*Soigne*)

Женуа (*Genois*)

2

ЖАЛОБА ФРАНЦУЗСКОГО НАРОДА НА ЕГО УГНЕТАТЕЛЕЙ¹⁵¹

Довод тиранов — убийство.

Наглые узурпаторы наших прав! Вы, стало быть, думаете, что мы свергли трон и тирана, его министров и их лакеев, его полицейских и их шпионов, наконец, все, что было связано с его ужасным деспотизмом, только для того, чтобы пресмыкаться у ваших ног и страдать под игом новой тирании?

Позор французской нации! отвечайте... Что делал всемогущий Капет? Разве не делил он общественное достояние со своими лакеями? Разве не проливал он потоки нашей крови внутри страны, как и на фронтах, чтобы увековечить свою тиранию? Мы остановили его в разгар его преступлений. Он был предан суду по нашему велению и поплатился головой за совершенные им злодеяния.

Нет сомнения в том, что, если бы он одержал победу 10 августа, он разоружил бы нас; он вновь призвал бы эмигрантов, передал бы командование армией Шарету *, создал бы по всей Франции сообщества убийц, обращался бы с злодеями, как с друзьями, а с республиканцами, как с злодеями. Он дезорганизовал бы наши армии и сохранил бы только рабов, поставив во главе их своих лакеев; он подверг бы проскрипции, послал бы на эшафот мужественных защитников наших прав, находившихся в Сенате и в других местах; он уничтожил бы народные общества; он превратил бы, наконец, Францию в обширное кладбище для республиканцев. Но он обеспечил бы существование своим рабам; он уничтожил бы ассигнаты и все, что могло напомнить о днях свободы. Он правил бы тогда как тиран, окруженный Советом, от которого исходили бы акты его самовластия, названные им законами, и которым каждый обязан был бы подчиняться под страхом смерти. Такова, несомненно, бегло нарисованная картина того, что сотворил бы Капет, если бы он одержал верх над республиканцами.

* Казнь этого злодея не отменяет факта бесчестного и пагубного договора, заключенного с ним нашими мерзкими владыками. Он доказывает, что с их стороны было двойное вероломство. Как объяснить то, что они были более последовательны с Комарте-ном? Это имело под собой мотивы, которые недалекий обыватель, по-видимому, неспособен постигнуть.

А вы! Что делали вы со времени 9 термидора, дня, который навсегда будет для нас позором, так как мы позволили умертвить граждан, единственное преступление которых заключалось в том, что они хотели, чтобы вы были справедливы; что делали вы с этого рокового времени? Разве вы не последовали по пути преступления за старыми и новыми тиранами? Разве не превзошли вы всех их в своих преступлениях? Ваше первое средство утвердить свою тиранию заключалось в том, чтобы организовать эту ужасную систему голода, скосившую несколько поколений. Этим именно способом вы заставили каждого гражданина забыть об отечестве и помнить только о себе; этим же способом вы умертвили детей в утробе их матерей и на их высохшей груди. Вы заставили наших плодовитых жен бояться производить на свет детей; банда мошенников, которыми вы окружили себя, живет в радостях и удовольствиях, тогда как народ падает в изнеможении от нищеты, голода, истощения.

Вы уничтожили народные общества, самое прекрасное, как и самое священное наше право; они служили бы непреодолимым препятствием для ваших честолюбивых замыслов и преступных планов, вы же предпочли нашей дружбе объятия тиранов, объединившихся против нашей свободы.

Оставаясь глухими к голосу тысяч республиканцев, искалеченных, истерзанных, загубленных в Вандее, вы, вопреки нашей воле и

нашим интересам, предложили мир злодеям и заключили его с ними. В знак вашего союза с ними вы предоставили деньги и войска их главарю Шарету; статьи этого постыдного договора были настолько позорными, что вы не посмели предать их все гласности и, несмотря на этот договор, который вы так расхваливали, война все же продолжалась*.

Вы дезорганизовали наши армии, сместив начальников, заслуживших доверие солдат, и поставив на их место лакеев прежней тирании, чтобы превратить наши войска в автоматов, способных только рабски подчиняться; у них не было ни продовольствия, ни одежды.

Вы вызвали к жизни движения с целью вырвать из наших рук оружие, при помощи которого мы наводили страх на изменников и завоевали нашу свободу.

Вы покрыли всю Францию трауром и вселили ужас во все сердца, предписывая избиения республиканцев, либо относясь терпимо к таким избиениям. Одного палача было недостаточно, чтобы утолить ваше неистовство. Вы создали повсюду в республике целые банды палачей.

В жерминале вы декретировали наказывать ссылкой тех, кто осмелится выступить против священного кодекса наших законов (конституции 1793 г., желанной и принятой нами), а несколькими днями позже вы посылали на смерть тех, кто требовал ее исполнения.

* См. примечание на стр. 326.

Вы подвергли проскрипции самых неутомимых республиканцев. Вы послали на эшафот самых пылких защитников наших прав. О, если некоторые из них спаслись от вашего неистовства, то они, несомненно, обязаны этим шести современным Катонам*.

Наконец, после того как вы повергли в ужас всю республику, вы добрались до власти по трупам республиканцев, по ступеням пьедестала, достойного тиранов; и здесь, среди потоков крови, среди резни и смерти, порывая с священным кодексом наших законов, вы провозгласили кодекс тирании, организующий вашу власть, удостоверяющий вашу узурпацию и заменяющий свободу угнетением, кодекс, который вы можете называть своей конституцией, но не нашей, ибо конституции тиранов не являются конституциями народов**.

Руссо определил вашу политическую квалификацию и мотивировал ее; он вынес вам приговор; Руссо, возможно, был вашим Макиавелли, когда он описал обычный путь тирании, которому вы тщательно следовали, чтобы добиться нашего порабощения: «Узурпаторы,— говорил он,— постоянно приводят к смутным временам или выбирают их для того,

* Ромму, Гужону, Бурботу, Субрани, Дюкенау, Дюруа.

** Следовательно, им все еще принадлежат законы о военном положении от 27 и 28 жерминаля. Народ должен отвергнуть их. Следовательно, мы, люди из народа, мы здесь обязаны это выполнить.

чтобы провести, с целью запугать народ, губительные законы, которые народ никогда не примет равнодушно. Выбор момента — один из наиболее верных признаков, по которым можно отличить труд законодателя от деяния тирана.

Жестоко нарушив, таким образом, наши права, вы созвали выборные собрания. Могли ли мы присутствовать на этих собраниях, которые должны были назвать избирателей, в то время когда наши родные и наши друзья заполняли тюрьмы? когда мы сами подвергались проскрипции по туманным и пустым обвинениям, придуманным в Вене и в Лондоне? Нет. Поэтому почти все эти выборные собрания состояли из лиц, разделявших ваше неистовство и ярость против республиканцев; из этих-то органов контрреволюции и вышли люди, ненависть которых к демократии хорошо известна, и пробрались в так называемое Законодательное собрание. Среди них имеются даже такие, которых вы обязаны прогнать, так как они не смогли скрыть свою приверженность к державам, членам коалиции; наконец, из этих выборных органов вышли все те административные и судебные ведомства, которые должны помочь вам укрепить вашу узурпацию.

Из узурпации наших прав и произошла та исполнительная власть, которую можно назвать королевской властью, директорией или правительством (название не имеет значения, существо — одно и то же); эта-то власть,

вышедшая из двух палат, и должна привести в исполнение акты, которые вы смеете называть законами и которые являются лишь плодом ваших представлений, извращенных воспоминанием о ваших несправедливостях или, скорее, о ваших преступлениях. Неужели вы считаете, что имеете дело с народом, состоящим из животных, не понимающих разницы между законом и вашими актами? Руссо следующим образом определил условия, способные составить подлинную отличительную черту законов: «Народ, подчиняющийся законам, должен быть их творцом; только люди, вступающие в ассоциацию, должны устанавливать условия существования общества». Между тем, как бы несправедливы ни были ваши акты, мы должны, заявляете вы, подчиняться им, ибо ваши полицейские, их шпионы и все, кто является орудием былой тирании, тотчас появляются, чтобы наложить на нас руку, если только мы хотим оказать сопротивление.

Между тем как идет борьба против тирании, эмигранты и священники во множестве возвратились во Францию; каждый из них стал добрым гражданином, за исключением строгих республиканцев. В то время как клевета заставляла нас обращать на них, как на воров, наш введенный в заблуждение взор, вы выпустили огромную массу ассигнатов, чтобы развратить возможно большее число людей; таким образом, разоряя общественное достояние и частные состояния, вы делите вместе со всеми мошенниками, вашими лакеями

и вашими агентами, нашу шкуру и в довершение ваших несправедливостей вы объявили себя банкротами и осуществили банкротство, равного которому не бывало в истории как по огромным размерам суммы, так и по недобросовестности тех, кто его провел в жизнь. Таков, вероломные уполномоченные, подлые узурпаторы наших прав, беглый набросок ваших преступлений. Не совершили ли вы, по примеру Кромвеля, столько преступлений только для того, чтобы заставить нас пожалеть о тирании Бурбонов? Вы ошибаетесь. Мы умеем наказывать тиранов, не сожалея ни о ком из них.

Если бы вы сами не совершили столько преступлений, то как наказывали бы вы за них тех, кто их совершал? Несомненно, лишением их жизни? Так вот! Мы будем более жестоки с вами, мы осудим вас на то, чтобы жить; стыд и угрызения совести, которые вы испытаете (несмотря на вашу испорченность, мы заставим вас быть чувствительными к этому), будут волнениями, во власти которых мы вас оставим.

До чего заблуждается преступление... Как! вы могли поверить хотя бы на минуту, что солдаты, составляющие часть нас самих, наши дети, наши братья, наши друзья, вооруженные для завоевания свободы, будут защищать вашу тиранию? Нет, узурпаторы, перестаньте заблуждаться. Они знают, что если они обогрют свои руки нашей кровью, если они прорвут наши ряды, то пожнут в награду

за такую страшную победу ужасное рабство для себя и для своих детей. И если среди их начальников и найдутся такие, которые, вкусив из этого отравленного сосуда, могут забыть, что они являются гражданами, то солдаты расправятся с ними в тот день, когда мы снова вернем себе свои права.

Мошенники и предатели заявляют, будто мы не хотим никакого правительства. Плуты! Они обманывают самих себя. Как? Потому что мы не хотим их правления или, скорее, их самих, они смеют утверждать, что мы вовсе не хотим правительства. Мы хотим его, но хотим такое правительство, которое основывается на принципах вечной справедливости; мы хотим правительство, состоящее из людей, которые, если они и не свободны от ошибок, но и никогда не давали нам доказательств своего обмана, трусости и злодеяния, подобных тем, которые вы нам давали.

Как! смеют утверждать, что мы свободны, а между тем ни один из нас не может публично высказать то, что он говорит у себя дома, то, что вы ежедневно говорите на ухо, храбрые солдаты! Вы спрашиваете ежеминутно: «Что значит кучка узурпаторов по сравнению с французским народом? Они зовут нас к себе; они полагают, что оказывают нам честь, называя нас своими защитниками. Защитниками тиранов являются только их сообщники». Это наш язык, мужественные солдаты! Он и должен быть нашим, ибо у всех у нас одни интересы. Постараемся же вместе

обеспечить победу свободе, возвратим себе свои права или мы не будем ни французами, ни свободными людьми.

Прах стольких героев, погибших за свободу! все вы, жертвы ярости тиранов и предателей! успокойтесь. Нет, ваша кровь пролилась не для того, чтобы мы поменяли господ. Мы вновь поклянемся в этом на ваших могилах: мы будем свободными или, так же, как и вы, сойдем в обитель смерти!!!

Да, мы прогоним эту кучку узурпаторов, которые хотят заставить нас сносить бремя их своенравия. Мы прогоним эту банду интриганов, домогающихся создавать для нас законы, которых желают они одни, которые они всячески стараются представить в измененном виде, доводя их до нашего сведения, и которым сами они не подчиняются*. Мы заставим убраться этих бесчестных хищников, которые в сущности более опрометчивы, более неуклюже безрассудны, более непристойно бесстыдны, чем искусны в коварстве и изощрены в недобросовестности. О, если нам придется остаться под властью тирании, которая нас угнетает, то, отнюдь не вызывая восхищения народов земли, мы лишь заслужим их презрение и будем посрамлены. Но нет, слыш-

* Господа из обеих палат налагают страшные кары на тех, кто не питает доверия к их мандатам (мандаты — денежные единицы, введенные взамен ассигнатов.— *Ред.*), а между тем они заставили выплатить себе жалованье за жерминаль по курсу на 85% ниже номинального.

ком долго разобщенные вследствие макиавеллизма наших тиранов, мы хотим объединиться, чтобы вновь овладеть своими правами. Опасность грозит всем, все мы чувствуем это; царящее ныне ужасное затишье предвещает, что все готовы подняться против власти, нарушающей наши законы.

Предатели будут кричать об *анархии*; но они нас не обманут больше. Нам известно, что с помощью этого слова они преследовали и сейчас еще преследуют демократов, самых безупречных, самых бесстрашных защитников свободы.

3.

МНЕНИЕ О ДВУХ НАШИХ КОНСТИТУЦИЯХ, ВЫНЕСЕННЫХ НА РАССМОТРЕНИЕ ЛИЦ, КОТОРЫЕ ДЕКРЕТИРОВАЛИ И ПРЕДСТАВИ- ЛИ ФРАНЦИИ ОДНУ И ДРУГУЮ И ПРИСЯГ- НУЛИ ОДНОЙ И ДРУГОЙ

В течение целых восьми месяцев Национальный конвент являл французскому народу, Европе, друзьям всемирной свободы, как и ее врагам, зрелище, вселявшее бодрость в одних, отчаяние в других, скандальное для всех,— зрелище того, как храм Равенства внезапно превратился в арену боя, первый в мире Сенат — в настоящее поле битвы.

Защитники народа, слишком часто терпевшие поражение, не могли добиться того, что-

бы в Конвенте занялись нуждами народа и его славой.

Между тем со всех концов республики повелительный голос требовал демократическую конституцию; никогда бóльшая потребность не волновала целый народ. И этот голос не был услышан, заглушенный криками партии, которая властвовала, пренебрегая им. Эта большая потребность в объединении, это нетерпение, каждодневно обманутое, становившееся с каждым днем все более жгучим, грозило нам большими раздорами, за которыми мог последовать полный развал.

Священный батальон — народная партия, до тех пор бессильная и униженная, вдруг оправилась и одерживает победу в Национальном конвенте, который получает, наконец, возможность дискутировать, совещаться и выполнять одну из главнейших целей своей миссии.

Тотчас появляется демократическая конституция, которую столь терпеливо ожидали, так долго напрасно требовали, и объединяет все умы.

Тотчас одно за другим безудержно и непрерывно умножаются чудесные проявления общественного сознания, и мы увидели, как словно из-под земли появилось все, чего нам не доставало. Снаряжение, оружие, селитра, порох, продовольствие, генералы, солдаты, бесчисленные батальоны, флот, армии и, что было еще более ценно, единая сильная воля, ясное сознание того, что ведется наступление

на наши права, священный энтузиазм в пользу свободы, любовь к подлинной славе, породившая повсеместно и во всех видах бесчисленные победы и небывалые успехи.

Все это являлось блестящим и в равной мере благим и неожиданным проявлением народного сознания, которое долго еще в самых важных отношениях оставалось преобладающим и сохраняло чистоту.

Такова достоверная истина о происхождении и удивительных последствиях конституции 1793 г.

К тому же — и никто не возьмется это отрицать — конституция эта была свободно, мирно, единодушно, всенародно и очень торжественно принята перед лицом неба, на глазах у всего народа, к всеобщему великому удовлетворению граждан, вызывая отчаяние у некоторых предателей и наводя ужас на все враждебные государства.

С этого дня славы и братского единения конституция 1793 г. стала священной собственностью целого народа. Никакая земная власть, а еще меньше власть, которая перестала существовать, как только ее миссия была завершена, не могла отнять эту конституцию у народа, не став преступной.

Принятие конституции, о котором я здесь напоминаю, не было основано на немногих двусмысленных расчетах, лишенных общепризнанного основания. В то время, когда она вас объединяла, не видно было, чтобы

массу республиканцев изгоняли, чтобы они спасались бегством, чтобы их заключали в тюрьму, убивали, чтобы они были повержены в оцепенение и ужас, удручены горечью и отращиванием, приведены в бессилие и ничтожество ужаснейшим декретом и невозможностью заставить выслушать себя. В то время не видно было, чтобы слабый был раздавлен, чтобы угнетенного разоружали, чтобы атрибуты свободы, ее язык, ее принципы, да и она сама, как и те, на кого она опиралась, были отданы на посмешище и вызывали ненависть; не видно было, чтобы деспотизм и все, кто ему служит, были в почете, усиливались, вели против народа и всех приверженцев его дела бесславную, убийственную войну. Не видно было, чтобы народ терпел голод, был обессилен, унижен, лишен народных обществ, коммун, должностных лиц, судей, военных и гражданских служащих, совершенно не участвовал в выработке правил своего внутреннего распорядка, чтобы он как бы умер для гражданского, политического существования и был полностью лишен своей силы и своих прав.

Не видно было, чтобы общественное сознание старательно отравлялось во всех его каналах непрерывным потоком желчи, яда и лжи, превращающим в грязный сток все источники повседневного просвещения, все средства общения и обращения мысли и слова. Не видно было, чтобы всякого рода недоброжелатели, эгоисты, контрреволюционе-

ры, алчные и надменные враги народа и его прав были в милости, поощрялись, встречали поддержку, вооружались, подстрекались тираническим, развращающим правительством.

В особенности не видно было, немислимо было даже вообразить, чтобы возможно было увидеть среди нас армию введенных в заблуждение легионеров и граждан, которая по призыву разъяренного правительства выступила бы во всеоружии против доброго, терпеливого, преступно угнетаемого народа и направила бы против патриотов предместий свои пушки и ружья, выкованные для защиты свободы и уничтожения всех видов тирании. Не видно было, наконец, да и нельзя было увидеть всеобщего разоружения народа, подготовленного самым ужасным преследованием патриотов, которому предшествовал, которое сопровождал, за которым последовал весьма продуманный, публично организованный и открыто выполненный план уничтожения голодом и убийствами.

Нет, этого отнюдь не было видно, нет, ничего этого еще не существовало и это казалось невозможным даже в самом отдаленном будущем, когда 10 августа 1793 г. вся французская нация, объединенная в лице восьми тысяч депутатов ее первичных собраний, на глазах огромной массы народа этой коммуны и при непрерывных одобрительных возгласах хотела на поле Федерации придать столь трогательный и торжественный характер обязательству, которое она на себя принимала под от-

крытым небом и в присутствии молодого поколения, обязательству неустанно трудиться, чтобы повсеместно обеспечить победу и никогда не потерпеть того, чтобы у нее на глазах нарушались вечные права природы, которыми она, наконец, овладела и сохранить которые навсегда она тогда казалась достойной.

Всякий внимательный читатель сказал уже себе, что в прискорбном изложении, предшествующем последнему абзацу, я начертил точную картину или, скорее, смягченный набросок средств, которые были с тех пор пущены в ход, чтобы вырвать у народа его демократическую конституцию, усовершенствования и сохранения которой он требовал, и навязать ему чуждую конституцию, которая в то самое время, когда составлялся протокол ее принятия, привела, в числе других прекрасных вещей, к памятным дням вандемьера, в результате которых была бы безусловно свергнута республика, если бы не героическая самоотверженность самых верных друзей народа, на помощь которых Национальный конвент, конечно, не имел права рассчитывать.

Да, если роялисты не одержали победу 13 вандемьера, то это произошло потому, что в условиях великой опасности для общественной свободы демократы поняли, что во имя столь священного интереса они обязаны с опасностью для жизни спасти тех самых преследователей, которые так предавали свободу,

но гибель которых влекла за собой гибель свободы.

Если роялисты не одержали победы, то произошло это потому, что демократы армий, видя, что демократы коммуны встанут под их знамена, поняли, что удары направлены не против народа и его друзей, и что по крайней мере на этот раз их оружие не будет обесцещено. Одно это должно было заставить их решиться.

Не будь этого обстоятельства, крайне сомнительно, чтобы они решились; и, конечно, надо признать, что Национальный конвент не имел бы основания жаловаться на их нерешительность. Он непрерывно совершал столь серьезные, столь многочисленные несправедливости, он так скандально вступил в сделку с предателями, так упорно подчинялся затеям секционеров, что я не вижу, какой упрек он мог бы сделать солдатам, которые не считали бы контрреволюционерами и тем более отъявленными врагами революционных принципов тех самых людей, которых Конвент в течение тринадцати месяцев превозносил за их рвение и патриотизм, пользовался их внушениями, прислушивался к их мнению, исполнял их волю, помогал им в их неистовой деятельности.

Национальный конвент — об этом надо сказать — даже в то время восставал по существу и по форме против тех, кого сам называл народом; ни на одно мгновение не переставал

он быть вызывающе преступным в отношении парижских секций, поскольку он рассматривал их как подлинные первичные собрания и, признавая их таковыми, должен был видеть в них составные части суверенного народа, которые в этом отношении и в выражении своей воли, как и всего, что должно было ее подготовить, осветить, окончательно определить, не обязаны были подчиняться ничьему закону, должны были главным образом держаться независимо от уполномоченных, представивших на их рассмотрение проект конституции. Это неоспоримо и отрицалось только нашими тиранами и теми, кого они одурачивали.

Таким образом, парижские секции, в качестве первичных собраний, были всегда правы в отношении Национального конвента, вплоть до того времени, когда они сами отказались носить тот характер, который согласились им придать, и, превратившись в воинственные фаланги, блокировали Конвент с намерением, по крайней мере видимым, уничтожить его.

Что бы ни думали насчет этого побочного, второстепенного вопроса, по крайней мере всеми признано, для всех ясно, что эти постоянные уполномоченные народа не могли попрасть его конституцию, желанную, торжественно принятую, которую он настойчиво требовал, которую каждодневно скреплял потом и кровью, которой они сами много раз присягали, и принудить его склониться под ярмом нового кодекса, который являлся их

собственным кодексом, не нарушая тем самым открыто всего, что есть здравого и сзятото на земле.

Сказанное мной было много раз и более чем достаточно доказано.

Но что еще не было сказано и что, однако, не менее очевидно,— это то, что своей последней ошибкой, достойным венцом всех других ошибок, Национальный конвент поставил народ в такое положение, которое чревато постоянным риском гражданской войны.

В самом деле, народ поставлен, с одной стороны, перед своей собственной конституцией, единственно законным и действительно обязательным кодексом, а с другой — перед другим, неведомым, так называемым кодексом, которому Национальный конвент тщетно старается придать по крайней мере такие формы и такую видимость национальной воли, которые смогли бы на короткое время скрыть его порочность и совершенное ничтожество; так что какие бы действия отныне ни предпринимались, Франция и каждая ее коммуна в отдельности будут казаться вследствие этого непостижимого насилия разделенными на две, весьма отличные друг от друга части, ярко выраженные и неизбежно враждебные одна другой. При том положении, в каком мы находимся, представляется лишь один-единственный способ выйти из него. Это — созвать подлинные первичные собрания, которые на сей раз будут состоять,

как это и должно быть, из всей совокупности французских граждан.

Именно они и должны будут показать Европе, действительно ли французский народ хотел отказаться от своей конституции, т. е. конституции 1793 г., и пожертвовать ею; ибо она одна является его подлинной конституцией, ибо только она была им принята.

В том случае, если первичные собрания решатся отвергнуть эту конституцию, им останется обсудить, считают ли они, однако, подходящим кодекс 1795 г., который, вполне очевидно, пока еще представляет собой только простой проект.

Этот кодекс останется только проектом, до тех пор пока в результате действительного, суверенного его принятия, обязательного для всех, он не станет признанным законом республики.

Для того чтобы эта конституция была реально принята, необходимо, чтобы она была свободно провозглашена. Для того чтобы ее принятие явилось предписанием к повиновению, надо, чтобы она выражала волю большинства. Для того чтобы ее принятие было обязательным, надо, чтобы эта воля, чисто-сердечно и торжественно констатированная, могла считаться выражением воли каждого добросовестного человека.

В данном случае эти три главных условия совершенно не были соблюдены, ни одно не было выполнено, вернее, всеми ими играли с самой возмутительной легкостью.

Прежде всего — целый год страшных, жестоких гонений на патриотов с разрешения властей; в течение этого года вожаки Национального конвента находились в явном, постоянном заговоре против народа; они увенчали этот год эксцессами, которые когда-нибудь покажутся невероятными, что свидетельствует о том, чем являлось это так называемое свободное *принятие* конституции, которое, как это вполне очевидно, было лишь триумфом тирании.

В отношении второго пункта, если даже исходить из бесконечно подозрительных расчетов власти, заинтересованной в том, чтобы преувеличить все результаты, то и в этом случае неоспоримо, что она могла одержать верх только с сомнительного согласия жалкого *меньшинства*, которого она должна была стыдиться, и, как казалось, действительно стыдилась.

Что касается третьего пункта, то излишне было бы обсуждать его серьезно. Хорошо известно, что ничто не было *аутентичным*, ничто не являлось *констатацией*, разве только лепет и постоянные затруднения того, кто, получив задание выверить и подсчитать число голосов, никогда сам не знал, что ему надо сказать.

Но я не касаюсь всего этого, хотя это и имеет определяющее и решающее значение, и перейду к еще более решающему возражению и вот к какому:

Были ли у вас подлинные первичные соб-

рания в фрюктидоре III года республики? Сборыща, на которых был *принят* или *создана* видимость *принятия* вашего нового кодекса, являлись ли они действительно первичными собраниями?..

Право занять место на первичном собрании, принять в нем участие и высказать свое мнение, которое должно быть принято и с которым должны считаться, есть первейшее право каждого гражданина республики, разбитой на первичные собрания для пользования политическими правами.

Это право — основа и обеспечение всех других прав, это право, пользование которым как бы приоткрывает политическую сцену, на которой не может произойти ничего строго законного и обязательного, если оно не является следствием того, чего желали и что решили первичные собрания. Это право было заведомо и скандальным образом нарушено в лице огромного числа граждан, незаконно осужденных на невозможность высказать свое мнение и добиться его принятия или даже ознакомления с ним.

Во-первых, в это время в большом количестве коммун бесчисленные тюрьмы, созданные контрреволюцией, были еще заполнены множеством лучших, наиболее ярко выраженных демократов, незаконно в них содержавшихся. Но не только этот факт незаконного и тиранического исключения имел место; различные первичные собрания, членами которых являлись эти лица, должны были предварительно,

до их окончательного конституирования для того, чтобы обсудить представленный им проект, выполнить свою первейшую обязанность, без чего их последующие решения не могли стать элементами суверенной воли,— они должны были требовать и предписать, чтобы их члены были освобождены, ибо пока они не будут освобождены и не получают возможности участия в первичных собраниях, эти собрания не смогут признать себя в полном составе и имеющими право на существование.

Следовательно, с этой точки зрения еще сомнительно, было ли у вас в фрюктидоре III года республики хоть одно подлинное первичное собрание.

Во-вторых, достаточно большое число граждан в значительном количестве коммун было незаконно отстранено либо изгнано из первичных собраний, необходимыми членами которых они являлись. Таким образом, эти собрания, сами себя извратившие в существенных и основных своих частях, переродившиеся в самой своей сути, вследствие отказа от своих настоящих элементов, никогда не смогли достигнуть подлинного существования; с достоверностью можно сказать, что они его вовсе и не имели. Я вижу в них одни только сборища.

Следовательно, с этой новой точки зрения нелегко было бы с точностью определить тот пункт в республике, где смогло образоваться в фрюктидоре III года подлинное первичное собрание,

Я, следовательно, был прав, предлагая вам разрешить это крайне обоснованное и первое по порядку, как и по значению сомнение в вопросе, который нас занимает. Заканчивая, я повторяю: имели ли вы во Франции в фрюктидоре III года подлинные первичные собрания?.. Являлись ли действительно сессии, принявшие или делавшие вид, что принимают ваш новый кодекс, первичными собраниями? Если вы случайно считаете, так же как и я, что это не были подлинные первичные собрания, то я прошу вас, посмотрите, не считаясь ни с какими другими соображениями, не будет ли разумно и справедливо с вашей стороны обратиться по этому вопросу чистосердечно с призывом к народу, который на этот раз соберется свободно в своих различных первичных собраниях? И тогда он выскажется как суверен; а когда он выскажется, то все добрые граждане повинуются.

Этот способ представляется мне несравненно наилучшим. Я считаю его предпочтительным в этом пункте перед всеми изданными законами, как и теми законами, которые предстоит издать. Таково мое мнение; решение за вами.

Решение за вами, сказал я; и в самом деле, если в тяжелые времена, о которых я напомнил, исключительные и крайние обстоятельства привели в расстройство ваши принципы, поколебали даже ваше мужество, то я считаю вас в действительности слишком справедливыми и преданными святому делу, которое вы

призваны защищать, чтобы в эти дни спокойствия и безопасности, когда вы пришли в себя, можно было опасаться с вашей стороны какого-либо недовольства идеей, которую я излагаю, и сомнением, которое я представляю на ваше рассмотрение.

Вы, напротив, поймете, что по существу и по форме, с точки зрения принципов, как и с точки зрения приличия, наиболее достойных длительного уважения, с точки зрения естественного, как и позитивного права, вечной справедливости, как и святости самых нерушимых обязанностей и договоров, добросовестные сторонники, преданные друзья конституции 1793 г. не должны вызвать порицания за взгляды и пожелания, которые они выражают. Было бы слишком надменно, жестоко, несправедливо питать за это обиду. Они должны вызвать интерес и похвалу у всех партий, если они ограничиваются только этим.

Париж, 23 жерминаля IV года.

КОММЕНТАРИИ

Ф. БУОНАРРОТИ

(Биографическая справка)

Буонарроти, Филипп-Мишель (Buonarroti Filippo Michele) родился 11 ноября 1761 г в дворянской семье, находившейся в родстве с Микель-Анджело. Учился в Пизанском университете. По окончании его жил во Флоренции, уже тогда отличался своими передовыми взглядами. Огромное влияние оказал на него Руссо. В 1786 г. у него был произведен обыск и изъята антирелигиозная литература.

Осенью 1789 г., вскоре после первых известий о французской революции, Буонарроти отправился на остров Корсику. Там он стал издавать на итальянском языке «Патриотическую газету Корсики». Активная деятельность Буонарроти на острове вызвала ненависть к нему со стороны реакционных элементов. В июне 1791 г., во время мятежа в Бастии Буонарроти был изгнан оттуда «за распространение учений, враждебных религии и направленных к тому, чтобы вызвать презрение к священнослужителям». Его насильственно посадили на корабль и отправили в Ливорно. После подав-

ления волнений в Бастии он возвратился на Корсику, где работал в администрации департамента. 2 сентября 1791 г. Генеральный совет Корсики возбудил ходатайство о присвоении ему французского гражданства. Возобновляя свое ходатайство в 1792 г., Совет указывал в своем решении, что «Филипп Буонарроти, тосканский уроженец, поселившийся в департаменте с начала революции, оказал большие услуги родине..., своими сочинениями и речами чрезвычайно сильно послужил делу свободы и равенства и... во всех отношениях заслужил включение в число иностранных философов, которых собрание удостоило звания французских граждан».

В конце 1792 г. Буонарроти отправился в сардинскую экспедицию. Его мужественное поведение было засвидетельствовано командующим экспедицией адмиралом Трюге. «Я отправляюсь в Сардинию,— писал Буонарроти Конвенту 17 ноября 1792 г.,— с мечом в одной руке и Декларацией прав в другой». Высадившись на острове Сен-Пьер, он выработал проект конституции для Сардинии и получил полномочия ходатайствовать перед Конвентом о присоединении острова к Франции.

Неудача сардинской экспедиции явилась результатом двусмысленной тактики Паскаля Паоли, защищавшего в свое время независимость Корсики от французов, вернувшегося на родину после революции, но оставшегося сепаратистом и готовившегося изменить рево-

люционной Франции в пользу Англии. С этого момента вся деятельность Буонарроти была направлена к разоблачению Паоли. По дороге в Париж он провел в тулонском якобинском клубе (март 1793 г.) резолюцию с требованием ареста Паоли и Поццо ди Борго, генерального прокурора-синдика Корсики (ставшего позднее русским министром иностранных дел). Благодаря настойчивости Буонарроти, Конвент 2 апреля принял декрет о вызове Паоли и Поццо для объяснений. Признанием заслуг Буонарроти явилось присвоение ему Конвентом 27 мая 1793 г. французского гражданства. Тогда же он был принят в якобинский клуб и познакомился лично с Максимилианом Робеспьером, которого чрезвычайно высоко ценил.

Летом 1793 г. Буонарроти был послан с миссией на Корсику, но пробраться туда ему не удалось. Некоторое время он пробыл на юге Франции, помогая Саличетти — члену Конвента, своему близкому другу. По возвращении в Париж Буонарроти продолжал борьбу против Паоли, издал новый памфлет против него «Окончательное разоблачение заговора в Корсике» (*Conspiration de Corse, entièrement dévoilée*) и по настоянию корсиканских членов Конвента Мальтедо и Казабьянки был отправлен на Корсику как комиссар Конвента с чрезвычайными полномочиями. Английская блокада задержала Буонарроти в Тулоне, где он блестяще выполнил ряд заданий представителей Конвента — Робеспьера млад-

шего, Саличетти, Рикора, высоко оценивших деятельность Буонарроти.

В это время с ним старался сблизиться Наполеон. Буонарроти познакомился с ним и со всей семьей Бонапартов еще на Корсике. Жозеф Бонапарт сотрудничал в его газете. Буонарроти оказывал всей семье Бонапартов материальную поддержку, и Наполеон в письмах к матери и Жозефу упрекал их в том, что они не платят долга Буонарроти. Уже тогда у Буонарроти сложилось мнение о Наполеоне как об опаснейшем честолюбце и мнимом республиканце.

С апреля 1794 г. до марта 1795 г. Буонарроти выполнял обязанности национального агента в Онелье на территории, состоявшей из присоединенной к Франции части Сардинии и из временно оккупированной части Генуэзской республики, причем он непосредственно участвовал в ряде боев. Его деятельность носила ярко выраженный якобинский, демократический характер. Буонарроти вступил в конфликт с маркизом Палестрино, крупнейшим землевладельцем, и конфисковал его поместье. В результате Комитет общественной безопасности, перешедший уже в руки термидорианцев, принял 1 вантоза III года решение об аресте Буонарроти «как сторонника террора и истребления населения». 5 марта 1795 г. Буонарроти был арестован и препровожден в Париж, где находился в заключении в тюрьме Плесси до 9 октября. Здесь он познакомился с Бабефом, который оказал на

него сильнейшее влияние. После выхода из тюрьмы Буонарроти из последовательного якобинца-робеспьериста превратился в коммуниста.

Роль Буонарроти в бабувистском движении освещена им самим в «Заговоре во имя равенства». Он был одним из руководителей общества «пантеонистов» и председательствовал на его последнем заседании 28 февраля 1796 г.; вошел в состав Тайной директории общественного спасения, организованной Баббефом в жерминале IV года (март 1796 г.). Он не прекращал в это время и своих связей с Италией. Саличетти немедленно же после своего назначения представителем Директории при итальянской армии в начале 1796 г. обратился за помощью к Буонарроти. 1 вантоза IV года он представил Директории докладную записку, в которой наметил план создания в Турине революционного правительства, базы для распространения движения на всю Италию. Директория дала Буонарроти официальные полномочия, о чем министр иностранных дел Делакура поставил в известность Како, французского представителя в Италии. Однако отъезд Буонарроти в итальянскую армию не состоялся в связи с подготовкой бабувистского выступления в Париже. На вандомском процессе Буонарроти заявил, что «должен был выехать в связи с делами, о которых известно правительству».

На суде Буонарроти держался мужественно. Вместе с еще четырьмя осужденными к

ссылке, а также с Вадье, бывшим членом Конвента, он был отправлен на остров Пеле, около Шербура, причем их перевозили в железной клетке. В 1800 г. Буонарроти был отправлен на остров Олерон, на западном побережье Франции (департамент Нижней Шаранты), где он находился под наблюдением полиции.

В декабре 1802 г. Наполеон лично подписал распоряжение о высылке Буонарроти под наблюдение на остров Эльбу. Этому предшествовал отказ Буонарроти от сделанного ему наполеоновским правительством предложения о полной амнистии и предоставлении должности при условии признания нового режима. До Эльбы Буонарроти не доехал. С 1803 по 1806 г. он находился в Соспелло (департамент Приморских Альп) под полицейским наблюдением. Ему ставилось в это время в вину, что в письмах он продолжает применять «стиль, напоминающий эпоху, которую мы все должны стараться забыть».

В 1806 г. Буонарроти получил разрешение на переезд в Женеву, входившую тогда в состав Леманского департамента. В этот период он был связан с тайной организацией «филадельфов», в частности, имел отношение к выступлению генерала Мале в 1812 г. Администрация департамента в донесениях министру полиции Савари требовала изгнания из Женевы Буонарроти, «самого сумасшедшего» из всей «кучки мятежников-якобинцев». «Буонарроти,— указывалось в одном

из донесений,— и сейчас такой же, каким он был, когда конспирировал с Бабефом. В течение шести лет он не переставал возбуждать ненависть к правительству». В 1813 г. Буонарроти был выслан в Гренобль, причем хотя и дал обещание воздерживаться от политической деятельности, но, как указывала администрация, для этого «необходимо было бы переделать его голову».

Первая реставрация Бурбонов застала Буонарроти в Женеве. Но с началом «ста дней», он обратился к Фуше с просьбой, чтобы «Наполеон, явившийся, чтобы вернуть Франции независимость и свободу», отменил вандомский приговор и разрешил ему возвратиться во Францию. Ответа он не получил. Впоследствии, уже на о. Святой Елены, Наполеон вспоминал о Буонарроти: «Это был очень умный человек, фанатик свободы, но честный, чистый, террорист и все же хороший и простой человек. Кажется, что он не изменил своего характера... Он был поразительно талантливый человек, потомок Микель-Анджело, итальянский поэт, как Ариосто; он писал по-французски лучше меня, рисовал, как Давид, играл на пианино, как Паэзиелло».

С 1815 г. по 1824 г. Буонарроти жил в Женеве. Внешне он вел замкнутый образ жизни, давал уроки музыки и математики, в действительности же он занимался интенсивной революционной деятельностью. «Величайший конспиратор XIX века», по опреде-

лению М. А. Бакунина, Буонарроти стоял во главе тайной международной революционной организации, имевшей своеобразную иерархическую структуру, причем только высшие звенья были посвящены в основную коммунистическую цель этих обществ. Форма и наименование этой организации менялись в связи с провалами и полицейской слежкой, но ее коммунистическая цель оставалась неизменной. Этим она отличалась от тайных мелкобуржуазных карбонарских организаций, ставивших перед собой только политические задачи и не шедших дальше борьбы за республику. В 1822 г. Буонарроти направил в Италию своего последователя А. Андриана*. Его провал и арест послужили поводом для изгнания из Женевы Буонарроти, переселившегося в Брюссель.

В 1828 г. Буонарроти удалось осуществить свой давний замысел — закончить «Историю заговора во имя равенства, именуемого заговором Бабефа». Книга вышла в издательстве «Librairie romantique», имела большой успех, была переиздана уже в 1830 г. и переведена на английский язык Бронтерром О'Брайеном. В этот период Буонарроти сблизился с Ш. Тестом, ставшим с 1828 г. его ближайшим единомышленником.

После июльской революции 1830 г. Буонарроти в августе получил паспорт на имя Рай-

* A. Andryane. Mémoires d'un prisonnier d'Etat. 1837. v. 1.

мона и отправился в Париж. Он был в это время тесно связан с бельгийскими республиканцами и пытался организовать помощь бельгийскому революционному движению. Один из ближайших сторонников Буонарроти де Поттер входил одно время в состав бельгийского правительства.

Последние семь лет жизни Буонарроти провел во Франции. В этот период, сохраняя, по-видимому, свою собственную организацию («Le Monde»), Буонарроти был вместе с тем причастен к деятельности тайных республиканских обществ («Общество Друзей народа» и «Общество Прав человека»). Он оказал влияние на формирование взглядов и деятельность О. Бланки. Личное влияние Буонарроти испытали на себе в разной степени виднейшие представители французского социализма 30—40-х годов — Тест, Вуайе д'Аржансон, Распайль, Кабе, Луи Блан. Последний в своей «Истории десяти лет» охарактеризовал Буонарроти как «крупнейшую фигуру» того времени.

К помощи Буонарроти прибегал ряд историков французской революции, в частности Бюше и Ру пользовались его советами при составлении своей «Парламентской истории революции».

Буонарроти не порывал связей и с итальянским революционным движением. В 1830 г. он организовал в Париже вместе с П. Борромео, Бьянко, Мурри, Салфи комитет для вторжения в Пьемонт через Савойю. Этому пред-

приятно воспротивилось французское правительство. Экспедиция, организованная в феврале 1831 г., потерпела поражение.

До 1834 г. Буонарроти поддерживал связи с Мадзини. Между ними, однако, обозначились глубокие принципиальные расхождения. Буонарроти осуждал связи Мадзини с буржуазными кругами в Ломбардии. В противоположность Мадзини он считал, что революционная инициатива сохраняется за Францией. Он расходился с Мадзини и в понимании задач будущего революционного правительства Италии. Буонарроти в статье «О народном правительстве в освободительной революции» («Молодая Италия», 1833) высказывался за создание диктаторского правительства, «состоящего из небольшого числа энергичных людей», облеченного чрезвычайными полномочиями и имеющего целью создание новых политических, экономических, военных и педагогических учреждений. Мадзини возражал против диктатуры, совершенно неправильно приписывая Буонарроти защиту взглядов о необходимости личной диктатуры. Он доказывал также, что в Италии не потребуются террор, так как у итальянской революции нет внутренних врагов. В 1834 г. Буонарроти осудил организованную Мадзини экспедицию в Савойю как авантюру и решительно порвал с ним.

Образ жизни Буонарроти в Париже оставался исключительно скромным. Вуайе д'Аржансон дал ему приют в своем доме. В 1836 г.

в первом номере пушкинского «Современника» А. И. Тургенев описал свою встречу с ним: «Старец Буонарроти (потомок Микель-Анджело) обедал у нас. Он живая хроника последнего полувека; вот вкратце жизнь его. Он был в молодости другом тосканского преобразователя Леопольда; и до революции еще, оставив отечество, приехал во Францию. Здесь обольстили его первые идеи революции: он написал к Леопольду, отсылая ему тосканский орден, что он душою и помышлениями принадлежит тогдашней Франции и не может ужиться в отечестве. С тех пор действовал он в сфере, в которой кружилась тогда Франция; Директория посадила его в тюрьму. Наполеон его не освободил; но во все время его владычества он жил или по тюрьмам, или по городам под присмотром, где и застал его 1814 год. В заговоре, Бабеном описанном, его едва не повесили. После 1814 года он скитался в бедности, жил трудами и не принимал никакой помощи ни от богатого сына, в Саене живущего, ни от приятелей: теперь *Voyer d'Argenson* дает ему конурку, где он философом проживает век, один, воспоминаниями. Дряхлая жена его в бедности, в Женеве. Он характеризует многих прекрасно и рассказывает подробности о происшествиях и лицах, не многим известных. В молодости и после коротко знавал Наполеона. В Корсике жил в доме его матери и, когда Наполеон приезжал повидаться с нею, то в последнюю ночь, которую подпоручик Буо-

напарте провел в доме родительском, Буонарроти спал с ним на одной постели. С тех пор они иногда ссорились, но никогда не мирились. Буонапарте попал на трон, Буонарроти — в тюрьму».

16 сентября 1837 г. в газете «National» было напечатано следующее объявление о кончине Буонарроти: «Филипп Буонарроти, бывший комиссар Конвента, умер сегодня вечером у своего друга Вуайе д'Аржансона после 76 лет жизни, полной добродетели». В похоронах на Монмартрском кладбище участвовало около 1500 человек. На могилу был возложен венок из дубовых листьев с надписью: «Буонарроти, великий гражданин, друг равенства, народ присуждает тебе этот венок; история и потомство одобряют это».

По поводу надписи на могильном памятнике Ш. Тесту пришлось вести продолжительную борьбу с парижской полицией. На одной стороне памятника было написано: «Ф. Буонарроти, родился в Пизе (Тоскана) 11 ноября 1761 г.; получил французское гражданство по декрету Национального конвента 27 мая 1793 г.; умер в Париже 16 сентября 1837 г.». На другой — высечена надпись из речи Буонарроти на вандомском процессе: «Вам предстоит судить мою бурную жизнь, полную жертв и страданий во имя горячего стремления к общему благу». Надпись на третьей стороне гласила: «Осужденный на изгнание, подвергшийся гражданской казни в тюрьме, в ссылке, среди самых тяжелых преследова-

ний, он, тем не менее, продолжал свое дело. Ничто не могло поколебать его мужества. Он жил для человечества». Префект полиции граф Рамбюто категорически потребовал удаления двух последних фраз. Даже на могиле Буонарроти полиция продолжала преследование нестигаемого революционера, длившееся свыше сорока лет.

Личный архив Буонарроти сохранялся долгое время у его друга бабувиста Бодемана. В 1910 г. он был передан в рукописное отделение Парижской национальной библиотеки, после чего началось интенсивное изучение биографии Буонарроти и его деятельности. Фотокопии этого архива находятся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

ГРАКХ БАБЕФ

(Биографическая справка)

Бабеф, Ноэль-Франсуа (Babeuf, Noël-François, в 1790 г. переименовал себя в Камилла, а в 1793 г.— в Гракха) родился 23 ноября 1760 г. в Сен-Кантене (Пикардия). Отец его дезертировал из армии и отправился за границу, служил в Австрии. В 1755 г. был амнистирован и вернулся во Францию. Последние годы жизни провел в нужде, работал в качестве надсмотрщика по сбору соляной подати у «генеральных откупщиков». Гракх Бабеф рано покинул семью, работал одно время на сооружении пикардийского канала. Получив небольшое начальное образование, данное ему отцом, Бабеф упорно работал над расширением своих знаний. С 1781 г. он стал февдистом и поселился в г. Руа (Пикардия). Приводя в порядок феодальные архивы, Бабеф проникся ненавистью к феодализму и стал проявлять большой интерес к социальным проблемам, внимательно изучать Руссо и Мабли. В переписке с секретарем Аррасской академии Дюбуа-де-Фоссе

(в годы революции ставшим руководителем либеральной директории департамента Па-де-Кале) в 1785—1788 гг. Бабеф высказывался за «великую революцию, которая должна принести великие изменения», внес проект создания «коллективных ферм» и предложил тему для конкурса: «Каково будет положение народа... общественные учреждения которого будут таковы, что между всеми его членами будет установлено самое совершенное равенство, земля, которую он населяет, будет принадлежать всем, всё будет общим, вплоть до продуктов всех отраслей промышленности. Будут ли подобные учреждения оправданы естественными законами? Возможно ли существование подобного общества и осуществимы ли мероприятия, при помощи которых будет достигнуто абсолютно равное распределение?»

«Архивист и землемер» до 1789 г., Бабеф, по его словам, сразу же после начала революции стал «пропагандистом свободы и защитником угнетенных» *. При составлении наказов Бабеф выступил за уничтожение феодальных повинностей и против «слишком большого неравенства имуществ». Уже 17 июля Бабеф приехал в Париж, где представил Учредительному собранию (в октябре) работу «Постоянный кадастр», в которой он высказался за уничтожение земельной собственности и

* G. Deville. Notes inédites de Babeuf sur lui-même («La Révolution Française», 1905, t. 49).

наделение земель равными участками в пожизненное пользование. Бабеф принял участие в движении 5—6 октября. Вернувшись в Руа, он начал настойчивую борьбу против косвенных налогов, взимавшихся «генеральными откупщиками». В 1790 г. Бабеф составил петицию «о том, что налоги с напитков, соляной налог, пошлины при въезде в города не должны больше, даже временно, сохраняться у французов, ставших свободными». Петиция имела огромный успех в Пикардии. В связи с этим в мае 1790 г. Бабеф по постановлению податного суда в Париже (Cour des Aides) как «главный подстрекатель всех беспорядков», «как мятежник, способный на любые крайности», был арестован и препровожден в Париж, в тюрьму Консьержери, где он пробыл около двух месяцев. В его защиту выступил Марат, который, по словам Бабефа, был его «официальным защитником», называл его «в своих газетах братом, другом и с триумфом вывел... из Консьержери»*. После освобождения Бабеф издавал в Нуайоне газету «Пикардийский корреспондент» и повел борьбу против крупной земельной собственности за ликвидацию феодальных повинностей без всякого выкупа, вопреки законодательству Учредительного собрания, и за раздел общинных земель Уже в 1790 г. Бабеф поставил вопрос о необходимости не распро-

* В № 53 «Друга народа» (4 июля 1790 г.) Марат призывал демократов навестить Бабефа в тюрьме, чтобы «поддержать его мужество, обеспечить ему помощь».

даже конфискованных церковных имуществ, а раздачи их в долгосрочную аренду, с соблюдением интересов не только государства, но и «частных лиц», имея в виду деревенскую бедноту.

В связи с возглавленным им весной 1791 г. в Руа движением за раздел общинных владений Бабеф был вновь арестован, но вскоре освобожден, так как арест вызвал огромное возмущение и никто из вызванных обвинением свидетелей не осмелился дать против него показания.

Летом 1791 г. Бабеф взял на себя защиту крестьян коммуны Давенекур, арестованных в связи с их выступлением против владелицы замка, графини Ламир. В опубликованной им петиции он характеризовал процесс как «одно из дел, которое должно быть отнесено к числу знаменитых, из изложения которого видно, как чудовищно велики еще остатки феодального могущества». Бабеф добился освобождения всех арестованных по Давенекурскому процессу. Во время бегства короля в Варенн Бабеф занимал ярко выраженную республиканскую позицию.

Считая недостаточно решительной деятельность левых депутатов (в том числе Робеспьера) в Учредительном собрании, Бабеф пытался оказать влияние на Законодательное собрание через депутата департамента Уазы аббата Купе. В сохранившихся письмах к Купе * Бабеф подчеркивал, что революция до

* Одно из этих писем было опубликовано А. Эс-

сих пор ничего не сделала для «неимущих классов», и настаивал на необходимости проведения «аграрного закона». Одновременно Бабеф требовал отмены цензовой избирательной системы, ежегодного переизбрания Собрания, допуска всех граждан в национальную гвардию, установления «народного вето» для утверждения всех законов и т. д.

После восстания 10 августа 1792 г. Бабеф в сентябре был избран в департаменте Соммы в Генеральный совет, в котором большинство составляли жирондисты, стремившиеся возможно скорее избавиться от «Марата департамента». В ноябре 1792 г. Бабеф был избран членом директории дистрикта Мондидье, где настойчиво добивался быстрее конфискации имущества эмигрантов.

Воспользовавшись незначительным промахом Бабефа, не выполнившего некоторых формальностей, администрация дистрикта Мондидье, в частности прокурор-синдик Лонгекан, преследовавший Бабефа еще по делу о налогах, обвинила его в «подлоге» и добилась отстранения его от должности и предания суду. В августе 1793 г. уголовный суд департамента Соммы приговорил Бабефа к 20 годам заключения «в кандалах».

Добиваясь реабилитации, Бабеф отправился в Париж. В марте 1793 г. он выступил

пинасом в 1898 г. в кн. «La philosophie sociale du XVIII s.». Другое письмо опубликовано М. Домманже в 1935 г. в сб. «Pages choisies de Babeuf».

против Марата в защиту Фурнье-Американца (один из организаторов мартовского выступления парижских секций против Дюмурье и жирондистов). Бабеф упрекал Марата в том, что он не уделяет достаточного внимания вопросу о «благополучии неимущего класса». В письме к Шометту в мае он критиковал первый максимум (4 мая). Поддерживая проект Декларации прав человека, выдвинутый Робеспьером, за его предложение об ограничении собственности, Бабеф нападал на Конвент, считая, что за немногими исключениями в его составе нет «подлинных санкюлотов». Тогда же Бабеф начал разработку проекта «Законодательство санкюлотов, или совершенное равенство».

При содействии Сильвена Марешаля и Шометта Бабеф получил место секретаря продовольственной администрации Парижа, которой руководил тогда Гарен. Добиваясь последовательного проведения максимума, Бабеф сыграл большую роль в конфликте между продовольственной администрацией Парижа и министром внутренних дел Гара — скрытым противником твердых цен на продовольствие. В этот период Бабеф принимал ближайшее участие в движении парижских секций против дороговизны.

По настоянию администрации департамента Соммы Бабеф был вновь подвергнут заключению. После первого кратковременного ареста (14 ноября — 7 декабря 1793 г.) он был временно освобожден на поруки. В этот

период Бабеф выступал с критикой религиозной политики и Робеспьера, и «дехристианизаторов». 1 января он был вновь арестован, но добился через несколько месяцев постановления Конвента о новом пересмотре дела в кассационном суде департамента Эны (г. Лан). Здесь он был 30 мессидора II года (18 июля 1794 г.) освобожден, хотя дело не было прекращено.

Вернувшись в Париж, Бабеф не сразу разобрался в контрреволюционной сущности переворота, происшедшего 9 термидора. Однако уже через несколько недель он понял свою ошибку. Позднее, в 1796 г., он писал по этому поводу: «Я признаюсь чистосердечно, что очень зол на себя за то, что когда-то видел в черном свете революционное правительство, и Робеспьера, и Сен-Жюста и др.»

Бабеф приступил к изданию «Газеты свободы печати», переименованной им с октября 1794 г. в «Трибуна народа, или защитника прав человека». Он был одним из руководителей «Электорального клуба», объединившего сохранившихся эбертистов и «бешеных». Газета Бабефа за ее решительную борьбу против термидорианцев вскоре была лишена материальной поддержки ее первоначального издателя Гюффруа. Уже в октябре 1794 г. Бабеф был подвергнут кратковременному аресту. 3 февраля 1795 г., после резкого выступления против него Тальена в Конвенте, Бабеф был снова арестован за призыв «к мятежу, убийствам и роспуску национального пред-

ставительства». Его арест произошел как раз накануне выступлений парижских предместьев в жерминале и прериале, подготовке которых пропаганда Бабефа, несомненно, чрезвычайно содействовала.

В парижской тюрьме, особенно же в аррасской, где Бабеф находился до осени 1795 г., он усиленно вел теоретическую организационную работу, связался с рядом работников революционного правительства, привлекавшихся по процессу представителя Конвента в департаментах Севера и Па-де-Кале Жозефа Лебона. В Аррасе он особенно сблизился с арестованным гусарским капитаном Шарлем Жерменом, ставшим в дальнейшем одним из виднейших организаторов движения бабувистов. Сохранившееся письмо Бабефа к Жермену и первый вариант «Манифеста плебеев» свидетельствуют, что к этому времени у него выработалась уже более или менее последовательная система коммунистических взглядов, проникнутых, правда, грубым уравнительством.

10 сентября 1795 г. Бабеф был снова переведен в парижскую тюрьму Плесси, где он познакомился с Буонарроти. Во время попытки контрреволюционного мятежа 13 вандемьера Бабеф, поддержанный другими арестованными республиканцами, добивался от термидорианского Конвента хотя бы временного освобождения для участия в защите Республики.

Амнистированный и освобожденный 18 ок-

тября 1795 г., Бабеф сейчас же возобновил издание «Трибуна народа» (6 ноября), в котором решительно выступал против Директории, несмотря на ее попытки (через Фуше) добиться с ним примирения. Бабеф явился одним из вдохновителей клуба Пантеон, а после его роспуска создал нелегальную революционную организацию и приступил к подготовке вооруженного восстания против Директории. Его деятельность за этот период подробно освещена в книге Буонарроти. В декабре 1795 г. и феврале 1796 г. Директория пыталась арестовать Бабефа, которому удалось, однако, скрыться от преследований. 21 флореаля IV года (10 мая 1796 г.), после доноса предателя Гризеля, Бабеф вместе с Буонарроти был арестован на нелегальной квартире у портного Тиссо.

Очень стойко державшийся на судебном процессе в Вандоме и мужественно отстаивавший свои коммунистические взгляды, Бабеф был присужден к смертной казни. После оглашения приговора Бабеф попытался покончить с собой при помощи кинжала, который пронес в зал заседания суда его сын Робер-Эмиль. 27 мая 1797 г. он был казнен.

Литературное наследство Бабефа до сих пор полностью не собрано и не издано. Наиболее полная коллекция собрана в Москве в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

ИЗДАНИЯ КНИГИ Ф. БУОНАРРОТИ
«ЗАГОВОР ВО ИМЯ РАВЕНСТВА»

1. **Buonarroti Ph.** Conspiration pour l'égalité, dite de Babeuf, suivie du procès auquel elle donna lieu, et des pièces justificatives. T. 1—2. Bruxelles, 1828.
2. **Buonarroti Ph.** Conspiration pour l'égalité, dite de Babeuf... T. 1—2. Paris, Baudouin, 1830 (Collection de Mémoires relatifs à la Révolution française).
3. **Buonarroti Ph.** Conspiration pour l'égalité, dite de Babeuf... Paris. Au bureau de la «Propagande démocratique et sociale». 1849.
4. **Buonarroti Ph.** Conspiration pour l'égalité, dite de Babeuf... Paris, Charavay jeune, 1850.
5. **Buonarroti Ph.** Gracchus Babeuf et la conjuration des égaux. Pref. et notes par A. Ranc. 1869. (Les grands procès politiques).
6. **Buonarroti.** Conspiration pour l'égalité, dite de Babeuf. Préface par G. Lefebvre, prép. par R. Brécy et A. Soboul, bibl. par J. Dautry, t. I—II. Paris, Editions sociales, 1957 («Les Classiques du Peuple»),

ПЕРЕВОДЫ

1. **Buonarroti Ph.** History of Babeuf's Conspiracy for Equality... Transl. from the french language... by Bron-terre. London, 1836.
2. **Buonarroti Ph.** Babeuf und die Verschwörung für die Gleichheit mit dem durch sie veranlassten Prozess und den Belegstücken. Uebers. und eingeleitet von A. und W. Bloss. Stuttgart, Dietz, 1909.
3. **Буонарротти. Г.** Бабеф и заговор равных. Пер. К. М. Горбач, под редакцией и с предисловием В. В. Святловского. Пг.—М., 1923 (с сокращенного французского издания 1869 г.)
4. **Buonarroti F.** Congiura per l'Uguaglianza o di Babeuf. Pref. e trad. de Gastone Manacorda. Torino, Einaudi, 1946,

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Суду по делу Бабефа было предано 65 человек, из которых 18 судилось заочно. Судебный процесс в Вандоме начался 20 февраля 1797 г. (2 вантоза V года); приговор был вынесен 26 мая (7 прерияля) того же года. По обвинению в подстрекательстве к восстановлению конституции 1793 г., что по закону 27 жерминаля IV года каралось смертью, Бабеф и Дарте были признаны виновными полностью, а 7 человек — Буонарроти, Жермен, Казен, Блондо, Буэн, Моруа, Менесье — со смягчающими обстоятельствами, в силу чего смертная казнь была заменена для них ссылкой. 55 человек, в том числе Друэ (бежавший до суда), Вадье, Амар, Феликс Лепелетье, Антонелль, Робер Ленде, Россиньоль, Фион, Рикор, Лэнбело, оба Дюпле и др., были признаны невиновными.

² Жермен, Шарль — гусарский капитан; во время термидорианской контрреволюции арестован; находясь в 1895 г. в Аррасской тюрьме одновременно с Бабефом, сблизился с ним; один из руководителей бабувистской организации; после ссылки вернулся в 1804 г., не принимал участия в политической жизни. Моруа — рабочий; бабувистский агент XII округа (Сен-Марсельское предместье). Казен — во время якобинской диктатуры был инспектором Арсенала; агент VIII округа. Менесье, Клод (род. 1757) — до революции садовник; член совета Парижской коммуны после 10 августа 1792 г.; во время якобинской диктатуры один из руководителей парижской полиции; бабувистский агент II округа; скрылся от преследований; был осужден в Вандоме заочно, а затем оправдан Сенским судом; при Наполеоне подлежал

высылке по проскрипционному списку 9 нивоза, но снова ушел от преследований. Блондо хотя и был осужден, но не имел отношения к движению; был оговорен Призелем для того, чтобы скомпрометировать Барраса, с которым Блондо был близко связан.

³ Судебный процесс был стенографирован и издан («*Débats du Procès instruit par la Haute Cour de justice contre Drouet, Baboeuf, et autres, recueillis par les sténographes à Paris. De l'Imprimerie Nationale*»). Архив Буонарроти после его смерти хранился у его друга, участника тайных обществ времен империи, Бодемана, собиравшегося написать биографию Буонарроти, и у республиканцев-демократов 30-х годов XIX в. Ш. Теста и Вуайе д'Аржансона. В 1910 г. этот архив поступил на хранение в Парижскую национальную библиотеку.

⁴ В оригинале Буонарроти пользуется выражением «секты» (*sectes*), подразумевая, однако, под этим термином политические группы.

⁵ Людовика XVI в декабре 1792 — январе 1793 г. судил Конвент. 366 депутатов голосовало за смертную казнь и 319 — за тюремное заключение и изгнание. Предложение жирондистов об отсрочке исполнения приговора было отклонено большинством 380 против 310. Приговор был приведен в исполнение 21 января 1793 г.

⁶ Буонарроти имеет в виду графа Мирабо, маркиза Лафайета, Ламетов и других представителей дворянства, игравших в начале революции руководящую роль в Учредительном собрании, но вскоре тайно или открыто перешедших в лагерь ее врагов.

⁷ О влиянии на Бабефа идей Руссо свидетельствует уже переписка накануне революции Бабефа с Дюбуа де Фоссе, секретарем Аррасской академии в 1785—1788 гг. Бабеф говорит в своих письмах о своей «беспредельной вере в Жан-Жака». Наибольшее влияние оказала на Бабефа «Речь о происхождении неравенства» и «Исповедь». Более критически отнесся он к «Общественному договору», хотя высоко ценил некоторые его мысли, в частности об английском парламентаризме. Бабеф неоднократно ссыла-

ся также на Мабли. В письмах к Купе, ставшему членом Законодательного собрания, Бабеф осенью 1791 г. вспоминал, как они вместе читали Мабли. При переименовании своей газеты в «Трибуна народа» в 1794 г. Бабеф указывал, что между его трибунством и римским «нет никакой аналогии», хотя вместе с Мабли он восхищался последним «как одним из прекраснейших учреждений, столько раз спасавших римскую свободу».

⁸ В личном архиве Буонарроти сохранился составленный им список «великих людей» древности и современной ему эпохи. В списке этом указаны следующие имена: Минус, Моисей, Пифагор, Ликург, Сократ, Платон, Агис, Тиберий и Кай Гракхи, Иисус («друг народа и равенства, враг богатства, деспотизма и суеверия»), Т. Мор, Иоанн Лейденский («создал в Мюнстере общность имуществ»), Руссо («своей речью о происхождении неравенства среди людей показал, что собственность является источником большинства несчастий, угнетающих человечество»), Мабли, Робеспьер («он хотел опраничить право собственности..., вместе с ним погибла французская революция»), Сен-Жюст, Кутон, Бабеф («пылкий апостол равенства»), Дарте, Уде («основатель общества филаделффов»), Мале («из глубины тюрьмы восстал против императорского деспотизма»), Мишель Лепелетье.

⁹ G. B. Mably. *De la législation ou principes de loi*. Amsterdam, 1776. Книга эта была известна Бабефу, по-видимому, до революции и оказала на него большое влияние. Он ссыался на нее в своей защитительной речи на вандомском процессе.

¹⁰ Впервые в Учредительном собрании мысль о разделении граждан на активных и пассивных была высказана Сиейсом еще в июле 1789 г., через две недели после взятия Бастилии. 31 августа того же года в докладе Мунье был изложен проект введения имущественного ценза, лишавший прав большую часть граждан. Буржуазные депутаты Собрания, сочувственно принявшие эти предложения, не решились, однако, вотировать статьи, прямо противоречившие

Декларации прав человека и гражданина, утвержденной лишь за 5 дней до этого. Народные выступления 5—6 октября придали им решимость, и законодательством октября — декабря 1789 г. Учредительное собрание юридически оформило установление имущественного ценза и разделение граждан на активных и пассивных. К числу активных граждан относились мужчины, достигшие 25 лет, прожившие не менее года в данной местности (кантоне), платившие прямой налог в размере местной трехдневной заработной платы. В число выборщиков допускались только лица, платившие налог в размере десятидневной заработной платы. Кандидаты в депутаты должны были платить прямой налог в размере не меньше марки серебром (около 54 ливров) и владеть какой-либо земельной собственностью. Из 26 миллионов тогдашнего населения Франции к числу активных граждан было отнесено только 4 298 360. В Собрании против введения ценза выступили лишь несколько депутатов во главе с Робеспьером. Вне Собрания, в Париже и стране, введение имущественного ценза вызвало резкие протесты революционно-демократических элементов, в особенности Марата; «Друг народа» боролся против стремления законодательством о цензе создать новую аристократию — аристократию богачей. Уже в ноябре 1789 г. Бабеф резко высказался против введения ценза в своих «Лондонских корреспонденциях», а в 1790 г. — в «Пикардийском корреспонденте».

¹¹ В ночь с 20 на 21 июня 1791 г. Людовик XVI с семьей бежал из Парижа, но через сутки был задержан вблизи границы, в местечке Варенн почтмейстером Друэ (привлекавшимся впоследствии по делу Бабефа). Побег и возвращение пленного короля вызвали широкое движение против монархии в столице и стране, возглавленное клубом кордельеров. Правое большинство Учредительного собрания 15 июля, несмотря на возражения Робеспьера и других депутатов, приняло постановление, реабилитировавшее Людовика XVI, представляя его побег как якобы имевшую место попытку «похищения» короля.

¹² «Резня на Марсовом поле» — расстрел 17 июля

1791 г. народной демонстрации, возглавленной клубом кордельеров, собравшейся для подписания петиции об отрешении короля от власти и о созыве нового Учредительного собрания (см. примеч. 11). События 17 июля завершили превращение крупной буржуазии в контрреволюционную силу, ставшую на путь вооруженной борьбы против народа. Марат, Робеспьер, Дантон и другие демократы, вынужденные скрываться после 17 июля, призывали народ к продолжению борьбы. Марат в «Друге народа» прямо говорил, что спасенье — в «восстании всей нации».

¹³ Наиболее левые руководители якобинцев и кордельеров, в том числе Робеспьер и Марат, считали преждевременным выдвигать требование провозглашения республики во время вареннского кризиса. Это требование совершенно неожиданно выдвинула более умеренная группа деятелей, в том числе Кондорсе, Бриссо, Н. Бонвилль, маркиз Дюшатле и т. д., за спиной которых, как предполагали, стоял Лафайет. Поведение этой «аристократической», как ее характеризует Буонарроти, группы казалось очень подозрительным наиболее передовым демократам. Бабеф, находившийся тогда в департаменте Соммы и не знавший о существовавших в Париже разногласиях, выступал в качестве решительного республиканца.

¹⁴ Зимой и весной 1792 г., когда жирондисты усиленно пропагандировали необходимость войны с Австрией, — к чему также стремилась в надежде осуществить контрреволюционные планы и партия двора, — Робеспьер и его единомышленники разоблачали тайные цели, преследуемые сторонниками войны. Робеспьер предостерегал, что «хотят затеять притворную войну», чтобы с ее помощью задуть революцию; он угадывал тайные намерения короля, Марии-Антуанетты и их сообщников, связывавших с началом войны свои контрреволюционные планы. Действительно, после объявления Францией войны Австрии (20 апреля 1792 г.) военные действия развернулись крайне неудачно для французов. Командующие армиями и многие офицеры-дворяне сознательно облегчали противнику ведение военных операций.

Как и предвидел Робеспьер, внутренняя контрреволюция помогала внешней контрреволюции.

¹⁵ В августе 1790 г. произошли волнения в швейцарском полку Шатовье, расквартированном в Нанси. Командующий войсками в Меце генерал Буйе с боем занял город и жестоко расправился с солдатами: 20 человек было повешено, 41—сослан на каторжные работы. В 1792 г. они были освобождены. День их возвращения — 15 апреля — торжественно праздновался.

¹⁶ Нарбонн, Луи (1755—1813)— граф; при поддержке жирондистов был назначен в декабре 1791 г. военным министром. Им был послан с тайной миссией к герцогу Брауншвейгскому сын генерала Кюстина, тесно связанного с жирондистами. Нарбонн предлагал герцогу принять командование французской армией, намереваясь в дальнейшем с помощью армии изгнать собрание и укрепить королевскую власть. После 10 августа Нарбонн эмигрировал в Англию, позднее служил при Наполеоне, пользовался его большим расположением.

¹⁷ Верньо (1753—1793), Гаде (1755—1794), Рабо де Сент-Этьенн (1743—1793), Бриссо (1754—1793), Горса (1752—1793), Кондорсе (1743—1793), Ланжюинэ (1755—1827), Луве (1760—1797), Барбару (1763—1793) — руководители жирондистской партии, оставшие после свержения монархии на путь борьбы против дальнейшего развития революции, а затем скатившиеся к прямой контрреволюции. 2 июня 1793 г. в результате победоносного народного восстания Конвент декретировал арест 29 депутатов-жирондистов, в их числе и всех перечисленных. Некоторые из них бежав из-под ареста, пытались поднять в провинции мятеж против власти якобинцев. За исключением Ланжюинэ и Луве, скрывавшихся в период якобинской диктатуры и вернувшихся в Конвент во время термидорианской контрреволюции, а также Кондорсе, покончившего с собой в тюрьме, все остальные жирондистские вожди, названные Буонарроти, были казнены в разное время по решениям революционных трибуналов.

¹⁸ Д ю м у р ь е, Шарль-Франсуа (1739—1823) — генерал. До революции выполнял секретные миссии Людовика XVI за границей; сохранял тайные связи с двором и после того, как примкнул к революции, сблизился сначала с Мирабо, затем с жирондистами. В марте 1792 г. вошел в состав жирондистского правительства в качестве министра иностранных дел; позже стал командующим северной армией. В марте 1793 г. Дюмурье вступил в переговоры с герцогом Кобургским, сообщив ему свой план разгона Конвента и восстановления монархии и обещав противнику очищение Бельгии. Пытался двинуть свою армию на Париж, но потерпел неудачу и бежал к австрийцам.

¹⁹ К ю с т и н, де, Адам-Филипп (1740—1793) — граф, генерал, участник войны североамериканских колоний за независимость. С 1792 г. — командующий Вогезской, затем Рейнской армиями; после первых успехов, в 1793 г. потерпел неудачи на фронте. Был близок к жирондистам. Казнен по обвинению в измене.

²⁰ Л а м е т, де, Александр (1760—1829), Шарль (1757—1832), Теодор (1756—1854), Огюстен — братья (последний политической роли не играл) из аристократической семьи. Александр и Шарль — участники войны североамериканских колоний за независимость, члены Учредительного собрания, руководители клуба фельянов. Теодор — член Законодательного собрания. Наибольшее политическое влияние имели Александр и Шарль, вместе с Барнавом и Дюпором ставшие в 1791—1792 гг. лидерами контрреволюционной уже к тому времени крупной буржуазии. После свержения монархии эмигрировали.

²¹ Л а ф а й е т, Мари-Жозеф (1757—1834) — маркиз, участник североамериканской войны, член Учредительного собрания, начальник Национальной гвардии, пользовался большой популярностью в начале революции. По мере углубления классовой борьбы переходил на все более правые, а затем и прямо контрреволюционные позиции. После 10 августа 1792 г. пытался двинуть войска на Париж, но потерпел неудачу. В период Реставрации и июльской ре-

волюции 1830 г. снова играл активную политическую роль.

²² Мирабо предложил свои услуги двору уже в январе 1790 г. Документы, сохранившиеся в «железном шкафу» Людовика XVI, и опубликованная переписка с графом де ла Марк полностью выявили его продажность. Марат первым стал разоблачать Мирабо еще в расцвете его популярности.

²³ Руководители жирондистов Верньо, Жансонне, Гаде в июле 1792 г., стремясь предотвратить низвержение монархии, вступили в переговоры с Людовиком XVI через его камердинера Тьерри и художника Боза. Гаде имел тайное свидание с королем и королевой. Во время процесса короля жирондисты прилагали все старания для спасения его жизни и в частности предполагали вывезти его в Соединенные Штаты Америки.

²⁴ Жирондисты, преобладавшие в Законодательном собрании, стремились распустить Парижскую коммуну — революционный муниципалитет, образовавшийся накануне 10 августа 1792 г. из представителей секций и возглавивший народное восстание, свергнувшее монархию. 30 августа Законодательное собрание приняло решение о роспуске Парижской коммуны и назначении перевыборов. Коммуна не подчинилась этому решению. Законодательное собрание до самого своего роспуска продолжало вести борьбу против Парижской коммуны.

²⁵ 2—3 сентября 1792 г. в критические дни республики, когда пруссаки после падения Лонгви и осады Вердена продвигались к Парижу, народные массы столицы, опасаясь контрреволюционного мятежа в Париже, подвергли казни часть заключенных в тюрьмах контрреволюционеров. Наблюдательный комитет Парижской коммуны указал в своем обращении к Франции, что «часть кровожадных заговорщиков, содержащихся в тюрьмах, уничтожена народом. Этот акт правосудия оказался неизбежным, чтобы сдерживать путем террора легионы предателей, содержащихся в стенах Парижа в тот момент, когда народ уходил на врага».

²⁶ Не имея опоры в Париже, жирондисты пытались противопоставить столице департаменты, где их поддерживала буржуазная администрация, избранная на основе цензового избирательного права. Ряд жирондистов высказывался за превращение Франции в федерацию по типу Соединенных Штатов Америки, создание «республики юга», перенесение столицы из Парижа и т. д. Отсюда появилась кличка «федералистов», которую якобинцы применяли к жирондистам, возглавившим после 31 мая—2 июня 1793 г. контрреволюционные восстания в департаментах.

²⁷ Мятеж в Лионе, организованный жирондистами, начался 29 мая 1793 г. Командование мятежниками перешло в руки роялиста графа де Преси. Жирондистское восстание в Тулоне началось 12 июля. В августе город был сдан англичанам и Людовик XVII провозглашен королем.

²⁸ Конституция III г., принятая термидорианским конвентом 22 августа 1795 г., восстанавливала цензовую избирательную систему. В то время как Учредительное собрание отказалось от двухпалатной системы, конституция III года вводила ее. Законодательный корпус должен был состоять из двух палат: Совета пятисот и Совета старейшин, лишенного законодательной инициативы, но утверждавшего законы, принимавшиеся Советом пятисот. Исполнительная власть вручалась директории из пяти человек, избиравшихся Советом старейшин по списку кандидатов, намечавшихся Советом пятисот.

²⁹ Сразу после выступления Робеспьера в якобинском клубе со своим проектом Декларации Бабеф дал ему самую положительную оценку в своем письме к Шометту 7 мая 1793 г. и в неоконченной рукописи «Законодательство санкюлотов». Уже позднее, в феврале 1796 г., в одном из последних номеров «Трибуна народа» он писал: «Когда 21 апреля 1793 г. Робеспьер вызвал аплодисменты и заслуженные восторги народа, определив право собственности как право каждого гражданина пользоваться всеми благами, которые гарантированы ему законом, право, ограниченное обязанностью уважать права всех остальных чле-

нов общества и не наносить ущерба их безопасности, их свободе, их существованию и их собственности; это определение было моим манифестом и эта редакция прав человека и гражданина вовсе не была произведением лицемера».

³⁰ Воспроизводимая Буонарроти Декларация прав человека и гражданина, предложенная Робеспьером, была оглашена последним в его речи на заседании якобинского клуба 21 апреля и на заседании Конвента 24 апреля 1793 г.

³¹ В окончательном тексте Декларации прав пункт о собственности, предложенный Робеспьером, подвергся значительным изменениям. Собственность была определена как право располагать по своему усмотрению своим имуществом, своими доходами, плодами своего труда и промысла. Бабеф решительно осудил это изменение. «Декларация прав Робеспьера, — писал он в «Трибуне народа», — претерпела только одно это существенное изменение, после которого она заняла место в начале конституции 93 года. Разумеется, после этого искажения она перестала быть моим манифестом».

³² Якобинская конституция 1793 г., принятая Конвентом 24 июня и утвержденная первичными собраниями департаментов в июне — июле, в период самой ожесточенной войны с внутренней и внешней контрреволюцией, не была введена в действие. Уже 12 августа делегаты первичных собраний, прибывшие в Париж на празднование дня 10 августа и провозглашения конституции, явились в полном составе в Конвент и потребовали, ввиду угрожающего положения республики, отсрочки применения конституции и сохранения власти за Конвентом и его комитетами. 10 октября 1793 г. (19 вандемьера II г.) Конвент, по докладу Сен-Жюста от имени Комитета общественного спасения, принял декрет, устанавливавший во Франции Временное революционное правительство до заключения мира. 4 декабря 1793 г. (14 фримера II г.) Конвент дополнительно принял декрет об организации революционного правительства, определивший структуру органов власти, порядок исполнения

законов и т. п. Декреты Конвента о революционном правительстве оформляли установление якобинской революционно-демократической диктатуры.

³³ Буонарроти приводит все даты по революционному календарю. Декретами 5 октября и 24 ноября 1793 г. Конвент установил новое республиканское летоисчисление и новый календарь. Первым днем первого года республики было установлено 22 сентября 1792 г.— дата провозглашения Конвентом республики. С этого дня начиналось и исчисление первого из 12 месяцев, состоявших каждый из 30 дней (3 декад). Остающиеся 5—6 дней, названных санкюлотидами, считались праздниками. Наименование месяцев: вандемьер (сентябрь — октябрь), брюмер (октябрь — ноябрь), фример (ноябрь — декабрь), нивоз (декабрь — январь), плувиоз (январь — февраль), вентоз (февраль — март), жерминаль (март — апрель), флореаль (апрель — май), прериаль (май — июнь), мессидор (июнь — июль), термидор (июль — август), фрюктидор (август — сентябрь). Соответственно: доклад Робеспьера 18 плувиоза II г.— 6 февраля 1794 г., речь Робеспьера 7 прериала II г.— 26 мая 1794 г. и т. д.

³⁴ Бабеф разделял эту оценку эбертистов, данную Буонарроти. В феврале 1796 г. он писал бабувистскому агенту, бывшему эбертисту Жозефу Бодсону: «Я не занимаюсь при этом вопросом, были ли Эбер и Шометт невиновны. Если даже и так, я все-таки оправдываю Робеспьера. Путаники, люди... жаждавшие славы и преисполненные самомнения, как, например, Шометт, могли быть расценены нашим Робеспьером как желающие вырвать у него руководство колесницей... Тот, кто видел, что все эти смешные соперники даже при самых лучших своих намерениях все испортят, мог, как мне кажется, сказать: отстраним... этих докучливых гномов вместе с их добрыми намерениями. И, по моему мнению, он поступил правильно... Судьба 25 миллионов людей не должна зависеть от поведения нескольких сомнительных личностей». Еще в 1793 г. Бабеф критиковал позицию эбертистов в вопросах религиозной политики.

³⁵ В заметках Буонарроти о французской революции приведен список «главных участников заговора 9 термидора». К числу их Буонарроти относил: Снейеса, Ребеля, Мерлена из Тионвиля, Паниса, Барраса, Тюрियो, Камбона, Фрерона, Бентабола, Леонара Бурдона, Ровера, Ленде, Мерлена из Дуэ, Эшассерио, Тальена, Гупийо, Феро, Лежандра, Лакоста, Гюффруа, Лекуантра, Фуше, Дюбуа-Крансе, Вадье, Амара, Карно, Бийо-Варенна, Колло д'Эрбуа, Барера, Вуллана, Бэйля и др.

³⁶ 3 октября 1793 г. Конвент принял решение об аресте 75 жирондистских депутатов, подписавших протест против событий 31 мая—2 июня. Вследствие допущенной опечатки в ряде изданий, где цифра 75 была заменена цифрой 73, стали говорить о 73 депутатах; эту цифру—73—называет и Буонарроти. Некоторые из них еще до ареста бежали на юг к мятежникам. Робеспьер неоднократно возражал против предания этой группы жирондистов суду революционного трибунала, как сделано было в отношении других жирондистских депутатов, участвовавших в организации мятежа. После контрреволюционного переворота 9 термидора по постановлению Конвента от 18 фримера III г. (8 декабря 1794 г.) члены этой группы были восстановлены в правах депутатов.

³⁷ Речь идет о Комитетах общественного спасения и общественной безопасности, в которых с июня 1794 г. термидорианские заговорщики оказались в большинстве. С 15 мессидора (13 июля 1794 г.) Робеспьер перестал участвовать в работе Комитета.

³⁸ К у т о н, Жорж (1755—1794) — видный якобинец, член Законодательного собрания, примыкавший к ее крайней левой, депутат Конвента, член Комитета общественного спасения, один из руководителей революционного правительства, близкий сподвижник Робеспьера и его политический единомышленник. Кутон вместе с Сен-Жюстом оставался в составе Комитета общественного спасения до контрреволюционного переворота, ведя борьбу против термидорианских заговорщиков. Казнен вместе с Робеспьером, Сен-Жюстом и др. 10 термидора.

³⁹ Леба, Филипп-Франсуа (1764—1794)—якобинец, депутат Конвента, член Комитета общественной безопасности; друг и сподвижник Робеспьера; сыграл значительную роль как комиссар Конвента в армиях. Казнен вместе с Робеспьером 10 термидора.

⁴⁰ Робеспьер, Огюстен-Бон-Жозеф (1763—1794)—младший брат Максимилиана Робеспьера, якобинец, член Конвента, комиссар Конвента в армиях. Казнен термидорианцами.

⁴¹ Давид, Жак-Луи (1748—1825)—знаменитый французский художник, якобинец, член Конвента, член Комитета общественной безопасности, сторонник Робеспьера. После контрреволюционного переворота 9 термидора заключен в тюрьму; впоследствии был амнистирован; при Наполеоне стал его официальным живописцем.

⁴² 12 жерминаля III г. (1 апреля 1795 г.) и 1—2 преряля (20—21 мая) произошли последние революционные массовые выступления парижских предместьев, направленные против резкого ухудшения продовольственного положения после отмены максимума (4 нивоза III года) и против контрреволюционной политики термидорианского Конвента. 12 жерминаля демонстрация ворвалась в Конвент с требованием «хлеба и конституции 1793 года». Преряльское выступление имело гораздо более организованный и решительный характер. Для подавления восстания впервые с 1789 г. в Париж были введены войска. 3—4 преряля сорокатысячная армия окружила и разоружила Сент-Антуанское предместье. После жерминаля и преряля были арестованы свыше 60 депутатов Конвента и тысячи виднейших деятелей времен якобинской диктатуры.

⁴³ Вскоре после казни Робеспьера правыми термидорианцами было выдвинуто требование репрессий против так называемых левых термидорианцев — членов Комитетов общественного спасения и общественной безопасности, в первую очередь Барера (1755—1841), Бийо-Варенна (1756—1819), Колло д'Эрбуа (1750—1796) и Вадье (1736—1828). 7 нивоза III г. была создана комиссия по расследованию их деятель-

ности. 12 вантаза Конвент принял решение об их аресте. После 12 жерминаля все четверо без суда были высланы на остров Олерон. После прериала Колло д'Эрбуа и Бийо-Варенн были отправлены в Гвиану, где Колло умер. Барер был освобожден по амнистии IV г. В своих мемуарах он очень тепло отзывается о Буонарроти, с которым Барер и Вадье часто встречались в Брюсселе, где они жили в качестве эмигрантов до июльской революции 1830 г.

⁴⁴ Расшифровка анаграмм сделана на основании письма Ф. Буонарроти к Бронтеру О'Брайену от 3 мая 1836 г. (см. Приложение 1). В этом списке были расшифрованы не все анаграммы, встречающиеся в книге Буонарроти.

⁴⁵ Дебон — член бабувистской Тайной дирекции общественного спасения. Жюльен, Марк-Антуан младший (1775—1848) — сын члена Конвента Жюльена из Дромы; был агентом Комитета общественного спасения, выполнял ответственные миссии, особенно в Нанте и Тулузе; пользовался особым доверием Робеспьера; после 9 термидора был арестован. Находился в тюрьме Плесси вместе с Бабефом; после освобождения принимал сперва участие в бабувистском движении, был редактором газеты «Плебейский оратор»; отошел от бабувизма и с 1796 г. находился при армии Наполеона в Италии и Египте; в 1813 г. был арестован; позднее был редактором «Энциклопедического обозрения», перешел на позиции буржуазного либерализма. Фион, Жан-Жозеф (1755—1818) — бельгийский революционер, бургомистр Льежа; получил чин генерала как участник похода в Бельгию; отступил вместе с французскими войсками; в 1796 г. после присоединения Бельгии был избран в Совет пятисот от Льежа; участник якобинских организаций 1798—1799 гг.; после взрыва «адской машины» в январе 1801 г. был выслан Наполеоном. Дюпле, Симон — секретарь Робеспьера, сын плотника Мориса Дюпле, члена революционного трибунала, у которого жил Робеспьер; оба, отец и сын, привлекались по вандомскому процессу, но были оправданы; впоследствии был связан с Фуше и стал осведомителем министерст-

ва полиции. Б о д с о н, Жозеф (р. 1765) — по профессии ювелир и гравер; был одним из администраторов парижской полиции и судьей 1-го округа до 9 термидора; близок к эбертистам; один из руководителей «Электорального клуба», составитель петиции о восстановлении выборности парижских властей (30 термидора), за которую был арестован; друг Варле и Бабефа, протестовавшего в 1794 г. против ареста Бодисона. Ф и к е, Клод — бабувистский агент 11-го округа, до 9 термидора один из администраторов парижской полиции; был в числе организаторов прерияльского восстания; участник якобинского клуба 1799 г.; был сослан сейчас же после переворота 18 брюмера. М а й е — бывший председатель революционного трибунала в Марселе. Г р а в ь е — деятель лионского революционного движения, близкий к Шалье; видный член парижского трибунала. Б у э н, Матурен — активный деятель парижского санкюлотского движения; участник движения 31 мая — 2 июня; во время якобинской диктатуры был мировым судьей секции Рынков; после 9 термидора защищал Каррье в якобинском клубе; на вандомском процессе приговорен заочно к ссылке; при пересмотре дела уголовным судом департамента Сены Буэн и Менесье были оправданы; после взрыва «адской машины» сослан на остров Анжуан, где и умер. Т р е н ш а р — присяжный заседатель революционного трибунала; председатель одной из комиссий, созданных для проведения вантозских декретов, арестованный сейчас же после 9 термидора. Г у л а р находился в 1795 г. совместно с Бабефом и Жерменом в Аррасской тюрьме; после освобождения был комиссаром полиции секции Обсерватории и благодаря этому оказывал ценные услуги движению; Жюльен Д е з а р м — один из руководителей оружейной мануфактуры в Париже. О ряде других участников бабувистского движения, упоминаемых Буонарротти, сведения недостаточно достоверны.

⁴⁶ Г у ж о н, Александр (1776—1795) — якобинец, член Конвента, весной 1794 г. недолгое время министр внутренних дел, затем иностранных дел; Р о м м, Шарль-Жильбер (1750—1795) — якобинец; сын про-

курора; до революции был в России губернатором в доме гр. Строгановых; член Конвента; автор революционного календаря; выполнял ответственные миссии в армии; С у б р а н и (1753—1795) — якобинец; аристократ по происхождению, до революции был офицером, член Законодательного собрания и Конвента; 1793—1794 гг. провел на фронтах в качестве народного представителя при армиях республики. Д ю р у а (1753—1795) — якобинец, адвокат, член Конвента; народный представитель в армиях республики; Д ю к е н у а (1748—1795) — якобинец; до революции монах; член Законодательного собрания, где примыкал к крайней левой; член Конвента; народный представитель при армиях республики. Б у р б о т (1773—1795) — якобинец; член Конвента, народный представитель при армиях. Все шестеро способствовали или сочувствовали перевороту 9 термидора, но вскоре, в связи с раскрытием термидорианцами их контрреволюционных целей, признали ошибочность своего поведения и возглавили так называемую вершину — объединение, «последних монтаньяров» в Конвенте. Приговоренные к смертной казни по делу 1 прерияля, они закололи себя кинжалом, передаваемым из рук в руки. Субрани, Дюруа и Бурбот, ранившие себя тяжело, но не на смерть, были гильотинированы. П р и е р из Марны, Пьер-Луи (1756—1827), видный якобинец, член Конвента, член Комитета общественного спасения, и А л ь б и т, якобинец, член Конвента, привлеченные по прерияльскому делу, бежали до суда П е й с с а р и Ф о р е с т ь е — депутаты-монтаньяры, привлеченные по тому же прерияльскому делу; первый был приговорен к ссылке; второй был признан невиновным и возвращен в тюрьму — в распоряжение Комитета безопасности.

⁴⁷ 5 мессидора III года (23 июня 1795 г.) с докладом о принципах новой конституции выступил от имени комиссии Буасси д'Англа, заявивший: «Вы должны, наконец, гарантировать богатым их собственность... Абсолютное равенство является химерой... Нами должны управлять лучшие; лучшие являются наиболее заинтересованными в сохранении законов и

наиболее образованными; за немногими исключениями вы найдете подобных людей только среди тех, кто владеет собственностью... Страна, управляемая собственниками, находится в состоянии общественного порядка... Если вы безоговорочно дадите политические права людям, лишенным собственности... они увлекут нас к насильственным потрясениям, от которых мы с таким трудом избавляемся».

⁴⁸ 18 брюмера VIII г.—государственный переворот Наполеона Бонапарта 9 ноября 1799 г.

⁴⁹ Антонелль, Пьер-Антуан (1747—1817)— по происхождению маркиз; член Законодательного собрания; был послан в августе 1792 г. комиссаром в армию Лафайета; председатель присяжных заседателей на процессе жирондистов; был арестован и освобожден 19 термидора, однако занял позицию, враждебную перевороту. Редактировал «Газету свободных людей» («Journal des hommes libres»). Входил в состав бабувистской Тайной директории, хотя, по-видимому, отрицательно относился к программе коммунистических преобразований. Его поведение после первых арестов в флореале вызвало критику со стороны Бабефа (см. его письмо к Эзину от 16 декабря 1796 г.—«Вопросы истории», 1961, № 1, стр. 114—115). Привлекался по вандомскому процессу, но был оправдан. Активно участвовал во всех попытках возрождения якобинских организаций в последние годы Директории. После 18 брюмера подвергался преследованиям. Во время Реставрации высказался в пользу Бурбонов

⁵⁰ Лепелетье, Феликс (1767—1837) — брат Мишеля Лепелетье, члена Конвента. По происхождению граф, с самого начала революции примкнул к ней. Близкий друг Бабефа, завещавшего ему, накануне казни, воспитание своего старшего сына. По-видимому, снабжал Бабефа средствами на издание газеты. В намечавшемся после победы восстания представительном органе должен был стать депутатом Соны и Луары. Был оправдан на вандомском процессе. Принимал активное участие в якобинском клубе 1799 г. Подвергся преследованиям сейчас же после 18 брю-

мера и был в ссылке два года на острове Олерон по делу о взрыве «адской машины». В 20-х годах жил в Брюсселе, сохранял близость с Буонарроти.

⁵¹ Поводом для роялистского мятежа 13 вандемьера (5 октября 1795 г.) послужил декрет об обязательном переизбрании $\frac{2}{3}$ членов Конвента. Для подавления мятежников термидорианский Конвент, наряду с войсками, руководимыми Бонапартом, пытался использовать также и левые элементы; в частности, были созданы три батальона из Сент-Антуанского предместья, руководимые республиканскими офицерами и получившие название «патриотов 1789 г.».

⁵² Выборы на основании новой, цензовой конституции привели к усилению правого крыла Законодательного корпуса. Из числа бывших членов Конвента были переизбраны наиболее умеренные. Вновь избранная треть членов собрания почти целиком состояла из скрытых монархистов. В Конвенте после оглашения результатов выборов была создана чрезвычайная комиссия, руководимая Тальеном, предполагавшая поставить вопрос о кассации выборов.

⁵³ Баррас, Поль (1755—1829) — термидорианец, один из руководителей Директории. По происхождению родовитый дворянин, виконт, Баррас присоединился к революции; став якобинцем, был избран депутатом Конвента. Действуя в 1793—1794 гг. в качестве представителя Конвента в Марселе, Тулоне и т. д., вместе с Фрероном производил огромные хищения, брал взятки, злоупотреблял властью и т. п. Беспринципный делец, казнокрад и стяжатель, Баррас заискивал перед Робеспьером, но, ожидая с полным основанием с его стороны удара, стал одним из организаторов контрреволюционного термидорианского переворота. После падения якобинской диктатуры — один из руководителей термидорианской реакции, затем член Директории.

⁵⁴ Тибодо, Антуан-Клер (1764—1854) — после 9 термидора один из наиболее реакционных руководителей правого крыла Конвента. Префект и граф при Наполеоне; сенатор при Наполеоне III. Умер последним из всех членов Конвента.

⁵⁵ В последнем заседании Конвента был принят закон об амнистии (4 брюмера IV г.), которая не распространялась только на участников вандейского восстания, эмигрантов и неприсягнувших священников. Амнистия коснулась главным образом лиц, арестованных после 9 термидора. Бабеф был освобожден еще до общей амнистии, 26 вандемьера, Буонарроти — 17 вандемьера (9 октября 1795 г.).

⁵⁶ К а р н о, Лазар-Никола-Маржери (1753—1825) — военный инженер по специальности, крупный математик, член Учредительного собрания и Конвента, член Комитета общественного спасения — один из руководителей и организаторов военных сил республики; с весны 1794 г. — противник Робеспьера и Сен-Жюста в Комитете общественного спасения, термидорианец; позднее член Директории, затем министр Наполеона. В первый состав Директории, помимо Барраса и Карно, вошли Ларевейер-Лепо, Ребель и Летурнер.

⁵⁷ Точная дата рождения Бабефа — 23 ноября 1760 г.

⁵⁸ В числе республиканцев, находившихся в Аррасской тюрьме и ведших в ней переписку с Бабефом, были Коше, Таффуро и Тулот (из Сент-Омера), впоследствии привлекавшиеся по вандомскому процессу, но оправданные (см. L. Jacob. Correspondance avec Babeuf.—«Annales Historiques de la Révolution française», 1934).

⁵⁹ Идею создания «плебейской Вандеи» Бабеф выдвинул впервые во время своего пребывания в Аррасской тюрьме. В сохранившемся письме к Жермену он предлагал закрепиться в каком-нибудь центре и оттуда постепенно расширять свое влияние. В первых номерах «Трибуна народа» после освобождения Бабеф призывал к образованию «плебейской Вандеи» в каком-нибудь пункте или «в каждом из 86 департаментов».

⁶⁰ Автобиографические заметки Дарте, опубликованные в 1841 г. Шарлем Лабиттом, целиком совпадают со сведениями, сообщаемыми Буонарроти.

⁶¹ Ш а л ь е, Жозеф (1747—1793) — руководитель

лионских якобинцев, близко связанный с наиболее демократическими элементами, требовавший установления твердых цен, создания революционной армии, обложения богачей и т. д. Лионские жирондисты, организовавшие восстание 29 мая 1793 г., разогнали муниципалитет, руководимый Шалье. 16 июля, несмотря на все попытки Конвента, и особенно Марата спасти Шалье, он был казнен. Прах Шалье был перенесен в Пантеон и удален оттуда во время термидорианской контрреволюции.

⁶² После переворота 18 брюмера и установления консульства, когда начались преследования якобинцев и бабувистов, Шпель был арестован вместе с Франсуа Дюфуром по обвинению в организации покушения на Наполеона и казнен в 1800 г. (см. F. Masson. Les complots jacobins au lendemain de Brumaire.— «Revue des études Napoléoniennes», 1922).

⁶³ В ночь с 23 на 24 фрюктидора IV г. (9—10 сентября 1796 г.) несколько сот бабувистов пытались проникнуть в расположение Гренельского лагеря, рассчитывая на поддержку солдат. Директория была заблаговременно оповещена об этом выступлении и сознательно его провоцировала. Подготовленные войска устроили подлинную резню. 20 человек было убито, 132 арестовано. Суд вынес 32 смертных приговора, в том числе Бертрону и трем бывшим членам Конвента — Жавогу, Юге (Huguet) и Кюссе.

⁶⁴ Амар. Ж.-П. (1755—1816) — якобинец, адвокат; депутат Конвента от департамента Изеры; один из руководителей Комитета общественной безопасности. Принимал участие в организации переворота 9 термидора, в чем впоследствии раскаивался, заявив: «Я горжусь тем, что разделял труды Робеспьера; народ имел тогда хлеб. Его хотят представить кровожадным человеком, но судить будет потомство» (Kusinski. Dictionnaire des conventionnels). Судился на вандомском процессе, но был оправдан. Впоследствии отошел от политической деятельности.

⁶⁵ Дидье, Жан-Батист — слесарь по профессии; присяжный заседатель революционного трибунала; был близок к Робеспьеру. В период термидориан-

ской реакции сблизился с Бабефом; агент связи Тайной директории общественного спасения. На вандомском процессе был оправдан. В годы империи участвовал в тайных обществах, был арестован в 1807 г.

⁶⁶ К л е м а н, Жан-Батист-Анри — в начале революции студент-юрист; участник восстания 14 июля и 10 августа; был в числе 24 комиссаров, разосланных в департаменты после свержения монархии, один из членов Центрального комитета в Епископстве, руководившего движением 31 мая—2 июня; член Комитета общественного спасения Парижского департамента; после 9 термидора был арестован и привлекался по делу Паша, Бушотта и других видных деятелей якобинской диктатуры в Париже; после амнистии был близок к бабувистам; участник клуба в Манеже в 1799 г.; благодаря заступничеству Люсьена Бонапарта спасся от преследований; при Наполеоне еще в 1813 г. занимал должность начальника заставы в Монтобане.

⁶⁷ М а р ш а н, Гильом-Симон (род. в 1768 г.)— до революции и в первые ее годы служил солдатом; активный участник движения 10 августа; весной 1793 г. просил у Конвента разрешения убить Дюмуре; накануне 31 мая один из руководителей Центрального комитета в Епископстве, член Комитета общественного спасения Парижского департамента; после 9 термидора вместе с Клеманом был арестован и привлечен по делу Паша. Амнистирован в 1795 г.; был причастен к бабувистскому движению. Бабеф предполагал в случае победы восстания поставить Маршана и Клемана во главе администрации Парижского департамента. Участник клуба в Манеже. При Наполеоне подлежал высылке, но скрылся. Еще в 1804 г. находился под наблюдением.

⁶⁸ Бабеф, за исключением первого периода после 9 термидора, когда он выступал против Робеспьера, в общем вполне разделял эту оценку Буонарроти. Еще в 1791 г. в переписке с Купе он высказал предположение, что Робеспьер является скрытым сторонником «аграрного закона». В 1796 г. в «Трибуне народа» он писал, что не должен «высокомерно оспари-

вать у Максимилиана Робеспьера инициативу создания во время революции плана действительного равенства, к которому, как видно из сотни мест в его сочинениях, тяготели его подлинные желания».

⁶⁹ Эта оценка Иисуса совершенно расходится с взглядами Бабефа, который в своей неопубликованной рукописи «Новая история Иисуса Христа» подверг резкой критике взгляды Руссо и Эбера на Христа, как на защитника новой социальной доктрины. «Я беспощадно нападаю,— писал Бабеф,— на главного идола, которого до сих пор чтити и боялись наши философы, осмеливавшиеся нападать только на его свиту и на его окружение... Христос не был ни санкюлотом, ни честным якобинцем, ни мудрецом, ни моралистом, ни философом, ни законодателем».

⁷⁰ Эрон, Луи-Жюльен-Симон (1748—1795?)— до революции моряк; был капитаном брандера; участник всех важнейших народных движений в годы революции: 14 июля, 5—6 октября, 10 августа. Скрывал у себя Марата, был одним из основных работников в Комитете общественной безопасности. После перриальского восстания был арестован и привлечен к суду вместе с Пашем, Бушоттом, Одуэном, Клеманом, Маршаном. Освобожденный по амнистии 4 брюмера, вскоре умер.

⁷¹ Вантозские декреты (26 февраля — 4 марта 1794 г.), принятые Конвентом по докладу Сен-Жюста, предусматривали создание шести комиссий для разбора дел «подозрительных» с целью передачи их в революционный трибунал, ссылки или освобождения. Имущество первых двух групп подлежало конфискации и передаче неимущим патриотам. Вантозские декреты встретили на практике сопротивление правобуржуазных групп якобинского блока и не были проведены в жизнь до термидорианского контрреволюционного переворота. Сохранилось письмо Дарте, в котором он настоятельно просил о включении его в одну из этих комиссий.

⁷² Бабеф, рожденная Лангле, Виктория (род. 1766 г.) — дочь амьенского скобянщика: была домашней служанкой, в 1782 г. вышла замуж за Бабефа

Мужественно разделяла с ним все невзгоды. Неоднократно подвергалась преследованиям и при жизни Бабефа, и после его смерти — в 1801 г., после взрыва «адской машины», и в 1808 г., после первого заговора генерала Мале.

⁷³ Др у э, Жан-Батист (1763—1824) — в 1796 г. был освобожден из австрийской крепости Шпильберг в обмен на дочь Людовика XVI. По возвращении он заявил, что если бы жил эти годы во Франции, то следовал бы за Маратом и Робеспьером. Арестованный вслед за Бабефом, бежал из тюрьмы при содействии Барраса и направился в Индию. Узнав об оправдании на вандомском процессе, вернулся с Канарских островов, где участвовал в боях против Нельсона. Входил в якобинский клуб 1799 г.; супрефект при Наполеоне; после реставрации подлежал аресту, но скрывался, вплоть до смерти, работая в течение восьми лет садовником в Маконе у одного из местных монархистов.

⁷⁴ 18 флореаля II г. (7 мая 1794 г.) по докладу Робеспьера Конвент принял декрет о культе «верховного существа», первый пункт которого гласил: «Французский народ признает верховное существо и бессмертие души». При подготовке контрреволюционного переворота 9 термидора этот декрет пытались использовать в целях дискредитации Робеспьера. В заметках о Вадье и Барере Буонарроти указывает: «Вадье прилагал все усилия, чтобы осмеять этот декрет... и обвинял Робеспьера в том, что он хочет взойти на трон при помощи религиозного фанатизма». Заметки Буонарроти опубликованы в статье А. Матъеза «Le rôle de Barère et de Vadier au 9 thermidor jugé par Buonarroti» (A. Mathiez. Etudes sur Robespierre Paris, 1958).

⁷⁵ Декрет 5 октября 1793 г. о республиканском календаре вводил разделение месяца на декады, новое наименование дней, в том числе десятый день (décade), который заменял воскресенье. По декрету о культе верховного существа в дни декад должны были устраиваться праздники. При Директории была введена обязательная замена воскресенья как празд-

ничного дня днем декады. Католическим священникам предписывалось совершать богослужения только по десятым дням.

⁷⁶ Буонарроти лично хорошо знал Наполеона, с которым он познакомился еще во время своего пребывания на Корсике. Буонарроти был вместе с Наполеоном под Тулоном в 1793 г. и уже тогда составил неблагоприятное мнение о его властолюбии. Сам Наполеон позднее вспоминал о Буонарроти: «Он мог бы оказаться мне очень полезным в Италии. Он скомпрометировал себя в заговоре Бабефа. После 13 вандемьера я закрыл общество Пантеона. Эта партия хотела погубить меня как командовавшего гарнизоном в Париже. Я заявил тогда Буонарроти, что вовсе не собираюсь пожертвовать ему свою голову» — Bertrand. Cahiers de Sainte-Hélène. Journal. 1816—1817. Paris, 1951, p. 177—178 (см. также Bertrand. Cahiers de Sainte-Hélène. 1818—1819. Paris, 1959, p. 225, 295: «После вандемьера, он был бабувистом. Я вызвал его, он ответил гордо. «Хорошо,— заявил я,— вы проповедуете коммунистические взгляды, чтобы срубить голову командующего в Париже. Это мне не подходит, и я прикажу предать вас военному суду и расстрелять»»).

⁷⁷ В флореале IV г. были произведены аресты Бабефа и руководителей движения. В фрюктидоре того же года имели место казни по делу Гренельского лагеря. 18 фрюктидора V г. часть Директории, руководимая Баррасом, напуганная усилением монархистов в результате дополнительных выборов, произвела переворот. Выборы в 49 департаментах были кассированы. 53 депутата были сосланы; Карно и Бартеlemi выведены из состава Директории. В числе сосланных были министр полиции Кошон и Дессонвиль, арестовавший Бабефа. В список депутатов, подлежавших ссылке, входили Буасси д'Англа, Кодруа, Анри Лаоньер, Дюмолар, Камилл Жордан, Пасторе, Саладен, Симеон, Порталис, Ровер. После дополнительных выборов VI г., давших перевес левым элементам (в Париже в числе выборщиков оказался ряд лиц, связанных с бабувистами — Антонелль, генерал Фион, К. Фике

и др.), 22 флореаля VI г. было принято решение о проверке полномочий всех депутатов и к 1 прериаля VI г. было отстранено несколько десятков вновь избранных депутатов (Р. Ленде, Фион и др.).

⁷⁸ Закон 27 жерминаля III г. (16 апреля 1796 г.) предусматривал роспуск всех политических собраний, смертную казнь за устные или письменные выступления с требованием роспуска Собрания или Директории, восстановления конституции 1793 или 1791 г., «аграрного закона» и т. д.

⁷⁹ 8 жерминаля III г. (28 марта 1796 г.) депутат Майль внес предложение о закрытии всех политических обществ, насчитывавших свыше 60 членов — в городах с населением свыше 100 тысяч жителей, свыше 40 членов — в городах с 20-тысячным населением и свыше 20 членов — в коммунах, имевших более 5 тысяч жителей.

⁸⁰ *Марешаль, Сильвен* (1750—1803) — писатель, поэт, драматург; по своим воззрениям атеист и материалист. В 1781 г. выпустил «Французского Лукреция», в 1784 г. — «Книгу, которая спаслась от потопа», в 1788 г. «Альманах честных людей», произведения с резко выраженными атеистическими взглядами. Подвергался за них до революции преследованиям и был отстранен от должности библиотекаря в коллеже Мазарини. После смерти Лустало (1790 г.) главный редактор одной из наиболее левых газет «Парижские революции», в которой выступал с защитой «аграрного закона». Один из инициаторов введения республиканского календаря; написал ряд революционных гимнов, песен и пьес; продолжал активную атеистическую пропаганду в ряде философских и литературных произведений. Благодаря тому что Гризелю осталось неизвестным имя Марешаля, он не был привлечен по вандомскому процессу. Умер в январе 1803 г. в Монруже. Бабеф познакомился с ним еще в 1793 г. В 1794 г. Марешаль принимал активное участие в хлопотах об освобождении Бабефа и прекращении возбужденного против него дела. Философские и атеистические взгляды С. Марешаля оказали на Бабефа несомненное влияние.

⁸¹ В а н н е к — один из организаторов движений 31 мая 1793 г., командовавший отрядом секции Сите. 12 жерминаля III г. выступал с речью в Конвенте от имени демонстрантов. Привлекался по вандомскому процессу, был оправдан. Принимал активное участие в якобинско-бабувистском движении 1799 г. При Наполеоне подвергался ссылке после 18 брюмера и по делу взрыва «адской машины».

⁸² Газета «Разведчик народа, или защитник 24 миллионов угнетенных» («L'Eclaireur du Peuple ou le Défenseur de 24 millions opprimés»). Вышло семь номеров при участии Бабефа. «Газета свободных людей» («Journal des hommes libres») редактировалась Антонеллем. Под разными названиями продолжала выходить до переворота 18 брюмера.

⁸³ Т а л ь е н, Жан-Ламбер (1769—1820) — один из самых активных деятелей термидорианского переворота. Участвовал в восстании 10 августа 1792 г.; член Конвента; выступая под личиной крайнего якобинца, еще во время своей миссии в Бордо занимался хищениями, вымогательствами, грабежом в разных формах. Ожидая неизбежной репрессии со стороны Робеспьера, стал одним из самых деятельных организаторов контрреволюционного заговора 9 термидора. Алчный, бесцеремонный в средствах стяжатель, абсолютно беспринципный честолюбец, один из самых типичных представителей новой, хищнической буржуазии, Тальен, естественно, стал одной из главных фигур контрреволюции. Ле ж а н д р, Луи (1756—1797) — мясник по профессии, участник взятия Бастилии, член клуба кордельеров, затем якобинцев, член Конвента, видный дантонист, избежавший казни со своими единомышленниками, активный участник переворота 9 термидора, а затем репрессий против якобинцев. Ф р е р о н, Луи-Станислав (1765—1802) — в первый период революции стоял на левых позициях: влиятельный член клуба кордельеров, редактор «Orateur du peuple», участник восстания 10 августа 1792 г., ученик Марата, который еще в августе 1792 г. называл его «достойным товарищем Друга народа», член Конвента, якобинец. Однако пол-

линая сущность Фрерона раскрылась позднее. Уже в 1793—1794 гг., будучи представителем Конвента в Марселе и Тулоне, Фрерон запятнал себя грабежом, взяточничеством и т. п., прикрываемыми бессмысленными и вредными жестокостями при проведении репрессий. Отозванный Комитетом общественного спасения, Фрерон стал одним из главных организаторов термидорианского переворота. Руководитель банд контрреволюционной «золотой молодежи» после термидора, Фрерон с той же жестокостью и свирепостью стал преследовать своих бывших товарищей-якобинцев и участников революционной борьбы 1793—1794 гг. Мерлен из Тионвиля, Антуан Кристоф (1762—1833)—член Законодательного собрания и Конвента, якобинец, представитель Конвента в армиях, участник контрреволюционного переворота 9 термидора, беспринципный стяжатель, составивший себе всякими злоупотреблениями большое состояние; вел после термидора беспощадную войну против якобинцев. Ребель, Жан-Франсуа (1747—1805)—член Учредительного собрания и Конвента, был якобинцем; со времени внутренней борьбы в якобинском блоке — дантонист; затем активный термидорианец. После термидора был введен в Комитет общественной безопасности, направлявший террор против якобинцев; позже председатель Исполнительной директории. О Баррасе см. прим. 53. Поскольку все члены этой группы в той или иной степени участвовали в революционных событиях, были скомпрометированы в глазах роялистов в качестве «цареубийц», наконец, представляли собой новую, разбогатевшую за годы революции буржуазию, не желавшую ничем делиться со старыми собственническими классами, Тальен, Фрерон и другие термидорианцы ревниво следили за происками роялистов и других старых политических группировок, не желая ни уступать им власти, ни, тем более, допустить восстановления старой монархии.

⁸⁴ Буасси д'Англа (1756—1826)—до 9 термидора примыкал в Конвенте к «болоту»; играл активную роль после переворота; в Законодательном

собрании был одним из руководителей монархического большинства; при Наполеоне — сенатор и граф; член палаты пэров при Бурбонах. **Ларивьер, Анри** (1761—1838) — жирондист; вернулся в Конвент после термидора; требовал ареста всех членов правительственных комитетов. В Совете пятисот в 1797 г. был одним из руководителей реакционного большинства; скрылся после переворота 18 фрюктидора; связался с графом д'Артуа и вернулся во Францию только при Бурбонах. **Дюмолар, Жозеф-Винсент** (1766—1819) — гренобльский адвокат; депутат Законодательного собрания; поддерживал Лафайета; член Совета пятисот; после 18 фрюктидора сослан на остров Олерон. Позднее служил империи. **Жордан, Камилл** (1771—1821) — один из участников контрреволюционного восстания в Лионе в 1793 г.; после этого эмигрировал в Швейцарию, затем в Англию; вернулся в 1796 г.; был избран в Совет пятисот. **Ларевейер-Лепо, Луи-Мари** (1753—1824) — депутат Учредительного собрания; член Конвента, голосовал за казнь короля; подписал протест против ареста жирондистов 2 июня 1793 г. и после этого скрывался в течение всего времени якобинской диктатуры; после 9 термидора вернулся в Конвент; в 1795 г. был избран в Исполнительную директорию. **Порталис, Жан-Этьенн-Мари** (1746—1807) — адвокат по профессии; в период революции значительной роли не играл; в декабре 1793 г. был арестован; освобожден в 1794 г.; избранный в Совет старейшин, выдвинулся в нем; в период консульства и империи служил Наполеону Бонапарту; в 1802 г. был назначен одним из четырех государственных советников; принимал участие в создании пражданского кодекса Наполеона. **Пасторе, Клод-Эммануэль-Жозеф-Пьер** (1756—1840) — граф, затем маркиз; в 1789 г. — прокурор-синдик Парижского департамента, член Законодательного собрания; роялист, после свержения монархии эмигрировал; вернулся во Францию в период термидорианской реакции; член Совета пятисот; во время империи — сенатор; во время Реставрации — пэр Франции. **Симеон, Жозеф-Жером** (1749—1842) — граф; с начала

революции занял враждебную ей позицию; принимал участие в федералистском мятеже против якобинского правительства, затем эмигрировал; вернулся во Францию после термидора; член Совета пятисот; позднее служил последовательно империи, Реставрации и Июльской монархии. О Тибодо см. прим. 54, о Ланжюинэ — прим. 17.

⁸⁵ Инар, Максимен (1750—1825) — до революции предприниматель; член Законодательного собрания и Конвента; жирондист, известен своей угрозой уничтожить Париж; вернулся в Конвент при термидорианской контрреволюции; член Совета пятисот; один из организаторов белого террора на юге вместе с депутатом П. Кадруа (1751—1813), высланным после 18 фрюктидора и возвратившимся при Наполеоне. Ровер де Фонвиель (1746—1798) — по происхождению маркиз, член Конвента, один из наиболее беспринципных представителей термидорианской контрреволюции; занимался скупкой национальных имуществ; член Комитета общественной безопасности термидорианского конвента, преследовал якобинцев и санкюлотов; после 18 фрюктидора выслан в Кайенну, где и умер.

⁸⁶ Весной 1795 г., после подавления прериальского движения, на юге Франции прошла волна белого террора под руководством вернувшихся жирондистов и эмигрантов. В Лионе, Тулоне, Марселе, Эксе и др. происходила резня в тюрьмах, составлялись списки бывших «террористов» для их уничтожения и т. д. Жирондист Инар призывал в Эксе: «Если у вас нет оружия, берите дубины; если нет дубин, вырывайте кости ваших родных и бейте по террористам».

⁸⁷ Рикор, Ж.-Ф. (1759—1818) — до революции нотариус; представлял в Конвенте департамент Вар; вместе с Робеспьером младшим и Саличетти находился при итальянской армии; был близко связан с Буонарроти; на вандомском процессе был оправдан; подвергся аресту при Наполеоне после 18 брюмера и по делу генерала Мале; поддерживал Наполеона во время «ста дней». Лэнгелло, Ж.-Ф. (1752—1829) — депутат Конвента от Парижа; был арестован после

прериальского восстания и по делу Бабефа; на вандомском процессе был оправдан; подвергался преследованиям при Наполеоне. Шудье П.-Р. (1761—1838) — член Законодательного собрания и Конвента; был представителем Конвента при армиях; арестовывался после 12 жерминаля и по делу Бабефа; при Наполеоне эмигрировал в Голландию; вернулся во время «ста дней» и был снова изгнан при Реставрации; возвратился во Францию при Июльской монархии. Юге (Huguet), М.-А. (1757—1796) — до революции священник; позднее был избран конституционным епископом; депутат Законодательного собрания и Конвента; как комиссар зала собрания арестовал 10 августа Людовика XVI и препроводил его в Тампль; был арестован после 12 жерминаля; освобожден по амнистии; во время столкновения в Гренельском лагере был схвачен в окрестностях Парижа; хотя обвинитель требовал в отношении Юге только ссылки, он был приговорен к смертной казни. Жа-вог, Клод (1759—1796) — депутат Конвента от департамента Соны и Луары; был представителем Конвента в С.-Этьенне, где проводил твердую политику обложения имущих; казнен по делу Гренельского лагеря.

⁸⁸ По закону 27 жерминаля (16 апреля 1795 г.) была установлена смертная казнь для всех, кто призывает «к восстановлению монархии или конституции 1793 года..., грабежу или разделу частной собственности под именем аграрного закона».

⁸⁹ Полицейский легион был создан после прериальского восстания (9 мессидора III г.). В его состав входили три батальона пехоты и кавалерийская часть. 4 флореаля Директория получила разрешение на отправку его в армию. 9 флореаля в связи с отказом подчиниться этому приказу произошли волнения. 10 флореаля (30 апреля 1796 г.) был издан приказ о роспуске легиона. Планы бабувистского восстания были связаны с надеждой опереться на полицейский легион, поэтому сейчас же после начала волнений, 11 февраля, произошло заседание Тайной директории с военными агентами.

⁹⁰ Россиньоль, Жан-Антуан (1759—1802) —

парижский рабочий — ювелир. Участник взятия Бастилии и восстания 10 августа 1792 г. В 1793 г. командовал армией в Вандее. Как первый генерал, выдвинувшийся из рядов плебейства, вызвал ожесточенные нападки со стороны умеренного крыла Конвента и был отстранен от командования. После прерияля был арестован. Один из руководителей военной организации бабувистов. На вандомском процессе оправдан. В 1801 г. в связи с делом «адской машины» был арестован и погиб в ссылке.

⁹¹ Ленде, Робер (1746—1827) — адвокат; депутат Законодательного собрания и Конвента. С апреля 1793 до 1795 г. член Комитета общественного спасения, в котором занимался преимущественно экономическими вопросами. Поддерживал переворот 9 термидора. Был арестован после прерияльского восстания. На вандомском процессе оправдан. Перед 18 брюмера был не долгое время министром финансов; отстранен при Наполеоне; до конца жизни занимался только адвокатурой.

⁹² 15 флореаля Гризель сделал устный донос Карно, предложившему ему представить немедленно письменное донесение. 17 флореаля Карно представил Директории список 245 лиц, подлежащих аресту, в том числе Бабефа, Жермена, Друэ, Амара, Р. Ленде, Дюбуа-Крансе, Лепелетье, Буонарроти и др.

⁹³ Буонарроти имеет в виду Тальена и Фрерона. О попытках Барраса использовать бабувистское движение Бабеф писал в № 42 «Трибуна народа»: «Баррас и другие хотят избавиться путем частичного движения от своих политических противников — Роворов, Инаров, Ланжюине, Буасси д'Англа. Они потом повернутся против демократов. Нет, мы не хотим частичного движения! Народ подыметься только массой. Мы хотим избавиться от влияния дождей». Баррас оказал содействие Друэ в побеге из тюрьмы. Мемуары Карно и Ларевейера-Лепо вполне подтвердили сообщение Буонарроти (см. ст. P. Robiquet. Barras et Babeuf.— «Revue de Paris» за 1896 г.).

⁹⁴ В одном из документов по делу Бабефа, опубликованных Директорией, указывалось, что после победы восстания предполагалось послать в итальян-

скую армию полномочия Саличетти «арестовать генералов-изменников». В связи с этим Саличетти представил Директории объяснение.

Из сторонников Бабефа в провинции отметим бывшего депутата Конвента рабочего Армонвилля, раздобывшего весной 1796 г. мандат от Директории, на имя свое и Дарте, на реквизицию зерна и объездившего Реймс, департаменты Арденн и Эн, где он расклеивал и распространял прокламации.

⁹⁵ В данном вопросе Буонарроти излагает только свою личную точку зрения. Ни Бабеф, ни тем более Сильвен Марешаль, решительный атеист, также входивший в состав бабувистской Директории, этих взглядов Буонарроти совершенно не разделяли.

⁹⁶ В заметках о причинах 9 термидора и о роли Вадье-Барера Буонарроти целиком солидаризировался с «религиозной доктриной» Робеспьера: «Франция нуждалась... в союзе мудрой религии и хорошего законодательства... Самым мощным противником, которого следовало бы еще низвергнуть, была безнравственность... и единственным способом установления подлинной республики было сохранение чистоты и добродетели Конвента. Именно с этой целью издан был декрет, который освятил существование верховного существа, бессмертие души, утвердил свободу культов и установил национальные праздники. В этом же был смысл декретов против проповедников атеизма и против депутатов, обесчестивших себя постыдными действиями».

⁹⁷ Лепелетье де Сен-Фаржо, Луи-Мишель (1760—1793) — дворянин, с 1785 — президент Парижского парламента; крупный собственник. С начала революции присоединился к ней. Член Учредительного собрания и Конвента; в 1792 г. примкнул к якобинцам. Выработал план национального воспитания, предусматривающий введение всеобщего обязательного бесплатного обучения детей от 5 до 11—12 лет в общественных школах (уже после гибели Лепелетье его план в рукописи был передан Робеспьеру и вызвал его горячее одобрение; по предложению Робеспьера план Лепелетье был поставлен на обсуждение Конвента).

В суде Конвента над королем Лепелетье де Сен-Фаржо голосовал за казнь Людовика XVI и 12 января 1793 г. в отместку за это был убит роялистами. Первая жертва контрреволюционного террора, Лепелетье де Сен-Фаржо стал одним из наиболее чтимых среди якобинцев мучеников революции: память о нем, наряду с погибшими Маратом и Шалье, поддерживалась революционным правительством.

⁹⁸ При аресте у Бабефа был захвачен весь архив движения. Эти документы были опубликованы Директорией в двух томах накануне вандомского процесса («Copie des pieces saisies dans le local que Baboeuf occupoit lors de son arrestation». Paris, Imp. Nationale, Frimaire-nivôse an V, vol. 1—2).

⁹⁹ Сидней, Алджернон (1622—1683) — английский республиканец; писатель; участник английской революции, индипендент; казнен во время Реставрации по обвинению в государственной измене 7 декабря 1683 г. Ольдербарневельт (1547—1619) — видный деятель нидерландской революции; великий пенсионарий; был связан с голландскими буржуазными кругами; возглавил оппозицию против штатгальтера Мориса Нассауского и был казнен.

¹⁰⁰ Паш, Жан-Никола (1746—1823) — до революции занимал видные посты в правительственной администрации, но добровольно покинул службу; после 1789 г. весь свой большой организационный и административный талант отдал на службу революции; после первого назначения Ролана министром внутренних дел был его заместителем; в 1792 г. — военный министр, в 1793—1794 гг. — мэр Парижа. Весной 1794 г. был арестован; был судим уже во время термидорианской контрреволюции. Освобожден по амнистии 4 брюмера. После падения Директории отошел от политической деятельности. Памфлет Паша в защиту бабувистов назывался: «Фракции и партии, конспирации и заговоры; о нынешнем заговоре». Брат Паша преподавал в кадетском корпусе в России.

¹⁰¹ Бабеф в 1796 г., находясь уже в тюрьме, упрекал представителей демократической печати, прежде всего Антонелла, в том, что они недостаточно муже-

ственно и последовательно отстаивали идеи и дело арестованных бабувистов: «...он (Антонелль.— *Ред.*) первым сформулировал теорию о безумии и сумасбродстве дела 22 флореаля (дата ареста бабувистов.— *Ред.*), и притом с таким остроумием, что все остальные простаки, из числа так называемых писателей-патриотов, в том числе в газетах «Ami des lois», «Ami de la Patrie», «Ami du peuple», не преминули повторить их».

¹⁰² В архиве Бабефа сохранился ряд списков присяжных заседателей, которые, по наведенным подсудимыми справкам, проявили себя в качестве последовательных республиканцев, в том числе представитель департамента Манш Ивер Лабрюшоллери, Дюло Дюбарра из департамента Ланд и Готье де Биоза из департамента Пюи-де-Дом (ЦПА ИМЛ, 61 В IX).

¹⁰³ Пилле, работавший до 9 термидора в Комитете общественной безопасности с Эроном, с первых дней своего ареста проявил малодушие. Он писал из тюрьмы министру полиции 28 флореаля IV года (17 мая 1796 г.): «Всегда, господин министр, я буду говорить правду. Вы уже имели доказательства моего простодушия: я буду продолжать в том же духе. Моё намерение заключалось в том, чтобы присоединиться к нынешнему правительству, с тех пор как оно образовалось, и, если бы не несчастная и такая несвоевременная случайность, я никогда бы здесь не очутился, а жил бы спокойно» (Archives Nationales, W³ 563/74). В письме Пийе сообщал подробные сведения о других обвиняемых, находившихся совместно с ним в камере.

¹⁰⁴ Антонелль был автором целого ряда брошюр, посвященных аресту и процессу над бабувистами, в том числе: «L'Hermite et le détenu... soliloque d'un nouveau genre... sur la constitution de 93 et la liberté, et sur ce qu'on a fait de son peuple», «Sur la prétendue Conspiration du 21 floréal», «Encore un mot sur le grand acte d'accusation», «Sur la Prétendue Conspiration du 21 floréal. Troisième déclaration que fait le cidevant hermite des environs de Paris, le jour même où les débats doivent s'ouvrir», «Sur la Prétendue Conspiration du 21 floréal. Mon examen de conscience, ou le dé-

tenu à Vandôme interrogé par le ci-devant hermite» и т. д.

¹⁰⁵ К числу бывших членов Конвента, обвинявшихся на вандомском процессе, принадлежали Амар, Вадье, Лэньело, Рикор. Не явились на суд Друэ и Р. Ленде.

¹⁰⁶ К числу лиц, действительно участвовавших в бабувистском движении, должны быть отнесены Ж. Бодсон, Гилем, Гулар, Дюфур, Дюпле-сын, Ф. Лепелетье, Лэньело, Массар, Менесье, Морель, Парен, Рейс, Филип. Клерк предоставлял свою квартиру, Пийе переписывал все документы; в типографии Ламберте печатались все бабувистские листовки. Кретъен был владельцем «Китайских бань», где чаще всего собирались заговорщики. Возможно, что активное участие в движении принимал также Кордà, видный деятель санкюлотского движения, член клуба кордельеров, связанный с группой Шометта, Фурнье-Американца, Рютледжа, участник событий 10 августа, член генерального совета Парижской коммуны и один из администраторов Парижской полиции во время якобинской диктатуры. Парен — участник всех парижских народных выступлений, близкий к Марату и эбертистам, видный деятель революционной армии, стал впоследствии осведомителем Фуше.

¹⁰⁷ Обвинителями на процессе были Вейар и Байи. Из числа защитников наиболее активно проявил себя Пьер-Франсуа Реаль (1757—1834), бывший заместитель Шометта в Парижской коммуне. Реаль во время термидорианской реакции и в первые годы Директории был наиболее популярным защитником на политических процессах (Каррье, бабувистов и т. д.). Стал одним из виднейших бонапартистов. После 18 брюмера занимал ответственные посты, пользовался особым доверием и расположением Наполеона, поручавшего ему самые сложные дела, в том числе наблюдение за парижской полицией. В 1808 г. получил титул графа; во время «ста дней» — префект полиции в Париже. Наполеон не забыл о нем даже в своем завещании, оставив наследственный дар.

¹⁰⁸ «Слова, покрытые чернильным пятном» — фра-

за «убить пятерых» (*tuer les cinq*), т. е. членов Директории. Эта фраза фигурировала в одном из документов, изъятых при аресте Бабефа и Буонарроти, и являлась основанием для одного из главных обвинений, выдвинутых против бабувистов, — в покушении на убийство членов Директории.

¹⁰⁹ Ошибка — следует читать № 27.

¹¹⁰ Во время процесса в Вандоме издавалась газета «*Journal de la Haute Cour de Justice, ou Echo des hommes libres, vrais et sensibles*» («Газета Верховного суда, или эхо свободных, честных и чувствительных людей»). Газета выходила через день. Редактором газеты был Пьер-Никола Эзин (*Hésine*) — до революции преподаватель математики, позднее — активный деятель революции, якобинец, член директории департамента Луары и Шеры, подвергавшийся преследованиям во время термидорианской реакции и Директории. На время процесса Эзин был выслан из Вандома, но, находясь поблизости в Понлеруа, редактировал газету, будучи в постоянной переписке лично с Бабефом. В план газеты, судя по письму Эзина к Бабефу, входило освещение всей истории процесса («арест..., инцидент с Друэ..., мотивы, вызвавшие отправку в Вандом..., вероломство правительства и его агентов, маккиавеллизм министра полиции..., история поведения и планов правительства против флореалистов до начала суда») и его «текущей истории», т. е. освещение самого хода процесса (ЦПА ИМА, 65 В IX). Всего вышло 73 номера газеты; ее комплект имеется только в библиотеке института Фельтринелли (Милан). В распоряжении Буонарроти, когда он писал свою книгу, этой газеты не было.

¹¹¹ 10 мая 1790 г. агенты графа д'Артуа спровоцировали в Монтобане вооруженное столкновение католического населения с протестантским.

¹¹² По предложению Мерлена из Дуэ 23 термидора II года (10 августа 1794 г.) Конвент принял закон, согласно которому каждый обвиняемый, даже признавший свою вину, мог быть оправдан, если будет установлено, что у него не было никаких контрреволюционных намерений. Верховный суд при-

давал поэтому особое значение установлению «контр-революционных намерений» бабувистов.

¹¹³ Готье де Биоза (скончался в 1815 г.) — до революции юрист, член Учредительного собрания. В сведениях, собранных Бабефом, был охарактеризован как «честный республиканец; женат на сестре Кутона» (ЦПА ИМЛ, 61 В IX). После вандомского процесса был избран членом Совета пятисот, но Директория аннулировала его избрание. В опубликованном тогда памфлете «Излюбленные дети Бабефа» фигурировало имя Готье де Биоза.

¹¹⁴ Дюран-Майан, Пьер-Тусен (1729—1814) — депутат Учредительного собрания и Конвента; член Законодательного комитета; примыкал к «болоту»; активный деятель термидорианской реакции; член Совета старейшин. Дюко, Жан-Франсуа (1765—1793) — негоциант из Бордо, член Законодательного собрания и Конвента; по требованию Марата был исключен из списка жирондистов, подлежавших удалению из Конвента. В конце 1793 г. был казнен. Делакруа, Шарль (1741—1805) — депутат Конвента, был одно время его секретарем; активный термидорианец; член Совета старейшин, был министром иностранных дел; при Наполеоне — префект. Госюэн, Константин-Жозеф-Этьен (1758—1827) — член Законодательного собрания и Конвента; выступал с докладом о конституции 1793 г.; член Совета пятисот; подвергался преследованиям при Реставрации. Меоль, Жан-Никола (1757—1826) — до революции юрист; член Конвента, поддерживал якобинцев; член Совета пятисот; при Наполеоне служил в качестве прокурора; умер в изгнании, в Бельгии. Лалуа, Пьер Антуан (1749—1846) — юрист, депутат Законодательного собрания и Конвента, где поддерживал якобинцев; член Совета пятисот; при Наполеоне был в трибунале, отказался вернуться во Францию во время реставрации Бурбонов, мотивировав это тем, что «ваше знамя — это не мое знамя, я боролся за то, чтобы оно было низвергнуто».

¹¹⁵ Термидорианский конвент пошел на ряд уступок руководителям вандейских мятежников. В феврале — мае 1795 г. была предоставлена амнистия руко-

водителям вандейцев — Шаретту, Комартену, Стоффле, Сапино и др. на очень выгодных условиях: отказ от преследований, возвращение конфискованного имущества, сохранение оружия, создание территориальной гвардии из бывших участников вандейских отрядов и т. д. Уже летом 1795 г., после высадки англичан и эмигрантов в Кибероне, руководители контрреволюционной Вандеи возобновили военные действия.

¹¹⁶ 5 апреля 1795 г. Пруссия подписала в Базеле сепаратный мир с Францией. Главными из статей Базельского договора были фактическое признание Пруссией (по секретному соглашению) перехода земель по левому берегу Рейна к Франции и обязательство последней вывести свои войска с оккупированной территории правого берега Рейна. 22 июля 1795 г. в Базеле же был подписан мирный договор с Испанией. По этому договору Франция обязывалась возвратить Испании занятые французскими войсками испанские владения, в обмен за что Испания уступала Франции свою часть острова Сан-Доминго и заключала с Францией союзный договор. Базельские договоры означали начало распада коалиции против Франции.

¹¹⁷ С а л а д е н, Жан-Батист Мишель (1752—1812) — член Законодательного собрания и Конвента (от деп. Соммы), жирондист; стал играть заметную роль при термидорианской контрреволюции; был докладчиком комиссии по расследованию деятельности Барера, Бийо-Варенна, Колло д'Эрбуа и Вадье, обвинившей их; член Совета пятисот; сослан после 18 фрюктидора. Л о м о н Клод-Жан-Батист (1748—1829) и О г и Пьер-Жан-Батист (1747—1810) — члены Конвента; члены Комитета общественной безопасности в дни термидорианской контрреволюции. Д ю м о н, Андре — член Конвента от департамента Соммы; лично хорошо известный в первые годы революции Бабефу, относившемуся к Дюмону с недоверием; в период революционного правительства проявил себя ретивым дехристианизатором; позднее — один из активнейших термидорианских заговорщиков, сыгравший значительную роль в день 9 термидора;

член Комитетов общественной безопасности и общественного спасения в период термидорианской контрреволюции. Стал супрефектом при Наполеоне.

¹¹⁸ В мае — июне 1795 г., после подавления пре-риальского восстания, роялистские террористические банды под названием «Общество солнца», «Общество Иисуса» и др. произвели массовые убийства заключенных в тюрьмы якобинцев и санкюлотов в Лионе, Роанне, Эксе и Марселе. Множество республиканцев, заключенных в Тарасконской крепости, было сброшено с вершины башен в Рону. Члены термидорианского конвента Буасси д'Англа, Кадруа, Марьетт, Шамбон, Инар, посланные в качестве комиссаров в провинцию, были соучастниками всех этих преступлений.

¹¹⁹ Буонарроти имеет в виду гимн, получивший распространение после 9 термидора «Le Réveil du Peuple contre les terroristes» («Пробуждение народа против террористов»), который усиленно насаждался контрреволюционными бандами «золотой молодежи» взамен «Карманьолы».

¹²⁰ Воззвание «Солдат, остановись и прочти» было написано Феликсом Лепелетье и распространялось в Париже весной 1796 г.

¹²¹ «Образование повстанческой директории» — первый документ Тайной директории общественного спасения, образовавшейся в составе Бабефа, Антонеллы, Сильвена Марешаля и Феликса Лепелетье в начале жерминаля IV г.

¹²² Уже вскоре после формирования, в Тайную директорию были дополнительно введены Буонарроти, Дарте и Дебон.

¹²³ «Манифест равных» написан Сильвеном Марешалем.

¹²⁴ Автором «Анализа доктрины Бабефа», по мнению новейшего исследователя А. Саитта, являлся Буонарроти.

¹²⁵ «Письмо Свободного франка... его другу Террору» написано предателем Гризелем.

¹²⁶ Очевидно, речь идет о Капете, бывшем короле Людовике XVI.

¹²⁷ Первая инструкция Тайной директории глав-

ным военным агентам была составлена в жерминале IV г. Сличение этого документа с двенадцатым документом — «Обращением «Трибуна народа» к внутренним войскам», подписанным Бабефом, показывает полное совпадение отдельных фраз и близость текста некоторых мест того и другого документа.

¹²⁸ Уже во время столкновений 1788—1789 гг. в ряде частей французской армии (в Париже, Ренне, Безансоне и др.) проявилось нежелание стрелять в народ. Накануне 14 июля в Париже особенно сильное недовольство выявилось в полку французской гвардии (*Gardes françaises*), самом многочисленном из всех гвардейских полков. Часть гвардейцев приняла участие в штурме Бастилии. Из среды унтер-офицеров этого полка вышли виднейшие революционные генералы, в том числе Гош.

¹²⁹ Воззвание «Следует ли повиноваться конституции 1795 г.» было опубликовано Тайной директорией 25 жерминаля IV г.

¹³⁰ В окончательный состав Комиссии 11, образованной Конвентом для выработки «законов, необходимых для приведения в действие конституции» 1793 г., вошли Тибодо, Лезаж, Буасси д'Англа, Берлие, Дюран-Майан, Ларевейер-Лепо, Крезе-Латуш, Луве, Дону, Ланжюинэ, Боден; последние шесть — бывшие жирондисты. Комиссия 11, не решавшаяся вначале открыто выступить против конституции 1793 г., после прерияльских событий единодушно высказалась за отмену конституции. 5 мессидора III г. Буасси д'Англа от имени Комиссии 11 представил термидорианскому Конвенту соответствующий доклад.

¹³¹ Обращение «Трибуна народа» к внутренним войскам было опубликовано 27 жерминаля.

¹³² Пишегрю, Шарль (1761—1804) — генерал. Выдвинулся в 1793—1794 гг. Командовал северной армией; подавил движение 12 жерминаля; вступил в связь с монархистами; в 1797 г. был избран председателем Совета пятисот. Сослан после переворота 18 фрюктидора. В 1804 г. — участник монархического заговора Кадудала; был арестован и повешен в камере.

¹³³ М е н у (1750—1810) — генерал; член Учредительного собрания; в период термидорианской контрреволюции командовал внутренней армией. Руководил подавлением прериальского восстания. Во время мятежа 13 вандемьера был отстранен из-за своих симпатий к монархистам. Позднее был одним из командующих французской армией в Египте, где и погиб.

¹³⁴ Ж у р д а н, Жан-Батист (1762—1833) — генерал республики; командовал в 1793—1794 гг. важнейшими армиями; одержал победу в битве при Флериусе (26 июня 1794 г.); позднее — маршал Франции, служил при Наполеоне и Бурбонах.

¹³⁵ Б е н е з е к, Пьер (1755—1802) — министр внутренних дел Директории с брюмера IV г. по мессидор V г.; при Наполеоне — член Государственного совета; был послан на о. Сан-Доминго вместе с генералом Леклерком, где и умер.

¹³⁶ В Аррасе родился Максимилиан Робеспьер. Бабеф находился в Аррасской тюрьме во время термидорианской реакции с 25 вантоза III года (15 марта 1795 г.) до 24 фрюктидора (10 сентября 1795 г.).

¹³⁷ «Ответ на письмо за подписью М. В.» был распространен 29 жерминаля IV г. Его автором был, по-видимому, Буонарроти. Возможно, что под буквами «М. В.» скрывался Марк Вадье.

¹³⁸ «Настоятельное слово патриотам» составило содержание № 42 «Трибуна народа». В настоящем издании текст Бабефа воспроизводится впервые полностью, в отличие от всех предшествующих изданий книги Буонарроти.

¹³⁹ В Вероне жил граф Прованский, провозгласивший себя в июле 1795 г. королем Людовиком XVIII. Люксембургский дворец — резиденция Директории.

¹⁴⁰ Обращение к полицейскому легиону было составлено в день приказа правительства (9 флореаля) о выводе из Парижа двух батальонов этого легиона, «наиболее непокорных» властям.

¹⁴¹ «Заметка для передачи» — один из документов, не предназначенных к оглашению, относящийся к первой половине флореаля. Замечание о необходимости «обмануть роялистов» связано с полученным бабу-

вистами предложением использовать для свержения правительства роялистов; это предложение было отвергнуто.

¹⁴² В ходе переговоров между Тайной директорией и Комитетом монтаньяров, 15 флореаля, на заседании Тайной директории Жерменом был приведен Рикор, представлявший комитет монтаньяров. В речи, обращенной к Рикору, Тайная директория изложила свою программу, цели и условия объединения с монтаньярами.

¹⁴³ Обращение Тайной директории к агентам 12 округов 18 флореаля IV г. было ответом на поступившие в это время тревожные запросы агентов о причинах задержки выступления и на их сигналы об опасности промедления.

¹⁴⁴ Письмо предателя Гризеля Тайной директории написано в день опубликования его брошюры «Письмо Свободного франка своему другу Террору».

¹⁴⁵ Двадцать второй документ содержит изменения, внесенные в Акт о восстании в результате соглашения Тайной директории с комитетом монтаньяров, касавшиеся, в частности, возобновления, в случае победы восстания, деятельности Конвента, пополненного представителями демократов, по одному от каждого департамента.

¹⁴⁶ «Обращение к солдатам» было составлено Буонарроти.

¹⁴⁷ Письмо написано Бабефом накануне казни.

¹⁴⁸ Старший сын Бабефа Робер-Эмиль воспитывался Феликсом Лепелетье. Работал в книжных магазинах Лиона и Парижа. Активно поддерживал Наполеона во время «ста дней». В 1816—1818 гг., при Реставрации, подвергался преследованиям за издание бонапартистского памфлета «Трехцветный карлик». С 1818 г. владел книжным магазином в Париже. Поддерживал связь с Буонарроти, хотя далеко не отличался политической стойкостью, присущей его отцу. Его сын Луи-Пьер в 1848 г. был назначен супрефектом.

¹⁴⁹ Младшие сыновья, Камилл и Кай, воспитывались генералом Тюрро. Кай был убит во время войны 1814 г., Камилл сбросился с Вандомской колонны

во время вступления союзных войск в Париж 31 марта 1814 г. Вдова Бабефа еще в 1840 г. жила в Париже, была продавщицей.

¹⁵⁰ Лебуа — редактор газеты «Друг народа», выходившей в 1794—1795 гг. Содержался вместе с Бабефом в Аррасской тюрьме. Бабеф критиковал политические колебания Лебуа, его склонность к компромиссу с Директорией. Бодуэн был издателем стенографического отчета вандомского процесса.

¹⁵¹ Эта брошюра сохранилась в следственном деле бабувистов (Archives Nationales, W³ 563) и переведена с фотокопии, хранящейся в ЦПА ИМЛ (ф. 223).

¹⁵² Эта брошюра, автором которой, по-видимому, был Ф. Лепелетье, сохранилась в следственном деле бабувистов (Archives Nationales, W³ 562); переведена с фотокопии, хранящейся в ЦПА ИМЛ (ф. 223).

ЛИТЕРАТУРА О БАБЕФЕ И БАБУВИЗМЕ

1. Ф. Энгельс. Успехи движения за социальное преобразование на континенте.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 525—533.
2. К. Маркс и Ф. Энгельс. Святое семейство.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 132, 146.
3. Ф. Энгельс. Празднество наций в Лондоне.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 587—599.
4. К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 419—459.
5. В. И. Ленин. Философские тетради. Соч., т. 38, стр. 23, 28.
6. Волгин В. П. История социалистических идей. Ч. 1. М.—Л., 1928.
7. Волгин В. П. Очерки по истории социализма. Изд. 4, М.—Л., 1935.
8. Волгин В. П. Французский утопический коммунизм. М., 1960.
9. Волгин В. П. Место бабувизма в истории социальных идей.—«Французский ежегодник. 1960 г.». М., 1961; там же весь раздел «К двухсотлетию со дня рождения Гракха Бабефа», стр. 7—278.
10. Далин В. М. Гракх Бабеф накануне и во время Великой Французской революции (1785—1794 гг.). М., 1963.

11. Щеголев П. П. Заговор Бабефа. Л. [1927].
12. Щеголев П. П. Филипп Буонарроти и его книга «Заговор равных». — В кн.: «Уч. зап. Ленинградского ун-та». Серия исторических наук, 1940, вып. 6, стр. 230—263.
13. Advielle V. Histoire de Gracchus Babeuf et du babouvisme, d'après de nombreux documents inédits. T. 1—2. Paris, 1884.
14. Bernstein S. Filippo Buonarroti. Torino, 1946; франц. дополнен. изд. — Paris, 1949.
15. Cuypers J. Les Egalitaires en Belgique. Buonarroti et les sociétés secrètes d'après des documents inédits. (1824—1836). Bruxelles. 1961.
16. Deville G. Thermidor et Directoire. Paris, S. d. (Histoire socialiste sous la dir. de J. Jaurès. T. 5).
17. Dommanget M. Babeuf et la conjuration des Egaux. Paris, 1922.
18. Eisenstein E. L. The first professional Revolutionist. Filippo Michele Buonarroti (1761—1837). Harvard University Press. 1959 (р. 161—190 — библиографический обзор).
19. Galante Garrone A. Buonarroti e Babeuf. Torino, 1948.
20. Galante Garrone A. Filippo Buonarroti e i rivoluzionari dell'Ottocento (1828—1837). Torino, 1951.
21. Lefebvre G. Etudes sur la Révolution française. Paris, 1954.
22. Lehning A. Buonarroti and his International Secret societies. — «International Review of Social History», 1956.
23. Lehning A. Buonarroti's Ideas on Communism and Dictatorship. — «International Review of Social History», 1957.
24. Mathiez A. Le Directoire. Publ. d'après les manuscrits de l'auteur par J. Godechot. Paris, 1934.
25. Mazauric C. Babeuf et la Conspiration pour l'Egalité. Paris, 1962.
26. Pages choisies de Babeuf (recueillies, commentées, annotées avec une introduction et une bibliographie critique par M. Dommanget). Paris, 1935.

27. Romano-Catania G. Filippo Buonarroti. 2-e cor. ed. ampliata con nuovi documenti ined. Milano, 1902.
28. Saitta A. Filippo Buonarroti. Contributi alla storia della sua vita e del suo pensiero. Roma. 1950—1951, v. 1—2.
29. Weill G. Philippe Buonarroti — «Revue historique», 1901.
30. Weill G. Les papiers de Buonarroti — «Revue historique», 1905.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

Агис II 379

Альбит (Albitte) I 129; II 392

Амар (Amar) Ж.-П. I 158, 159, 163, 166, 167, 172—174, 194, 196, 202, 216—218, 229, 248, 257, 263; II 29, 377, 388, 396, 407, 411

Андриан (Andryane) А. II 360

Антонелль (Antonelle) Пьер-Антуан I 133, 175, 192, 194, 196; II 18, 26, 29, 40, 377, 393, 400, 401, 402, 409, 410, 415

Ариосто II 359

Армоньвиаль II 408

Арса II 188

Артуа, д' II 404, 412

Бабеф (Babeuf) Гракх I 5—7, 14—17, 20—23, 26—31, 33, 34, 38, 46, 50, 52, 53, 61, 63, 65, 68, 70, 127, 145—147, 158, 172, 179, 180, 187, 192—194, 196, 198, 205, 210, 211, 213, 214, 247, 248, 253, 266, 396, 399, 400; II 7, 8, 14, 21, 23, 24, 28, 29, 37, 38, 41, 43—49, 59, 60, 65—67, 207, 210, 236, 245, 315, 318, 321, 322, 356, 357, 359, 360, 363, 366—374, 377—381, 385—387, 390, 391, 393, 395, 397—402, 406—410, 412—415, 417—419

Бабеф (Babeuf) Кай II 317, 418

Бабеф (Babeuf) Камилл II 317, 418

Бабеф (Babeuf) Луи-Пьер II 418

Бабеф (Babeuf) Робер-Эмиль II 316, 374, 418

Байи, (Bailly) II 411

Бакунин М. А. II 360

Барбару (Barbaroux) I 86; II 382

* Составила Н. А. Попова.

- Барбье (Barbier) Жан-Ноэль II 43
 Баррер (Barrère) I 126, 230; II 388—390, 399, 408, 414, 416
 Барнав (Barnave) Антуан II 383
 Барнвелът см. Ольденбарневелът
 Баррас (Barras) I 142, 144, 226, 277, 278; II 233, 234, 237—240
 Бартелеми II 400
 Бенезек (Bénézech) Пьер II 197, 417
 Бентабол (Bentabole) П. Л. II 388
 Берлие II 416
 Бертран (Bertrand) I 127, 149, 150, 225; II 396
 Бийо-Варенн (Billaud-Varennes) I 126; II 388—390, 414
 Биоза де Готье (Biauzat de Gauthier) II 65, 410, 413
 Блан (Blanc) Луи II 361
 Бланки (Blanqui) Огюст II 361
 Блондо (Blondeau) I 65; II 28, 65, 377, 378
 Бод (Baude) II 29
 Бодеман (Baudement) I 175, 205; II 324, 365, 378
 Боден (Bodin) II 416
 Бодсон (Bodson) Жозеф I 127, 150, 194, 273; II 29, 324, 387, 391, 411
 Бодуэн (Boudouin) II 317, 419
 Боза II 384
 Бонапарт см. Наполеон I
 Бонапарт (Buonaparte) Жозеф II 356
 Бонапарт (Buonaparte) Люсьен II 397
 Бонвилль (Bonnevillle) Никола, де I 11; II 381
 Борromeo П. II 361
 Бретон (Breton) II 29
 Бретон (Breton) Жанна II 29
 Бриссо (Brissot) Жак-Пьер I 86; II 381, 382
 Бронтер, О'Брайен — см. О'Брайен Бронтер
 Брут I 124, II 227
 Буасси д'Англа (Boissy d'Anglas) Франсуа-Антуан I 226, 228; II 104, 105, 231, 237, 266, 392, 400, 403, 415, 416
 Буден (Boudin) II 29
 Буье (Bouillé) Л.-Ж.-А., де II 382
 Буонарротти (Buonarrotti) Филипп I 5, 6, 41, 49—51, 53, 54, 57—62, 127, 145, 148, 159, 164, 174, 194,

196, 205, 247, 266; II 23, 28, 29, 47, 49, 65, 67, 236, 321, 323, 353—364, 365, 373—379, 381, 382, 386—388, 390, 391, 394, 395, 397, 399, 400, 405, 407, 408, 412, 415, 417, 418

Бурбоны II 404, 413, 417

Бурбот (Bourbotte) I 129; II 42, 106, 151, 329, 392

Бурдон II 388

Бушотт (Bouchotte) Ж.-Б.-Н. II 397, 398

Буэн (Bouin) I 65, 127, 148, 150, 174, 205; II 29, 66, 377, 391

Бьянко II 361

Бэйль (Bayle) П. II 388

Бюше (Buche) Ф. II 361

Вадье (Vadier) Марк I 126, 230; II 29, 68, 69, 358, 377, 388—390, 399, 408, 411, 414, 417

Вакре (Vacret) II 29

Ваннек (Vannec) I 207; II 402

Варле (Varlet) Ж. II 391

Вейар II 411

Вернь (Vergne) II 29

Верньо (Vergniaud) П.-В I 86; II 382, 384

Висцеллин II 188

Вуайе д'Аржансон (Voyer d'Argenson) II 361—364, 378

Вулан II 388

Вьеар (Vieillart) II 57, 61

Гаде (Guadet) Маргерит-Эли I 86; II 382, 384

Гара (Guarat) Д. Ж. II 371

Гарен (Garin) II 371

Герцог Брауншвейгский II 382

Герцог Кобургский II 383

Гилем (Guilhem) I 205; II 29, 324, 411

Горса (Gorsas) I 84; II 382

Госюэн (Gossuin) Константин-Жозеф-Этьен II 78, 100, 413

Гош II 416

Гравье (Gravier) I 127; II 324, 391

Гракхи II 107, 188, 227, 230, 379

Гракх Кай II 379

- Гракх Тиберий II 379
Гризель (Grisel) I 207—209, 247, 248, 264—266, 268, 271, 272; II 36, 37, 40, 41, 49, 279, 374, 378, 401, 407, 415, 418
Гужон (Goujon) I 129; II 9, 42, 106, 151, 329, 391
Гулар (Goulard) I 127; II 29, 324, 391, 411
Гупито II 388
Гюффрау II 372, 388
- Давид (David) Жак-Луи I 120; II 359, 389
Далер-Тенай (Dalaire-Tenaille) I 127; II 325
Дантон (Danton) Жорж-Жак I 115, 118; II 381
Дарте (Darthé) Огюстен-Александр I 65, 145, 148, 149, 158, 159, 164, 173, 174, 187, 194, 196, 205, 208, 209, 223, 247, 253, 262, 264, 266, 270—272, 416; II 23, 28—30, 65—67, 377, 379, 395, 398, 408, 415
Дебон (Debon) I 127, 147, 159, 164, 166, 172, 196, 205, 223, 247, 254, 255; II 324, 390, 415
Дезарм (Des Armes) I 127; II 391
Делакруа (Delacroix) II 78, 100, 357, 413
Дентат II 188
Деруа II 151
Дерэ (Deray) I 175, 205; II 324
Дессонвиль II 406
Дидье (Didier) Жан-Батист I 158, 174, 194—196, 214, 247, 266, 272, 416; II 29, 324, 396
Домманже (Dommange M.) II 370
Дону II 416
Друэ (Drouet) Жан-Батист I 184, 253, 264—266, 270, 271, 416; II 7, 8, 15—17, 29, 61, 377, 380, 399, 407, 411, 412
Друэн (Drouin) II 29
Дюбарра Дюмо II 410
Дюбуа де Фоссе (Dubois de Fosseux) Ф.-М.-А. I 14; II 366, 378
Дюбуа-Крансе II 388, 407
Дювенье (Duvigneau) II 196
Дюкенау (Duquesnoy) I 129; II 42, 106, 151, 329, 392
Дюко (Ducos) Жан-Франсуа II 78, 100, 413

- Дюмолар (Dumolard) Жозеф-Винсент I 226; II 400, 404
Дюмон (Dumont) II 104, 414
Дюмурье (Dumouriez) Шарль-Франсуа-Дюперье I 86;
II 56, 178, 371, 383, 397
Дюпле (Duplay) II 377
Дюпле (Duplay) II 29, 390
Дюпле (Duplay) Симон I 127, 194, 210; II 29, 390, 411
Дюпор (Du Port) А. II 383
Дюран-Майан (Durand-Maillane) Пьер-Тусен II 78,
100, 413, 416
Дюруа (Duroy) I 129; II 42, 106, 329, 392
Дюфур (Dufour) Франсуа I 175, 274, 416; II 29,
396, 411
Дюшатле (Duchatelet) А. II 381
Жавог (Javogues) Клод I 299; II 396, 406
Жансонне (Gensonné) П. II 384
Женуа (Genois) I 159; II 325
Жермен (Germain) Шарль I 30, 65, 127, 146, 148,
159, 175, 194, 205, 207, 208, 244, 247, 248, 252,
254, 258, 271, 272, 278, 280, 416; II 28, 29, 40,
41, 65, 373, 377, 391, 395, 407, 418
Жордан (Jordan) Камилл I 226; II 400, 404
Жорри (Jorry) II 29
Журдан (Jourdan) Жан-Батист II 196, 197, 417
Журдан (Jourdan) гражданка II 197
Жюльен де ла Дром (Julien de la Drôme) I 127, 149;
II 324
Жюльен Марк-Антуан II 390
Иисус II 379, 398
Инар (Isnard) Максимен I 228; II 104, 234, 237, 405,
415
Иоанн Лейденский II 379
Кабе (Cabet) Э. II 361
Кадруа (Cadroy) I 288; II 104, 400, 405, 415
Кадудаль II 416
Казабьянка II 355
Казен (Cazin) I 65, 205, 273; II 29, 65, 377
Како II 357
Камбон II 388

- Канулей II 188
Капет см. Людовик XVI
Кардино (Cardinaux) I 154
Карл II II 11
Карно (Carnot) Лазар-Никола-Маржери I 144; II 233, 234, 388, 395, 400, 407
Каррье II 391, 411
Катон I 118
Клеман (Clément) Жан-Батист-Анри I 159, II 397, 398
Клере (Clérex) I 194, 196, 248; II 29, 324
Клерк II 411
Колло д'Эрбуа (Collot-d'Herbois) I 126; II 78, 100, 388, 389, 390, 414
Комартен (Comartin) II 103, 326, 414
Кондорсе (Condorcet) Жан-Антуан-Никола I 86; II 381, 382
Корда (Cordas) II 28, 411
Кордебар (Cordebar) II 29
Коше (Cochet) II 29, 395
Кошон II 400
Крезе-Латуш II 416
Крепен (Crépin) II 29
Кретъен (Chrétien) II 29, 411
Кромвель (Cromwel) Оливер II 11
Ксеркс I 332; II 112
Куланж (Coulange) I 150; II 325
Купе (Coupé) Ж.-М. II 369, 379, 397
Кутон (Couthon) I 120; II 379, 388, 413
Кюссе II 396
Кюстин (Custine) Адам-Филипп, де I 86; II 382, 383

Лабитт Шарль II 395
Лабрюшоллери Ивер II 410
Лакомб (Lacombe) I 150
Лакост II 388
Лалуа (Lalou) Пьер-Антуан II 78, 100, 413
Ла Марк, де II 384
Ламбер (Lambert) II 29
Ламбер (Lambert) Аделаида II 29
Ламберте (Lamberté) II 29, 411
Ламет (Lameth), де Александр II 383

- Ламет (Lameth), де Огюстен II 383
Ламет (Lameth), де Теодор II 383
Ламет (Lameth), де Шарль I 89; II 383
Ламир (Lamire) г-жа II 369
Лангле (Langlet) Виктория II 398
Ланжуйнэ (Lanjuinais) I 86, 226; II 104, 237, 382, 405, 416
Лапьер (Lapierre) Софи II 29
Ларевейер-Лепо (Lareveillère-Léreaux) Луи-Мари I 226; II 395, 404, 407, 416
Ларивьер (Larivière) Анри I 226, 228; II 104, 400, 404
Латюлип (Latulipe) II 154
Лафайет (Lafayette) М. Ж. П. I 89; II 178, 378, 381, 383, 393, 404
Леба (Lebas) Филипп-Франсуа I 120; II 389
Леблан (Leblanc) I 128
Лебон Жозеф II 373
Лебуа (Lebois) II 317, 419
Лежандр (Legendre) Луи I 226; II 234, 237, 239, 240
Лезаж II 416
Лекёр (Lecoeur) I 248; II 325
Леклерк (Leclerc) II 417
Лекуантр II 388
Ленде (Lindet) Робер I 253, 263, 266, 268; II 29, 377, 388, 401, 407, 411
Леопольд II 363
Лепелетье (Lepelletier) Феликс I 133, 159, 164, 174, 192, 194, 196; II 29, 61, 324, 377, 393, 407, 411, 415, 418, 419
Лепелетье (Lepelletier) де Сен-Фаржо Луи-Мишель I 378; II 379, 393, 408, 409
Летурнер II 395
Лефевр (Lefebvre) I 6
Ликурж I 78, 124, 309; II 379
Ломон (Laumont) Клод-Жан-Батист II 104, 414
Лонгекан (Longuecamp) Ф.-Ж.-Б. II 370
Луве (Louvét) I 86; II 382, 416
Лустало (Loustallot) Э. II 401
Луэль (Louel) I 278
Лэньело (Laignelot) Ж.—Ф. I 229, 254, 266; II 29, 324, 377, 405, 411

- Людовик XVI (Louis) I 90, 92, 233; II 112, 155, 168, 325, 326, 378, 380, 383, 384, 399, 406, 409, 415
 Людовик XVII (Louis) II 385
 Людовик XVIII (Louis) II 238, 239, 417
 Люций-Юний II 168
 Мабли (Mably) Габриель-Боно I 75, 78; II 48, 209, 366, 379
 Мадзини II 362
 Майе (Mallet) I 127; II 324, 391
 Майль (Mailhe) Жан-Никола I 191; II 401
 Макиавелли II 329
 Мале II 358, 379, 399, 405
 Мальтедо II 355
 Марат (Marat) Жан-Поль I 95, 146; II 230, 368, 371, 380, 381, 384, 396, 398, 399, 402, 409, 411, 413
 Марешаль (Maréchal) Сильвен I 52, 59, 194, 196 247; II 227, 371, 401, 408, 415
 Мария-Антуанетта (Marie-Antoinette) II 381
 Маркс Карл I 11, 52
 Мартен (Martin) Николь II 29
 Маршан (Marchand) Гильом-Симон I 159; II 397, 398
 Марьет (Marianne) II 104, 415
 Массар I 127, 149, 159, 173, 174, 247, 248, 266, 269, 270, 272, 274, 280; II 29, 411
 Массе (Massay) I 206; II 324
 Матурен II 391
 Матьез (Mathiez) А. II 399
 Менесье (Méneissier) Клод I 65, 205; II 29, 65, 377, 379, 391
 Мену (Menu) II 193, 417
 Менье (Meunier) Жан-Батист II 43
 Меоль (Méaule) II 78, 100, 413
 Мерлен из Дуэ (Merlin de Douai) Ф. - А. II 388, 412
 Мерлен из Тионвиля (Merlin de Thionville) Антуан-Кристоф I 226; II 388, 403
 Микель-Анджело II 353, 359, 363
 Минос I 78; II 379
 Мирабо (Mirabeau) Оноре Габриель Рикетти, де I 89; II 378, 383, 384

- Миттуа (Mittois) I 149, 175; II 324
Моисей II 379
Монье (Monnier) II 29
Монсьон (Montion) II 77
Монтескье (Montesquieu) Шарль I 78
Мор Томас I 78; II 379
Морелли (Morelly) I 14, 19, 44
Морель (Morel) Никола I 205; II 29, 325, 411
Морис Нассауский II 409
Моруа (Moroy) I 65, 127, 205; II 29, 65, 377
Мунар (Mounard) II 28, 29
Мунье (Mousnier) Р. II 379
Мурри II 361
Мюнье II 29
Наполеон I I 93, 188, 189, 416; II 196, 356, 358, 359, 363, 364, 377, 382, 389, 390, 393—397, 399, 400, 402, 404—407, 411, 413, 415, 417, 418
Наполеон III II 394
Нарбонн (Narbonne) Луи I 83, 86; II 382
Нейе (Nayez) II 29
Нельсон II 399
Ньютон (Newton) Исаак I 80
О'Брайен Бронтер (O'Brien Bronterre) В. С. I 6, II 321, 360, 390
Оги (Auguis) Пьер-Жан-Батист II 104, 414
Одуэн (Audouin) Ф. К. II 398
Ольденбарневельт II 9, 409
Оуэн (Owen) Роберт I 395, 396, 399, 400
Палестрино II 356
Панис II 388
Паоли Паскаль II 354, 355
Парен II 29, 411
Пари I 205, 273
Пасторе (Pastoret) Клод-Эммануэль-Жозеф-Пьер I 226; II 400, 404
Паш (Pache) Жан-Никола II 17, 397, 398, 409
Паэзиелло II 359
Пейссар (Peysard) I 129; II 151, 392

- Пеш (Pêche) I 249
 Пийе (Pillé) II 23, 29, 410, 411
 Питт (Pitt) II 231
 Пифагор II 379
 Пишегрю (Pichegru) Шарль II 193, 416
 Платон I 78; II 379
 Понтикур (Ponticourt) II 279
 Порталис Жан-Этьен-Марк I 226; II 400, 404
 Поттер, де II 361
 Поттофе (Pottotfeux) II 29
 Поццо ди Борго II 355
 Преси, де II 385
 Приер из Марны (Приер де ла Марн) (Prieur de la Marne) Пьер-Луи I 129; II 392
 Прованский, граф II 417
 Пьеррон (Pierron) I 205; II 324

 Рабо (Rabaud) де Сент-Этьен I 86; II 382
 Раймон см. Буонарроти
 Рамбюто II 365
 Распайль II 361
 Реаль (Réal) Пьер-Франсуа II 411
 Ребель (Rewbell) Жан-Франсуа I 226; II 388, 395, 403
 Револь (Révol) I 127; II 324
 Рей II 29
 Рейс (Reys) I 194, 248; II 324, 411
 Рикор (Ricord) Ж. - Ф. I 229, 254, 258, 259, 261, 263, 265, 266; II 29, 49, 356, 377, 405, 411, 418
 Робеспьер (Robespierre) Максимилиан I 11, 46, 58, 95, 96, 97, 109, 110, 118, 120, 126, 134, 147, 149, 167, 179, 189, 223, 225, 230, 255, 349, 352; II 355, 369, 371, 372, 379—382, 385—390, 394—399, 402, 408, 417
 Робеспьер (Robespierre) Огюстен-Бон-Жозеф II 355, 389, 405
 Ровер (Rovère) I 228; II 104, 105, 237, 388, 400, 405
 Ролан (Roland) II 409
 Ромм (Romme) Жильбер I 129; II 42, 106, 151, 329, 391
 Россиньоль (Rossignol) Жан-Антуан I 247, 248, 252,

- Ру (Roux) II. II 361
Руа (Roy) II 29
Руссийон (Roussillon) I 150; II 324
Руссо (Rousseau) Жан-Жак I 51, 58, 75, 77, 78, 83, 313, 393; II 209, 329, 353, 366, 378, 379, 398
Рэбуа (Raybois) II 29
Рютледж (Rutledge) II 411
- Савари (Savary) II 358
Саитта А. II 415
Саладен (Saladin) Жан-Батист-Мишель II 104, 400, 414
Саличетти II 355—357, 405, 408
Салфи II 361
Сапино (Sapino) II 103, 414
Сен-Жюст (Saint-Just) I 95, 109, 110, 111, 120, 134; II 230, 372, 379, 386, 388, 395, 396, 398
Сидней (Sidney) II 9, 409
Сиейес II 379, 388
Симеон (Siméon) Жозеф-Жером I 226; II 400, 404
Сократ II 379
Солиньяк (Solignac) I 127; II 194, 195, 324
Стев (Steve) I 249
Столон II 188
Стоффле (Stofflet) II 103, 414
Строгановы II 392
Субрани (Soubrany) I 129; II 42, 106, 151, 329, 392, 254, 256, 266, 272, 278, 280; II 29, 377, 406, 407
- Тальен (Tallien) Жан-Ламбер I 226; II 234, 237—240, 372, 388, 394, 402, 403, 407
Тарквиний II 109
Таффуро (Taffoureau) II 29, 395
Тест (Teste) III. II 360, 361, 364, 378
Тибодо (Thibaudeau) Антуан-Клер I 143, 226; II 394, 405, 416
Тиссо (Tissot) I 258; II 374
Треншар (Trinshard) I 127, 149, 175; II 324, 391
Трюге II 354
Тулот (Toulotte) II 29, 395

Тургенев А. И. II 363

Тюрио II 388

Уде II 379

Феро II 388

Ферю (Feru) I 150; II 324

Фике (Fiquet) Антуан II 29

Фике (Fiquet) Клод I 127, 128, 205, 273; II 29, 391, 400

Филип (Philip) I 149; II 29, 324, 411

Фион (Fion) Жан-Жозеф I 127, 207, 247, 248, 252, 254, 256, 266, 272, 280; II 18, 29, 377, 390, 400, 401

Фонтенель (Fontenelle) I 127, 146, 149

Форестье (Forestier) I 129; II 151, 392

Фоше (Faushet) К. I 11

Франц Австрийский II 167

Фрерон (Fréron) Луи-Станислав I 226; II 237, 239, 240, 388, 394, 402, 403, 407

Фроссар (Frossard) II 28

Фуасак Ла Тур (Foissac La Tour) I 150

Фурнье-Американец (Fournier-l'Americain) К. II 371, 411

Фуше (Fouché) Ж. II 359, 374, 388, 390, 411

Шалье (Chalier) Мари-Жозеф I 149; II 391, 395, 396, 409

Шамбон (Chambon) II 104, 415

Шанан (Chanan) I 127; II 324

Шапель (Chapelle) I 150, 175; II 396

Шарет (Charette) II 103, 326, 328, 414

Шометт (Chaumette) II 371, 385, 387, 411

Шудье (Choudieu) I 229; II 324, 406

Эбер (Hébert) I 115; II 387, 398

Эзин Пьер-Никола II 393, 412

Энгельс Фридрих I 7, 52, 60

Эрон (Héron) Луи-Жюльен-Симон I 174; II 398, 410

Эспинас (Espinas) А. В. II 369

Эшассерио II 388

Юре (Huquet) М.-А. I 229; II 396, 406

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЦЕСС

Тюремное заключение	7
Друзь отводит меч, готовый поразить подсудимых	8
Г. Бабеф — Исполнительной директории . .	8
Ослепление правительства	14
Нарушение конституции	15
Обвинительное заключение	16
Побег	17
Перевод заключенных в Вандом	18
Опротестования	19
Отводы	20
Мужественные признания Бабефа	21
Стойкость подсудимых	24
Видоизменение защиты	25
Антонелль	26
Открытие судебного разбирательства	28
Дарте	30
Контрреволюционное умонастроение государственных обвинителей	32
Помехи, чинимые защите	34
Подсудимые выступают в защиту революции .	34
Предатель	36
Он выступает свидетелем	37

Сумятица	37
Свидетельские показания предателя	40
Бабеф оправдывает прериаальское восстание	41
Благородство двух свидетелей	43
Защита	44
Попытка освободить подсудимых, которым грозила опасность	50
Враждебные речи государственных обвинителей	51
Ответы подсудимых	53
Призыв к патриотизму присяжных заседателей	54
Защита революционного правительства	55
Восхваление конституции 1793 г.	57
Подсудимые настаивают на законности заговора	58
Бабеф защищает общность имуществ	59
Заключительная часть речи Бабефа	60
Вопросы об установлении фактов	62
Вопрос относительно намерения	63
Решение суда присяжных	65
Приговор	66
Бабеф и Дарте ранят себя. Смятение	67
Кровавая казнь	67
Вадье	68
Благородство муниципального совета Сен-Ло	69
Доброта жителей Вандома	69

ДОКУМЕНТЫ

Первый документ. Конституция Французской республики, принятая Национальным конвентом в 1793 г. Декларация прав человека и гражданина	70
Продолжение первого документа. Республиканская конституция	78
Второй документ. Правда, высказанная народу патриотами 89 года, людьми 14 июля, 10 августа и 13 вандемьера	100

Третий документ. Солдат, остановись и прочти	111
Четвертый документ. Образование Повстанческой директории	113
Пятый документ. Установление двенадцати главных агентов и агентов-посредников. Основные функции тех и других	115
Шестой документ. Первая инструкция Тайной директории каждому из главных революционных агентов	117
Седьмой документ. Манифест равных	133
Восьмой документ. Анализ доктрины Бабефа	139
Девятый документ. Письмо Свободного франка его другу Террору	153
Десятый документ. Первая инструкция Тайной директории главным военным агентам	158
Одиннадцатый документ. Следует ли подчиняться конституции 1795 г.? . . .	177
Двенадцатый документ. Обращение «Трибуна народа» к внутренним войскам .	187
Тринадцатый документ. Гракху Бабефу, трибуну народа	207
Продолжение тринадцатого документа. Ответ на письмо за подписью М. В.	210
Четырнадцатый документ. Настоятельное слово патриотам.	231
Пятнадцатый документ. Акт о восстании	245
Шестнадцатый документ. Народ санкюлотов Парижа — полицейскому легиону	255
Семнадцатый документ. Заметка для передачи	256
Восемнадцатый документ. Речь к посланцу комитета монтаньяров	258

Девятнадцатый документ. Директория общественного спасения — агентам двенадцати округов	262
Двадцатый документ. Автор письма Свободного франка Повстанческой директории	270
Двадцать первый документ. Свободный франк — Тайной директории	277
Двадцать второй документ. Новый акт о восстании	279
Двадцать третий документ. Проект Повстанческой директории общественного спасения	281
Двадцать четвертый документ. Проект постановления о народном суде. Фрагмент.	282
Двадцать пятый документ. Директория — агентам	284
Двадцать шестой документ. Фрагмент проекта речи к победившему народу	289
Двадцать седьмой документ. Воззвание к солдатам	291
Двадцать восьмой документ. Фрагмент проекта декрета об управлении	296
Двадцать девятый документ. Фрагмент проекта экономического декрета	300
Тридцатый документ. Последнее письмо Гракха Бабефа	315

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Письмо Буонарроти Бронтеру О'Брайену	321
2. Жалоба французского народа на его угнетателей	325
3. Мнение о двух наших конституциях	335

КОММЕНТАРИИ

Ф. Буонарроти (Биографическая справка) . .	353
Г. Бабеф (Биографическая справка)	366
Издания и переводы «Заговора во имя равенства»	375
Примечания	377
Литература о Бабефе и бабувизме . , . . .	420
Указатель имен	423

Ф. Буонарроти

**Заговор во имя равенства,
именуемый заговором Бабефа**

Том II

Утверждено к печати

Отделением Исторических наук Академии наук СССР

Редактор Ю. П. Мадор

Редактор издательства Ю. И. Хаинсон

Технический редактор П. С. Кашина

РИСО АН СССР № 89 — 2В. Сдано в набор 12/X 1963 г.

Подписано к печати 3/XII 1963 г. Формат 70 × 90¹/₃₂.

Печ. л. 13,75 = 16,90 усл. л. Уч.-изд. л. 14,8

Тираж 3000 Изд. № 1840. Тип. зак. № 2812

Цена 1 р. 04 к.

Издательство Академии Наук СССР

Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства Академии наук СССР

Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

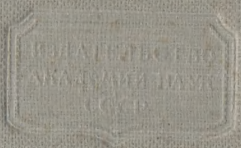
О П Е Ч А Т К И И И С П Р А В Л Е Н И Я

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
		Том I	
62	9 сн.	движения.	движения,
80	1 св.	революции	революции,
103	3 св.	подчиненные	подчинение
163	5 сн.	но	он
231	7 сн.	замысле	плане заговора
		Том II	
378	7 св.	Procas	Procès
410	17 св.	Пилле	Пийе

Буонарроти. Заговор во имя равенства, тт. I и II.

17
591

Ар. 04 к.

Ф. БУОНАРРОТИ

II